157 5/146

ДЕКАБРИСТЫ

К СТОЛЕТИЮ ЗАГОВОРА

1825—1925

РЕДАКЦИЯ
С. Я. ШТРАЙХА

1941/4

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

157 5
146

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ДЕКАБРИСТЫ

1825—1925

СБОРНИК СТАТЕЙ
и МАТЕРИАЛОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ и С ПРЕДИСЛОВИЕМ С. Я. ШТРАЙХА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

Отпечатано в типографии „Дер Эмес“ Москва, Покровка, д. 9, телеф 2-72-14 в количестве 5000 экз. Главлит 47115

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
37977-25 М

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре нынешнего года исполняется сто лет со времени первого русского вооруженного восстания для свержения царизма и уничтожения крепостного права со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями.

Русское политическое сознание начало пробуждаться, главным образом, со времени Великой Французской Революции. Под влиянием ее идей развивалось русское вольнодумство, воспитывались русские конституционалисты и политические мечтатели, вплоть до самого наследника престола Александра Павловича. Раз тронувшись, это течение стало захватывать все новые слои не только вширь, но и вглубь, а консервативная реакция, охватившая правительственные круги в середине Александровского царствования, только усиливала конституционное движение среди образованных слоев населения и раздувала революционные настроения во всем народе, измученном гнетом аракчеевщины. Стихийное стремление крестьянских масс избавиться от экономической эксплоатации и личного рабства, находило идеологическое обоснование в передовых кругах служилого дворянства, преимущественно офицерства. Эпоха Наполеоновских войн и пребывание русской армии за границей особенно содействовали развитию всех этих настроений и стремлений, углублявшихся в среде гвардейского и армейского офицерства и расширявшихся в солдатских и крестьянских массах.

Однако, так называемый заговор декабристов образовался и распространялся преимущественно среди офицерства, которое было глубоко убеждено в неподготовленности народных масс к организованному выступлению против царизма. Что касается солдат, то одни из участников движения просто рассчитывали на их слепое повиновение в силу дисциплины, другие возлагали надежды в этом отношении на привязанность к ним солдат за хорошее, человечное обращение и очень заботились о постановке дела на почву пропаганды, путем личных бесед и распространения прокламаций.

Главные заговорщики, основатели тайных обществ, либо были представителями самых богатых русских дворянских фамилий, либо это были члены семей, занимавших командные должности, и потому, а также в силу личных дарований, находившиеся на пути к большой служебной карьере. Остальные члены тайных обществ были в огромном большинстве бедные гвардейские или незначительные армейские офицеры, примкнувшие к заговору из чисто идейных побуждений, из соображений бескорыстной любви к угнетенным народным массам. Многие из этих рядовых заговорщиков, по общественно-материальному своему положению, были сами очень близки к разночинцам и мастеровым, не менее всей остальной народной массы испытывавшим на своих спинах гнет царизма.

Цели и задачи заговора декабристов, согласно их программе, заключались в освобождении всего народа от политического и экономического гнета самодержавного строя и в широких социальных реформах на демократич. основе. Их программы должны были и могли привлечь к движению солдатские и крестьянские массы и мелкий городской трудящийся люд. Других слоев трудового населения тогда не было, так как фабричный пролетариат только выступал на сцену русской общественности в едва зарождавшейся обрабатывающей промышленности.

В широких кругах членов тайных обществ, среди офицерской и чиновничьей молодежи, главным образом, говорилось о борьбе за свободу, о борьбе с политическим гнетом

самодержавия. Самой распространенной в различных кругах тогдашнего общества песенкой была следующая:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о, злодей.
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода, Свобода.
Ты царствуй отныне над нами.
Ах, лучше смерть, чем быть рабами:
Вот клятва каждого из нас.

И эту клятву давали не только скромные армейские офицеры, испытавшие в своей личной жизни ужасный гнет самодержавия, ее давали и представители правящих кругов общества, сыновья богатейших помещиков и крепостников, стоявших тогда у власти и руководивших участью миллионного трудового населения. Характеризуя эту аристократическую молодежь, преимущественно гвардейское офицерство, один из главных идеологов заговора — Н. И. Тургенев так об'яснял широкое распространение идей тайных обществ в двадцатых годах XIX века: «Я слышал, — пишет он, — как люди, возвращавшиеся в Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи столицы; она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и честного в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений».

Но, конечно, не в этой тяге к политической свободе заключался главный смысл стихийного стремления тогдашнего общества к свержению царизма.

Кабинетные руководители заговора, те, кто обосновывали в программах его цели и задачи, занимались преимущественно крестьянским вопросом, вопросом о земле и крепостном праве, так как эти вопросы ближе всего затраги-

вали экономические интересы основного слоя заговорщиков — помещиков. Как устанавливает наш историк — профессор М. Н. Покровский, — основной стержень русской истории начала XIX века — в развернувшейся тогда борьбе промышленного и торгового капитала на нашей почве. «Торговый капитал, — об'ясняет историк, — эксплоатирующий самостоятельно мелкого производителя, не вмешивающийся в производство и не создающий производства, не организующий его, оперирует (действует) при помощи внеэкономического принуждения. Его особенностью, его наиболее типичным созданием, которое на русской почве не развивалось и не расцвело, является плантация, скажем, южных штатов Северной Америки; хлопчатобумажные или табачные плантации с неграми-невольниками, которые представляют собой часть живого инвентаря этих предприятий. Эта плантация представляет собой типичное произведение торгового капитала». Плантация — явление капиталистического хозяйства, искусственно созданное капитализмом и противоположное промышленному капитализму и фабрике, на которой работает свободный пролетарий.

В России слабые побеги плантационного хозяйства встречаются в конце XVIII и в начале XIX века. Некоторые помещики переводили своих крестьян на так-называемую месячину, т. е. давали им ежемесячно известное количество хлеба, обыкновенно весьма малое, отбирали у них всю землю и ликвидировали всякое крестьянское хозяйство. Тогда помещик превращался в некоторое подобие владельца плантации, а крепостной крестьянин превращался в некоторое подобие негра. «Это отразилось, — отмечает М. Н. Покровский, — и в русской литературе, во-первых, эпизодами, описывавшими, как расправлялись крестьяне, доведенные до отчаяния, с таким помещиком (первый эпизод такого рода мы встречаем в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева), во-вторых, своеобразными названиями и именами, встречающимися в русской литературе, как, например, генерал «Негров» в романе А. И. Герцена «Кто виноват».

Это, — как подчеркивает историк,—любопытные черточки, штрихи, намечающие этот процесс, но самый про-

цесс в России едва наметился. «Плантация для России всегда оставалась известной предельной возможностью, к которой тяготело помещичье хозяйство и которой оно никогда не достигало. Фактически довольствовались тем, что переводили крестьянина на продовольственное хозяйство и превращали его в батрака с наделом, — сначала не в батрака, а в крепостного с наделом, и лишь позднее уже в батрака. Тем не менее, и для этой операции приходилось оказывать на крестьян колоссальное давление внеэкономического характера.

И вот, торговый капитал, чтобы иметь возможность отнять у мелкого самостоятельного производителя надельную землю, а прибавочный продукт его труда заполучить в свои руки, вынужден был создать эту громадную машину полицейского бюрократического государства, увенчанную Мономаховой шапкой (царская корона).

В «Мономаховой шапке» ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом. Вот чем и об'ясняется иногда бесцеремонное отношение царя к русскому дворянству. Нужно было торговому капиталу, — и при Петре помещика гнали на войну и держали под ружьем в течение 20-ти лет под ряд, не давая ему вернуться домой. Нужно было торговому капиталу,—и он вводил огромные ввозные пошлины, опустошавшие карман помещика. Нужно было капитализму, уже не только торговому, а вообще капитализму, освободить крестьян, хотя помещики кряхтели, и, несомненно, не все помещики при этом выигрывали».

Если стать на эту точку зрения и рассматривать самодержавие, как политически организованный торговый капитализм, можно понять всю трагедию истории революционного движения. «Промышленный капитал, который развивался из торгового капитала стихийно и неизбежно, как превращается торговый капитал в промышленный, — об'ясняет историк-марксист, — этот стихийно, с железной необходимостью вырастающий промышленный капитал требовал совершенно других условий. Поскольку промышленный капитал организует производство, ему не нужно внеэконо-

мического принуждения. Будучи хозяином процесса производства, он не нуждается во всякого рода искусственных подпорках, чтобы мобилизовать массы закабаленных им людей. Он действует на этих закабаленных людей не через спину, как действовал торговый капитал, а через желудок».

«Система промышленного капитализма,—об'ясняет далее тот-же ученый исследователь причины развития русского революционного движения в первой четверти XIX века, — система промышленно-капиталистического государства не нуждалась во внеэкономическом принуждении, но зато она нуждается в другой вещи, которой крепостное право самым решительным образом мешало. Эта другая вещь — свободный, открепленный от земли рабочий, рабочий текучий, постоянно передвигающийся по стране, представляющий собой постоянно мобилизованную резервную армию труда. Здесь поперек дороги промышленного капитализма стояло крепостное право, и вот почему в первую половину XIX века промышленный капитализм бьет, главным образом, по этой линии—против крепостного права».

Какова же, собственно, была идеология декабристов? Какими идеями вдохновлялись и к чему стремились русские тайные общества первой четверти XIX века. В лице своих наиболее ярких представителей — декабристы были представителями помещичьей идеологии начала XIX века, представителями передовой части их, хотя вместе с тем историк намечает целый ряд связей между декабристами и крупным капиталом. Хотя основная масса декабристов принадлежала к помещичьей среде, но идеология их была идеологией промышленного капитала. Главная черта их программы — освобождение крестьян от крепостной зависимости — обосновывалась соображениями личных интересов и сводилась, в конце концов, к тому, что крестьянин должен был сделаться наемным батраком владельца земли, т. е. своего бывшего помещика. В этом отношении помещик-декабрист был сродни промышленному капиталисту-фабриканту, который также стремился образовать класс вольных наемных рабочих. Наряду с этим, в программах декабристов была выдви-

нута идея цензовой конституции, хотя в их конституционных проектах много говорится о полном народоправстве и о том, что источником верховной власти является сам народ.

В общем идеология декабристов была буржуазной идеологией, но другой она, по условиям времени, и не могла быть.

Их программа социально-политических преобразований была для того времени довольно обширна, а для России даже очень глубока. Кроме уничтожения крепостного права, даже самые умеренные декабристы хотели добиться равенства всех перед законом, гласности в делах государственного управления и в судопроизводстве, уничтожения винных откупов и упразднения военных поселений, сокращения срока военной службы и улучшения положения солдат, наряду с сокращением состава армии и, наконец, они требовали — в том или ином виде, с теми или иными изменениями — демократического народного представительства и внутренней самостоятельности отдельных областей.

Приемы и способы, которыми члены тайных обществ предполагали достичь осуществления своих целей и задач, вполне обусловливались обстоятельствами времени и места. Предшествующая русская история давала только один пример борьбы с представителями самодержавия, которых хотели уничтожить декабристы: насильственное свержение деспотов с престола. И декабристы шли на то, чтобы устранить Александра I с престола и даже уничтожить всю царскую семью. Форма декабрьского движения была определена военным строем эпохи и примерами южно-европейских революций.

Добиться своих целей декабристы хотели путем военного восстания и правительственного переворота, надеясь, что почти весь бюрократический аппарат старого строя будет искренно служить новому правительству, когда увидит, что сила на стороне последнего.

Идеи тайного общества — первое из них зародилось в 1816 году — распространились к 1825 году очень широко, и заговорщикам было обеспечено сочувствие самых широ-

ких слоев общества. В сочувствии крестьянской и солдатской массы заговорщики не сомневались, полагая, что для этих масс очевидна будет польза предпринимаемого переворота. О широкой агитации, устной или печатной, декабристы не могли и думать по условиям времени.

Все заговорщики, в организационном отношении, делились на три общества, в свою очередь, подразделявшиеся на управы. Общества эти — Северное, Южное и Соединенных Славян — значительно различались между собой по своим программам и по социальному составу своих участников. Так, Северное Общество об'единяло представителей либерально-помещичьих интересов, в большинстве склонных к ограниченной монархии; Южное Общество состояло преимущественно из наиболее радикальных дворян и бывших гвардейцев, сосланных в провинцию за вольнодумство и склонность к возмущению, причем, почти все они были республиканцами; Соединенные Славяне—почти все бедные офицеры из разночинцев или наиболее демократически настроенных безземельных дворян — были самым революционным элементом в среде заговорщиков.

Наметив переворот и восстание на 1825 г.; заговорщики, однако, были вынуждены, силою обстоятельств, ускорить осуществление своих замыслов, вследствие неожиданной кончины Александра I и последовавшего затем замешательства в придворных и правительственных кругах во время междуцарствия.

Плохая организованность самих руководителей заговора, недостаточная подготовленность широких кругов их последователей и сочленов по тайным обществам, недостаточное понимание целей и планов переворота со стороны народных масс не дали декабристам возможности использовать первоначальный испуг Николая Павловича и полную растерянность его окружения. Проявленная восставшими слабость и нерешительность ободрили противную сторону, и скоро Николай перешел в нападение.

Раздавив восстание, новый император проявил свирепую жестокость, имевшую, кроме мотивов личной мести, еще и цель устрашения.

Декабристы, преимущественно, главари и идейные руководители заговора, захотели использовать и самое поражение в интересах своего дела. Через головы победителей-судей они указали Николаю все язвы русского государственного строя и меры, которыми язвы эти надлежит лечить. Правда, участники первого крупного политического процесса в России—декабристы в тактическом отношении вели себя, в огромном большинстве, чрезвычайно невыдержанно, каялись в заблуждениях, молили о пощаде. Но, как автору этих строк приходилось уже указывать в другом месте, — здесь имело значение то обстоятельство, что декабристы были участниками первого массового политического процесса в России; к тому же, для большинства из них, слишком резок был переход от их обычной жизненной обстановки к ужасным условиям тюремного режима, введенного для них во время следствия Николаем Павловичем. Император удачно использовал психическую подавленность декабристов и ловко обошел своих побежденных противников превосходной игрой на их благородном идеализме и бесконтрольной доверчивости к заявлениям царя-сыщика о том, что он преследует те же цели, которые воодушевили заговорщиков, что он искренно хочет осуществить все их преобразовательные планы. Посыпались разоблачения, назывались имена участников движения, давно от него отошедших, появилась излишняя откровенность в показаниях и даже возводились некоторыми подсудимыми обвинения на самих себя в воображаемых преступных замыслах. И все-таки, это был временный припадок малодушия, и не все декабристы проявили его.

Некоторые из них держались все время с мужеством сознательных революционеров и дали последующим поколениям участников политических процессов пример стойкости и мужества смелых противников самодержавия. А подвергнутые суровой каре, почти все декабристы с достоинством несли звание государственных преступников и всюду — в крепостях, на каторге, в ссылке — личной жизнью и всей деятельностью внушали окружающим уважение к идеям, воодушевлявшим первых русских революционеров. Что касается солдат, пострадавших за участие в восста-

ниях 1825 года, то, кроме тех, которые были заколочены на смерть, несколько тысяч из них были разосланы в звании штрафных в отдаленные гарнизоны, где они потом с добрыми воспоминаниями встречались со своими бывшими офицерами. Если эти солдаты не могли быть сознательными пропагандистами революционных идей, хотя бы в той скромной степени, в какой их проповедывали декабристы, то, во всяком случае, они были живыми свидетелями протеста, смело заявленного передовыми людьми того времени и заглушенного только громом пушек.

По свидетельству одного из лучших представителей поколения русских политических деятелей — наследников и продолжателей дела декабристов — Герцена, «пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение». И недаром все последующие поколения русских политических деятелей считали декабристов своими духовными отцами. Хоть и плохо было подготовлено восстание декабристов, хоть и неудачно было оно выполнено, — все-таки это восстание показало всем последующим поколениям русских революционеров путь к освобождению трудящихся масс, оно наметило способы борьбы с угнетателями народа. Пушкин пророчески предсказал декабристам:

— Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

А декабрист, кн. А. И. Одоевский отвечал ему также пророческими стихами:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры разгорится пламя...
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

И теперь, когда цари свергнуты мечами, скованными из цепей всех мучеников за свободу, — надо чтить память первых вестников этой свободы. Надо выполнить обещание

Пушкина, данное великим поэтом своим друзьям-декабристам:

. . . Свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут...

Виднейшие деятели нынешней революции не отказывают декабристам в признании их заслуг перед свободой и в праве их на почетную память потомства. «Мы готовы обнажить головы перед декабристами, — говорит Г. Е. Зиновьев в «Истории Российской Коммунистической Партии», — ранним поколением буржуазных революционеров, которые тоже шли в бой против царизма. Эти люди, представлявшие собой, в буквальном смысле слова, сливки аристократии, дворянства, офицерства, отделились от своего класса, порвали с семьями, оставили свои привилегии и вступили в борьбу с самодержавием. Пусть и они не имели социалистической программы, пусть и они были только буржуазными революционерами, — но наше поколение не отказывается от этого наследства. Мы говорим, что это славное прошлое, и мы низко кланяемся первым представителям революционного народничества, умевшего погибать за народ в те дни, когда рабочий класс только еще рождался, когда не было пролетариата и не могло быть классовой пролетарской партии».

К празднованию юбилея декабристов готовятся государственные и общественные учреждения. Лучшая форма чествования памяти декабристов — ознакомление современного читателя с их идеями, с их личностями, с их жизненным подвигом.

Настоящий сборник и составлен применительно к такой цели. В нем собраны наиболее существенные выдержки из статей и исследований ученых историков, а также из писаний самих декабристов и их жен. Все эти выдержки в последовательном изложении знакомят читателя с идеологией декабристов, с историей тайных обществ, с развитием заговора и восстания, историей дальнейшей судьбы заговорщиков. Живое изложение самих участников заговора или современных ученых даст читателю более яркое предста-

вление об изображаемых событиях, а воспроизведенные в этой книге иллюстрации, яснее дополнят картину первой русской революции, так неразрывно связанной в основе своей с переживаемым моментом.

Содержание нашего сборника позволяет рассматривать его, как пособие для руководителей комсомольских и военных клубов, где в юбилейные дни будут устраиваться вечера, посвященные памяти декабристов.

С. Штрайх

ДЕКАБРИСТАМ

I[1]

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

1827.

[1] Стихотворение А. С. Пушкина, посланное через жену декабриста, А. Г. Муравьеву в Сибирь.

II [1]

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.

Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует —
И кажется незыблим трон.

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, — взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

[1] Из „Собрания стихотворений декабристов". Лейпциг 1862.

А. Н. Муравьев

Основатель первого тайного общества в России

(С современного портрета)

НУЖНО ЛИ ПРАЗДНОВАТЬ ЮБИЛЕЙ ДЕКАБРИСТОВ?

ПРАЗДНОВАТЬ НУЖНО [1]

Тов. Ольминский в своей статье, в газете «Рабочая Москва» от 18 декабря 1923 г. (данная лекция пришлась на 20-ое), так ставит дело: собираются, — говорит он, — праздновать 100-летний юбилей декабристов, собираются ставить им памятник и т. д. За что? Кто такие были декабристы? Это были, — говорит он, — помещики, которые обманом увлекли солдат на Сенатскую площадь и постыдно бросили их, когда царь начал этих солдат расстреливать. Это были представители чисто-помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде. В доказательство он приводит одну довольно загадочную, цитату из «Русской Правды» Пестеля. И вот, — задает вопрос т. Ольминский, — что же мы будем праздновать в декабре 1925 года: 20-летие нашей первой пролетарской революции или же столетие обмана помещиками солдат?

Что касается празднования того или другого юбилея, то я тут, если хотите, согласен с т. Ольминским, что вообще нам юбилеев праздновать не следует. Юбилей это есть буржуазный обычай, состоит он в том, что подгоняют те или другие торжества к известным срокам, прежде всего, срокам человеческой жизни, индидуальной жизни. Поэтому

[1] Из лекций М. Н. Покровского в декабре 1923 г.

юбилей есть вещь чрезвычайно индивидуалистическая. Есть 100-летний юбилей, есть полувековый юбилей, есть четвертьвековый юбилей. И мы праздновали недавно 25-летний юбилей со дня основания нашей партии, праздновали 50-летие тов. Ленина. 20 лет не есть юбилейный срок. Конечно, в последнее время стали справлять даже 5-летние юбилеи, но к этому все относятся несколько скептически и иронически, так что с точки зрения юбилейной тов. Ольминский более прав, нежели он вообще думает. Мы должны вспоминать нашу первую пролетарскую революцию каждый декабрь, независимо от того, 20-й это декабрь, 18-й или 23-й, — каждый раз не мешает ее вспоминать, посвящать ей статьи, говорить о ней, устраивать по этому поводу вечера воспоминаний и т. д. Все это будет очень хорошо. По поводу декабристов никто не предлагает их вспоминать каждый декабрь, но отметить их 100-летнюю годовщину все-таки следует.

Почему следует, — это я скажу в заключение, а пока должен сказать, что декабристы, вопреки мнению т. Ольминского, отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей известной части, в той части, которая на Сенатской площади почти не была представлена, но в стране была представлена довольно хорошо, настоящими революционерами, и на одном, по крайней мере, своем крыле революционерами-демократами. Они не были только одним: они не были социалистами и не были революционерами-пролетариями. Это совершенно верно, но никакого пролетариата в России вообще в то время не было и не могло быть, поскольку существовало крепостное право, и совершенно ясно, что требовать от декабристов, чтобы они, кроме того были еще и пролетарской партией, — это все равно совершенно, что требовать, чтобы яблоки на яблонях поспевали в мае, когда яблоки поспевают только к августу или сентябрю. В этом декабристы неповинны, а во всем прочем они, как увидите, дошли до той крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов, которая возможна для буржуазии крупной и мелкой; аграрная же про-

грамма декабристов, как вы увидите и как я говорил в прошлый раз, является стержнем, проходящим через всю историю нашего революционного движения, вплоть до 1917 г., когда был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о земле; мы все идем от аграрной программы Пестеля, как я постараюсь сегодня показать. Правда, это зародыш, но с чего-нибудь все зачинается, и нам любопытно проследить нашу собственную революцию до этих первых ее зародышей.

Прежде всего, не только декабристское выступление не исчерпывается тем, что происходило на Сенатской площади в Петербурге 14-го декабря 1825 года, но самое серьезное происходило не там. Если к Петербургу были прикованы все взоры, и до сих пор остаются прикованными взгляды историков, то это потому, что в Петербурге решалась судьба всего движения, она решалась там несомненно. Но ведь тов. Ольминский подходит с суб'ективной стороны, с той точки зрения, что декабристы это были помещики, обманувшие солдат. Подходя с суб'ективной стороны, приходится расценивать декабристов по этой суб'ективной линии, значит, по яркости их программы и по решительности их выступления. И вот самые яркие программы и самые решительные выступления мы встречаем не в Петербурге, а далеко от Петербурга, на территории нынешней Киевской, Волынской, Подольской губернии, где были сосредоточены тогда главные силы русской армии, — там мы встречаем самую левую декабристскую организацию, так-называемое «Общество соединенных славян». Это «Общество соединенных славян» состояло из совершенных голышей, из бедных, нищих армейских офицеров, по преимуществу артиллерийских офицеров, которые и тогда были наиболее интеллигентной частью офицерства, и программа их не имела, конечно, ничего общего с интересами помещиков, как таковых. Самое название «соединенных славян» показывает, что эти люди собирались производить революцию не в национально-русском, а в обще-славянском масштабе. Вам приходилось слыхать о славянофилах, о легальном помещичьем литературном течении 40-х, 50-х годов

XIX века, и полезно вспоминать, что как у наших легальных народников 90-х годов, с которыми боролись Плеханов и Ленин, были революционные предшественники, в лице народников 70-х годов, так и у легальных славянофилов были революционные предшественники в лице этого «Общества соединенных славян». «Общество соединенных славян» ставило своею задачей об'единить в одну федеративную республику все славянские племена и образовать громадное свободное славянское государство, которое упиралось бы одним углом в Адриатическое море, другим—в Балтийское, третьим—в Белое и четвертым—в Черное море. Вот какие громадные размеры проектировали они для этой федерации. Это была, так-сказать, теоретическая часть их программы. Для осуществления этой теоретической программы, как вы догадываетесь, им не удалось сделать ни шагу, потому что первое, что нужно было сделать для образования такой славянской организации, это овладеть государственной властью хотя бы в России, а так как декабристам этого не удалось сделать, то тем самым рушился весь план. В более практическом отношении эти «соединенные славяне» любопытны тем, что только у них одних, поскольку я знаю, мы встречаем в словоупотреблении термин «демократия». Другие говорили о республике, о народоправстве, о чем угодно, даже у Пестеля я не помню термина «демократия», а у «соединенных славян» он есть: они—демократы. Другая любопытная черта в области мировоззрения, — они были очень свободными мыслителями, доходившими в лице некоторых до атеизма, последовательного и решительного. Буржуазная литература, конечно, находит этому индивидуалистическое об'яснение в том, что основатель общества «соединенных славян» Борисов долго стоял со своей батареей в имении одного польского помещика, где была богатая французская библиотека, и там перечитал всех французских атеистов и материалистов XVIII века. Как вы догадываетесь, нам гораздо интереснее это соединение, — соединение демократизма и атеизма, — нежели тот случайный факт, что Борисов имел случай прочесть Дидро, Гельвеция, Гольбаха и других.

Как раз эти «соединенные славяне» являются инициаторами, зачинщиками единственного решительного выступления, связанного с заговорами декабристов, именно восстания Черниговского полка в конце декабря 1825 года. Вопреки распространенному мнению о том, что центр военных действий декабристов был в Петербурге, как вы сейчас увидите, на самом деле, единственным настоящим вооруженным восстанием, и притом восстанием, окруженным ореолом трагического величия, где люди шли прямо на гибель, эпизодом, оправдывающим известную характеристику Плеханова, что декабристы были людьми, решившимися пожертвовать собой, чтобы показать дорогу грядущим поколениям,—единственным эпизодом такого рода и является восстание Черниговского полка. Во-первых, это было вооруженное восстание. Люди шли с заряженными ружьями для того, чтобы стрелять, для того, чтобы драться. Во-вторых, это было восстание без всяких шансов на успех, потому что поднимался один полк против целой армии, и не было никаких разумных, как говорится на обывательском жаргоне, оснований ожидать, что армия примкнет к нему. Армия и не примкнула к нему, и кавалерия генерала Гейсмара без большого труда подавила это восстание, прежде всего потому, что у Гейсмара были пушки, а у черниговцев пушек не было. И недаром целый ряд выступавших в этом восстании офицеров — Кузьмин, Ипполит Муравьев-Апостол покончили с собой тут же на поле битвы. Это был действительно самый трагический момент декабристского восстания, этот трагический момент был подготовлен, был возможен только благодаря «соединенным славянам». Связи с солдатами имели только они, пропаганду среди солдат вели только они, правда, при содействии солдат прежнего Семеновского полка, раскассированного после восстания 1820 года; но так или иначе они были той связью, тем, выражаясь по-теперешнему, аппаратом, который связывал вождей Южного общества с солдатской массой, и без них, как это констатируют и ближайшие к «славянам» участники Южного общества, без них само выступление было бы невозможно.

Таким образом, крайняя левая группа декабристов, демократическая и атеистическая группа, в которой чрезвычайно трудно найти какие-нибудь помещичьи интересы, эта крайняя левая группа как-раз была самой серьезной группой в том смысле, что она единственная устроила настоящее вооруженное восстание, и, конечно, эта группа характеристикой т. Ольминского не покрывается. «Соединенные славяне» мало известны. Чрезвычайно характерно, что буржуазно-либеральные историки декабристов их почти замалчивали. Вот почему стоит справлять этот 100-летний юбилей.

Но если мы пойдем к географически ближайшему от «соединенных славян» обществу декабристов, то мы тут встретим Южное общество, во главе с Пестелем. Что это такое? У Пестеля из его «Русской Правды» тов. Ольминский взял свою цитату о том, что крепостное право должно быть ликвидировано с соблюдением интересов помещиков, так, чтобы помещики не лишились своих доходов, как говорится в этом отрывке. Этим он иллюстрирует свою мысль, что интересы, вдохновлявшие декабристов, были узко-классовыми, помещичьими интересами. Я об'яснил уже, какую роль играло помещичье хозяйство и его положение в начале XIX века в общественных движениях эпохи Александра I, так что я не буду отрицать, что тут в основе лежали помещичьи интересы, несомненно. Но опять-таки сводить Пестеля к человеку, который хлопотал только о том, чтобы освободить крестьян повыгоднее для помещиков, и для этого устраивал революцию, не приходится. Прежде всего, цитата эта стоит в резком контрасте со всем смыслом и духом, того документа, откуда она взята, «Русской Правды», — цитата подлинная, дабы вы не подумали чего дурного. Какая основная мысль социальной и экономической программы Пестеля, изложенной в «Русской Правде?» Эта мысль ближе всего может быть охарактеризована, как *национализация земли*. Пестель был одним из немногих декабристов, которые понимали, что переворот может быть только тогда прочен, когда в нем будет заинтересована широкая народная масса, когда в нем будет заинтересовано крестьянство, и он предполагал заинтересовать

крестьян таким образом. Все земли государства в момент революции, или тотчас после этого, собирались в один общий фонд; этот фонд затем делился на две части пополам, и половина его шла в раздел между населением, но не в собственность, а только в пользование. Из этой половины каждый получал свой надел. Если вспомнить, что к 1825 году крестьянские наделы составляли только $^1/_3$ всей площади пахотной земли (в XVIII веке они составляли $^1/_2$, но вы помните, что помещики оттягали значительное количество земли у крестьян), то вы догадаетесь, что проект Пестеля заключал в себе крупную прирезку земли крестьянам. Эта половина земли поступала в распоряжение волостей, и волости распределяли ее между населением, так что каждый гражданин России, говорил Пестель, будет обладателем земли, и не будет ни одного человека в России, который не владел бы землей. Эта земля должна была служить, по мнению Пестеля, для произведения необходимого, т.-е., другими словами, с этой земли получался необходимый продукт. Другая половина земли, оставшаяся в распоряжении государства, должна была служить для произведения «изобилия», т.-е., другими словами, с этой второй половины должен был получаться прибавочный продукт; для того, чтобы интенсифицировать (усилить) получение этого прибавочного продукта, эти земли казна могла сдавать в аренду крупными участками и даже продавать в частные руки. Программа Пестеля не исключала, таким образом, образования в России буржуазного землевладения, при чем только оставался неясным вопрос: откуда же будут наши буржуазные землевладельцы доставать рабочие руки, поскольку все крестьяне будут наделены землей, притом в количестве, увеличенном по сравнению с тем, что у них было раньше? Что тогда может побудить этих крестьян работать на землях этих частных землевладельцев, в этих буржуазных имениях? Этот вопрос, — характерно для Пестеля, — оставался невыясненным, характерно потому, что как вы знаете, или, как узнаете потом, он оставался невыясненным и для всего народнического движения. В конце-концов, Пестель и его последователи долж-

ны были бы притти к положению о социализации земли, т.-е. всей земли, а не только этой половины; деля национализированную фактически землю на две части, на землю волостную и на землю государственную, Пестель ясно шел навстречу капиталистическим тенденциям русского землевладения начала XIX века.

Это был компромисс. Пестель не был отвлеченным теоретиком, как «соединенные славяне» с их планом славянской федерации между четырех морей. Пестель был практик. Пестель был отдаленным предшественником величайшего практика-революционера наших дней; будучи практиком, он приспособлялся, как и наш великий революционер, к известным условиям. И у нас сначала были отрезки, потом муниципализация, и затем постепенно пришли к декрету о земле 1917 года. Так и Пестель, приспособляясь к тогдашним условиям, выдвинул эту программу деления земли на две части, не проведя национализации до конца. Но само собой разумеется, что даже эта полунационализация предполагала ликвидацию помещиков, как класса. Иначе и представить себе нельзя. Если вы возьмете главу Пестеля о дворянстве, то увидите, что Пестель чрезвычайно логически приходит к мысли о необходимости ликвидировать все сословия общества, и дворянство в частности. А в том отрывке, который цитирует тов. Ольминский, говорится о дворянских грамотных собраниях — явная невязка, которая к сожалению до сих пор об'яснена еще не была, но ее довольно легко поймет всякий, кто видел подлинник «Русской Правды». Эта самая «Русская Правда» Пестеля, этот проект, есть недоконченный черновик, — черновик, обрывающийся на полуслове, черновик, где написана одна строчка — вымарана, сверху другая строчка — вымарана, написана третья строчка — вымарана, сбоку написана четвертая строчка. Таким образом, мы имеем, по крайней мере, три, а местами и четыре редакции. Какой из этих четырех редакций принадлежит этот отрывок? Это первый вопрос, с которым приходится подходить к Пестелю: к какой редакции его документа относится та или другая цитата, ибо редакций таких несколько, и когда мы их восста-

новим, тогда, вероятно, внутренняя связь получится. Но пока приходится констатировать наличие только двух фактов: с одной стороны, национализация, хотя и половинчатая, допускающая буржуазное землевладение, а с другой стороны, охрана интересов помещика. Соединить эти две вещи логически нельзя. И мы знаем из одного наброска Пестеля, не вошедшаго в «Русскую Правду», что Пестель предполагал, первый в России, конфискацию латифундий (крупные имения). Он предполагал, правда, только крупнейшие имения, размерами более 5.000 десятин, отчудить в пользу государства безвозмездно, т.-е. конфисковать; за земли меньше этих размеров владельцы получали известное денежное вознаграждение. Это опять-таки противоречит той цитате, которую указал тов. Ольминский и которая предполагает помещиков сохранившимися.

Цитата, таким образом, сама по себе еще не доказывает, что нужно, то-есть, что Пестель был представителем помещичьих интересов. Программа Пестеля отчетливо мелкобуржуазная, конечно, она не пролетарская, — об этом смешно и говорить, — но это отчетливо мелкобуржуазная программа. И тут отчетливо ясны, как я показывал в своей статье, самые разнобразные, самые любопытные грани этой программы с этой точки зрения. Во-первых, свирепая, можно сказать, ненависть Пестеля к капиталу, «аристократии богатств» (декабристы, так как они думали про-себя и говорили между собой больше по-французски, произносили «аристокраси», «демокраси», и т. д.). Аристократия богатств для Пестеля—главный жупел, она гораздо хуже феодальной аристократии в его глазах, и он воюет с ней с первых же страниц своей «Русской Правды». Главное для него, — чтобы не допустить этой «аристократии богатств», чтобы установить в России совершенное равенство. В этом отношении Пестель типичный якобинец, в этом стремлении к равенству. Его раздел земли, половины земли волостной, на совершенно равные участки,—это как-раз и есть типично якобинская черта. Он очень заботится о мещанах, он очень заботится о весьма немногочисленных в тогдашней России мелких свободных землевладельцах — однодворцах и т. д.

Он заботливо оговаривает, что их земли ни в коем случае не национализируются. Лишнее доказательство, в скобках сказать, что остальные земли предполагалось национализировать.

С какой стороны ни подойти, это — типичный мелкий буржуа, первый мелкий буржуа, который выступает перед нами в политике. Как видите, и этот ближайший сосед «соединеных славян», практически, вероятно, не менее революционный, чем они (истории не пришлось этого проверить, потому что Пестель был арестован раньше своего выступления и не сумел показать, что он сделал бы, если бы был на свободе), — этот человек тоже был довольно далек от классовых помещичьих интересов. У него классовая подкладка была, но совсем другого класса, не помещичьего. Сообразно с этим и в своей политической программе, и в своей тактике Пестель был большим радикалом. У Пестеля в его политической программе никаким избирательным цензом и не пахнет, и вся эта машина построена чисто республикански-демократическим путем.

Значит, в политической области Пестель был весьма последовательным республиканцем-демократом, который предоставлял политические права всему населению без из'ятия. Это, как увидите, приходится подчеркивать потому, что другие декабристы отнюдь не были демократами. И, наконец, тактика Пестеля, — тактика, которую мы можем оценить только в его проектах, потому что Пестелю не пришлось выступить самому, — эта тактика была чисто-революционной, это была тактика вооруженного восстания. Пестель надеялся увлечь за собой весь тот корпус, к которому он принадлежал, арестовать с этим корпусом Александра I, пойти на Москву, поднять восстание в петербургской гвардии и во флоте, и таким образом, вооруженной рукой совершить переворот. При чем чрезвычайно любопытная черта, которую мы потом встретим, которая тоже стержнем проходит через все революционное движение: необходимым условием победы революции Пестель считал истребление всей династии Романовых. Это был чрезвычайно последовательный цареубийца, если можно так выразиться,

который находил, что недостаточно будет, если уничтожить одного Александра I, а необходимо истребить всех. Таким образом, та судьба, которая постигла Романовых на Урале летом 1918 г., она появилась впервые на горизонте в проектах этого блестящего кавалергарда и ад'ютанта русского главнокомандующего, выражавшего собою интересы русской мелкой буржуазии. Бывают, товарищи, всякого рода случаи в диалектическом историческом процессе.

ДЕКАБРИСТАМ НАДО ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИК [1]

Декабристы революционеры

Тов. Ольминский в своей статье в «Рабочей Москве» полагает, что декабристам не надо ставить памятника, потому что это были дворяне предатели, одурачившие солдат. Но историк не может так подходить к историческим событиям: ведь сто лет тому назад, при господстве крепостного права в России, не могло быть революционеров, стоящих на пролетарской точке зрения, и мы не можем ставить в вину декабристам, что они не были коммунистами-большевиками. Они были только буржуазными революционерами, и другими быть не могли.

В ту эпоху, в порядке исторического дня стояла замена крепостнического строя строем буржуазным, который в свою очередь создал почву для подготовки строя социалистического, и декабристы боролись за новый, более прогрессивный экономический и политический строй, и боролись, как революционеры, путем вооруженного восстания.

Программа декабристов

В проекте манифеста, который должен был быть опубликован на случай успеха восстания, выставлены такие требования: уничтожение старого порядка, установление времен-

[1] В ответ на статью М. С. Ольминского (см. о ней выше в выдержках из лекций М. Н. Покровского) редакция „Раб. Москвы" поместила в № от 28 дек. 1923 года статью старейшего члена партии С. И. Мицкевича, которая воспроизводится здесь в извлечениях.

ного правительства до установления постоянного выборными (т.-е. учредительным собранием), свобода печати, свобода совести, уничтожение крепостного права, равенство всех перед законом, уничтожение рекрутства, гласный суд с присяжными заседателями. Программа очень неплохая для своего времени: припомним, что только через 35 лет начала осуществляться небольшая часть этой программы, другую часть (учредительное собрание и свободы) вписала в свою программу-минимум через 75 лет наша пролетарская партия и пыталась осуществить во время революции 1905 года и только победоносная пролетарская революция 1917 года фактически пошла дальше их программы.

Конечно, мы знаем, что освободить крестьян они хотели с небольшим количеством земли (2 десятины на двор, по проекту Никиты Муравьева) за выкуп, что в проекте конституции того же Никиты Муравьева имелся имущественный ценз для избирателей. Все это понятно, на то они и были буржуазными революционерами из помещичьего класса.

Революционно - демократическое крыло декабристов

Следует, впрочем, еще отметить, что среди декабристов было правое и левое крыло. В Петербурге были в большинстве сторонники правого направления (Никита Муравьев, Трубецкой и др.). На юге, в южной армии большинство принадлежало к сторонникам левого крыла (Пестель, С. И. Муравьев-Апостол и др.). Программа левого крыла была значительно более радикальной. Южные заговорщики подготовляли вооруженное восстание, предполагали захватить и уничтожить всю царскую фамилию, установить республику и ввести национализацию земли. Это уже программа революционно-демократическая. Причем южные заговорщики вели пропаганду и среди солдат. С. И. Муравьев-Апостол начал вести эту пропаганду еще, когда он служил в Петербурге в Семеновском гвардейском полку.

В январе 1826 г., уже после подавления восстания декабристов в Петербурге, Муравьев поднял восстание на Юге, став во главе своего полка.

Влияние восстания декабристов на последующие поколения

Восстание декабристов было разбито, между прочим, и потому, что не все из них так просвещали солдат, как Муравьев-Апостол, другие боялись, напротив, народного восстания и не подготовляли его, опасаясь, что оно не ограничится уничтожением или ограничением царской власти, но пойдет дальше, и тогда не поздоровится и помещикам-дворянам. Но на то и были они, повторяю, буржуазными революционерами и не могли быть другими в своей массе.

Но восстание декабристов, хотя и подавленное, сыграло свою революционную роль. Пять пленных революционеров были повешены, 132 были сосланы на каторгу срочную и бессрочную.

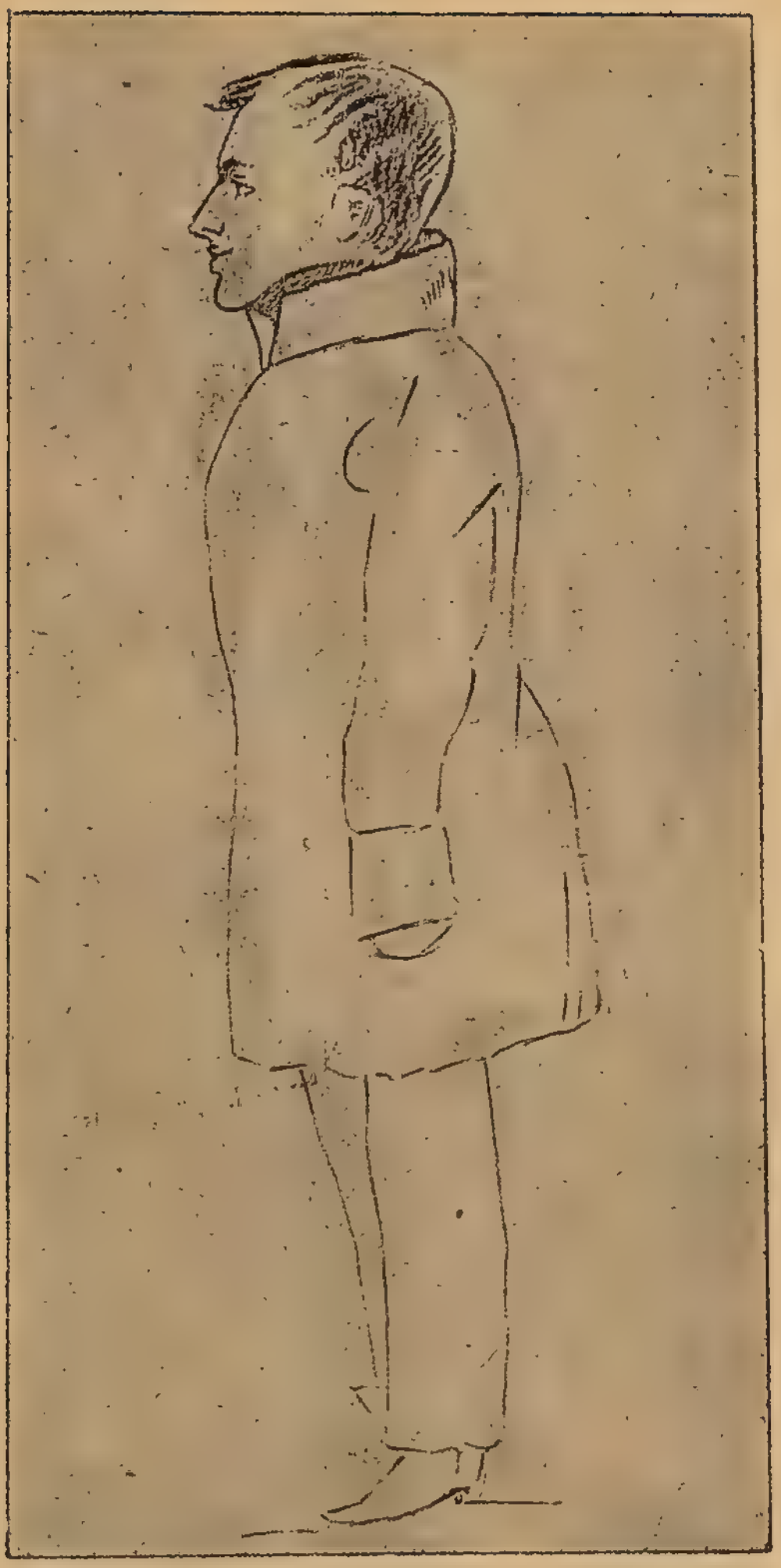
Память о казненных, память о томящихся в каторге революционизировала умы, напоминала о заветах декабристов.

Герцен писал, что пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение, и он, действительно, будил не одно поколение. Герцен взял эпиграфом к своему «Колоколу» слова из стихотворения Одоевского — «Из искры возгорится пламя». Эти же слова были взяты эпиграфом в «Искре» — в нашей первой большевистской газете.

Декабристы — наши предшественники в революционной борьбе

Революционная искра, брошенная декабристами, не заглохла. Она возгорелась в огромное революционное пламя, которое уничтожило и тот класс, из которого вышли первые русские революционеры сто лет назад. И мы можем сказать почти словами Плеханова, сказанными им в день 75-летия декабрьского восстания: прошло 100 лет, много других жертв было принесено делу освобождения народа, но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в нашей памяти, как имена первых из наших, увы, многочисленных мучеников, заплативших жизнью за свои революционные стремления.

И пусть белогвардейцы всех мастей, чего боится тов. Ольминский, тоже празднуют их память. Мы скажем им: декабристы были революционным авангардом своего времени. В наше время мы являемся этим авангардом, а вы являетесь авангардом контр-революции, а потому только мы имеем право считать декабристов своими предшественниками и мы им поставим памятник.



П. И. Пестель

(С зарисовки участника процесса)

ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

I[1]

После великих событий 1815 года и тогдашнего трактата парижского, столь различного и по началу и по последствиям с трактатом, заключенным после Крымской войны, пришлось всем воротиться во-свояси; тот же исход предстоял и мне.

Не могу дать себе отчета, почему я не исполнил своего прежнего намерения исколесить все части света и решился возвратиться в Россию на служебное поприще.

Не буду говорить о бесцветном моем быте в общественном отношении, о жизни вахт-парадной, выходах и даже о частной жизни, просто скучной, тягостной. Зародыш сознания обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях и чувствах, причиной чего были народные события 1814 и 1815 г.г., которых я был свидетелем; вселившие в меня, вместо слепого повиновения и отсутствия всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, на ряду с верноподданническими.

Мое пребывание в Петербурге было кратковременно и бесцветно для меня по новым моим убеждениям; вскоре я был назначен командиром 1-й бригады 2-й уланской ди-

[1] Из записок декабриста С. Г. Волконского.

визии, и отправился в Новоград Волынский, где были дивизионная и моя бригадная квартиры. Поневоле надо было заняться делом служебным, но и в этом деле старался я ввести в отношения начальника к подчиненным более мягкости и теплоты: был учтив с господами офицерами и дружески попечителен о нижних чинах, старался заслужить общее доверие их и любовь, чего можно достичь и без упадка в дисциплине, вопреки убеждению старой грубой и палочной системы.

II [1]

Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двунадесять языцы, если бы народ по прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, славу богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле.

Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрений хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос.

Из Франции, в 14-м году, мы возвратились морем в Россию. 1-я гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен, который служил обер-священник Державин. Во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к вы-

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

строенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество.

В 14-м году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, восхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед. В 15-м году, когда Наполеон бежал с острова Эльбы и вторгся во Францию, гвардии был об'явлен поход, и мы ему обрадовались, как неожиданному счастию. Поход этот от Петербурга до Вильны и обратно был для гвардии прогулкой. В том же году мы возвратились в Петербург. В Семеновском полку устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе,— такое времяпрепровождение было решительно нововведением.

В 11-м году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходившись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую. Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашу артель и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семеновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся. Императора однако же все еще любили, помня, как он был прекрасен в 13 и 14 годах, и потому ожидали его в 15-м с нетерпением.

Наконец, появился флаг на Зимнем дворце, и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было всех артиллерийских офицеров: они приезжали, но их не пустили во дворец. Пол-

ковник Таубе донес государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость. Таубе был ненавидим и офицерами и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчакова и еще пять отличных офицеров были высланы в армию. Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию. До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря об русских вообще, сказал, что каждый из них или плут или дурак, и т. д.

По возвращении императора в 15-м году, он просил у министров на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Дума его была в Европе; в России же более всего он заботился об увеличении числа войск. Царь был всякий день у развода; во всех полках начались учения, и шагистика вошла в полную силу.

Служба в гвардии стала для меня несносной. В 16-м году говорили о возможности войны с турками, и я подал просьбу о переводе меня в 37-й егерский полк, которым командовал полковник Фонвизин, знакомый мне еще в 13-м году и известный в армии за отличного офицера. В это время Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем. Никита Муравьев также часто видался с нами. В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которым служба в течение 25 лет почти была каторгой; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще. То, что называлось высшим образованным обществом, большей частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего.

РАЗВИТИЕ ВОЛЬНЫХ ИДЕЙ В РОССИИ

I[1]

Освободительные войны России с Наполеоном в начале XIX века имели огромное значение не только для распространения революционных идей среди офицеров—представителей привилегированных классов русского общества, но и для распространения сознательности и чувства собственного достоинства среди солдат — представителей многомиллионной забитой народной массы. Пребывание в 1813 — 1814 годах во Франции, где самый воздух еще был насыщен свободолюбивыми идеями, — раскрыло русским воинам глаза на их тяжелое положение в России; приветливые встречи, устраиваемые нашим войскам в Германии жителями освобожденных от чужеземного ига немецких провинций, — еще резче оттеняли варварское обращение с нашими солдатами на родине; непривычно-человечное обращение начальников, вынужденных сдерживать во время заграничных походов свою природную грубость, особенно ярко выявило перед солдатами несправедливость того рабского состояния, в которое они вернулись, перейдя обратно западную границу России.

[1] Из книги С. Я. Штрайха „Восстание Семеновского полка". Петр. 1920.

Понятно, что все это шевелило мысли солдат, вызывало в них критическое отношение к порядкам отечественного управления и возбуждало стремление к улучшению своего положения. Но особенно значительным было влияние передового офицерства на развитие в солдатах чувства собственного достоинства. Просветительная деятельность либеральных офицеров, их человечное отношение к подчиненным укрепляли в солдатах начала сознательности и были лучшим средством пропаганды для развития свободолюбивых стремлений в солдатской массе.

Так, генерал М. Ф. Орлов окружил себя группой радикально-настроенных помощников, усердно проводивших в жизнь его программу, устроил в командуемых им частях школы грамоты с весьма обширной программой, решительно запретил применять к провинившимся солдатам телесное наказание и строго преследовал офицеров, нарушавших этот запрет. Генерал М. А. Фонвизин совершенно искоренил в своих полках телесное наказание и тратил на улучшение материального положения солдат большие суммы из собственных средств. Офицеры Семеновского полка: братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, П. Я. Чаадаев, кн. И. Д. Щербатов, С. Н. Тютчев, кн. Ф. П. Шаховской, Д. П. Ермолаев, М. П. Бестужев-Рюмин и др. быстро отменяли в своих батальонах и ротах телесные наказания и — беседами, уроками грамоты — содействовали просвещению солдат, развитию в них самосознания и самоуважения.

Солдаты ценили эти заботы офицеров, любили их за человечное обращение и скоро усваивали идеи свободы, равенства и братства, проповедуемые этими лучшими представителями тогдашнего передового общества.

О настроении офицеров и говорить нечего. Когда по возвращении гвардии из заграничного похода какие-то прислужники Аракчеева устроили подписку, связанную с чествованием всесильного временщика, — офицеры Семеновского полка, без уговора, но единодушно, отказались от участия в этой подписке. И. Д. Якушкин тогда же заметил товарищам, что это им даром не пройдет.

В это время офицеры полка — в большинстве будущие участники тайных обществ и главные деятели декабрьского восстания 1825 года—М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, кн. Ф. П. Шаховской, кн. С. П. Трубецкой и др. составили артель. «Человек 15 или 20 офицеров сложились, — рассказывает И. Д. Якушкин, — чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанностям службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе— такое времяпрепровождение было решительным нововведением. Полковой командир генерал Потемкин покровительствовал нашу артель»... Потемкин вообще был человек порядочный. Офицеры и солдаты его любили.

Но царь косо посмотрел на это общение офицеров, покровительствуемое полковым командиром, и приказал Потемкину распустить артель. Александр вообще опасался стремления офицеров к серьезным занятиям. Узнав, что Пестель, Н. Муравьев, Трубецкой, И. Долгоруков, Ф. Шаховской и др. гвардейские офицеры — все члены тайных обществ и будущие декабристы — слушают частные курсы политических и экономических наук у университетских профессоров, царь велел произвести расследование по этому делу и все повторял: «Это странно, очень странно! Отчего они вздумали учиться?»

II [1]

В это время Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми Александром, Михаилом и Николаем.

В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жесто-

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина. Петр. 1905.

кое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще. То, что называлось высшим образованным обществом, большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего.

Один раз Трубецкой и я — мы были у Муравьевых, Матвея и Сергея; к ним приехали Александр и Никита Муравьевы с предложением составить Тайное Общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе. Я знал, что Александр и его братья были враги всякой немчизне, и сказал ему, что никак не согласен вступить в заговор против немцев, но что если бы составилось Тайное Общество, членам которого поставлялось бы в обязанность всеми силами трудиться для блага России, то я охотно вступил бы в такое Общество. Матвей и Сергей Муравьевы на предложение Александра отвечали почти то же, что и я. После некоторых прений Александр признался, что предложение составить общество против немцев было только пробное предложение, что сам он, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России. Таким образом, положено основание Тайному Обществу, которое существовало, может быть, не совсем бесплодно для России.

III [1]

Я возвратился в Россию в конце 1816 года. Толчек, данный умам только что совершившимися событиями, или скорее волнение, произведенное ими, были очевидны. Со времени возвращения русских войск либеральные идеи усиленно распространялись в России. Кроме регулярных войск, за границей была и масса ратников из различных

[1] Из записок декабриста Н. И. Тургенева.

слоев общества; по переходе границы они распускались по домам и там рассказывали виденное в Европе; но сами события действовали сильнее рассказов и были лучшей пропагандой. Это новое настроение умов проявилось главным образом в местах сосредоточения военных сил, и прежде всего в Петербурге, — центре событий, имевшем громадный гарнизон отборных войск.

В деспотической стране, как Россия, где пресса задушена цензурой, судить об общественном мнении можно только из разговоров, знания фактов или из рукописной литературы, которая была распространена во Франции до 1789 года в форме новелл и песен. Эта подпольная литература, замечательная по силе эпиграмм и высоте политического вдохновения, показывала господствующее направление умов в России. Эти небольшие произведения, неизвестные до тех пор, верно определяют дни своего появления, как эпоху, полную надежд, здорового смысла и размышления. Легальная пресса также примкнула к этому умственному движению; в ее серьезных сочинениях рассматривались недоступные до сих пор для публики предметы. Периодическая печать сильно интересовалась происходившим за границей и особенно во Франции, где пытались создать новые учреждения, так что имена ее знаменитых публицистов были так же популярны в России, как и в своем отечестве, и даже русские военные, позабыв павшего военного гения, вполне освоились с именами Бенжамена Констана и других ораторов и писателей, руководивших тогда политическим воспитанием европейского континента.

Люди, не бывшие несколько лет в Петербурге, по возвращении чрезвычайно удивлялись переменам, происшедшим в образе жизни, разговорах и действиях молодежи этой столицы: казалось, она проснулась для того, чтобы зажить новой жизнью, чтобы воспринять в себя все благородное и чистое из нравственной и политической области; свободой и смелостью своих выражений привлекали внимание главным образом гвардейские офицеры, мало заботившиеся о том, говорят ли они в общественном месте, или в салоне—

перед своими единомышленниками, или перед врагами. О шпионстве, которое в то время было незначительно и почти незнакомо, никто и не думал. Правительство не шло в разрез с общественным мнением, напротив, оно показывало, что его симпатии на стороне здравомыслящей и просвещенной части населения, доказательством чему служит поведение Александра, который на открытии сейма в Варшаве в самых определенных выражениях высказал, что у него было намерение даровать представительные учреждения также и России.

IV [1]

Дух свободы, который во всех европейских государствах действующие за одно правительства старались всячески унести, повеял и на самодержавную Россию. Молодое ее поколение, которое вступило на гражданское поприще в первые десять лет царствования Александра, воспитанное под влиянием свободолюбивых начал, им провозглашаемых, вполне сознавало, как далеко Россия отстала от Европы в истинной цивилизации, но любя и уважая Александра, она спокойно ожидала от него благодетельного преобразования, готовясь усердно ему содействовать.

Две неудачные войны с Наполеоном и третья, угрожавшая в 1812 году независимости России, заставили (молодых) русских патриотов исключительно посвятить себя военному званию на защиту отечества. Дворянство, патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Францией 1805 и 1807 г.г. и предвидя скорый разрыв с нею, спешило вступить в ряды войска, готового встретить Наполеона. Все порядочные и образованные молодые люди (дворяне), презиря гражданскую службу, шли в одну военную; молодые тайные и действительные статские советники с радостью переходили в армию подполковниками и маиорами перед 1812 годом. Чрезвычайные события этого года,

[1] Из записок декабриста М. А. Фонвизина.

славное изгнание из России до того непобедимого императора французов и истребление его несметных полчищ, — последовавшие за тем кампании 1813 и 1814 г.г. и взятие Парижа, в которых наша армия принимала такое деятельное (и славное) участие,—все это необыкновенно возвысило дух наших войск и особенно молодых офицеров.

В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей, они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью.

В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству, большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 году в Петербург. В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизациею, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине, — рабство огромного (бесправного) большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол, — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство. Многие из них познакомились в походе с германскими офицерами, членами прусского тайного союза, который так благотворно приготовил восстание Пруссии и содействовал ее освобождению, и с французскими либералами. В откровенных беседах с ними, наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием.

Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой службы, которые от них требовали строго начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев к фрунтомании, солдатской вытяжке, одиночному учению и проч., несмотря на то, что опыты двухлетней жестокой войны с

неприятелем самым искусным могли бы, кажется, убедить Александра, что не от этих мелочей зависит победа. Притом русских оскорбляло явное предпочтение, оказываемое императором всем вообще иностранцам перед его подданными, к которым он и не скрывал своего неуважения: присоединенной Польше он даровал конституционные установления, которых Россию почитал недостойною.

Пока осмысленные русские патриоты могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограничив его самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны, по вредному влиянию на него Меттерниха, когда узнали о политических действиях его на конгрессах Венском, Ахенском, Лейбахском, Веронском, на которых Александр со своими союзниками обнаружил неприязненное чувство к свободе народов, то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему.

Из всех действий императора Александра после изменения его образа мыслей, учреждение военных поселений было самое деспотическое и ненавистное. Введение этой тиранической меры в губерниях: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожая благосостояние поступивших в военные поселяне государственных крестьян, встретило упорное сопротивление со стороны их: волости, даже целые уезды, обращаемые насильственно в военных поселян, возмутились. Противодействие их было подавляемо войсками, как бунт; военных поселян усмиряли картечью и ружейными выстрелами. Кровь лилась, как в сражениях, и, после усмирения, военные суды приговорили многие тысячи несчастных жертв к наказанию сквозь строй и к ссылке в Сибирь в каторжную работу и на поселение. Некоторые военные начальники из подлого желания выслужиться позволяли себе жестокие истязания при розысках для открытия виновников и главных зачинщиков возмущения.

Учреждение военных поселений, на которые издержаны были многие миллионы без всякой пользы, было предметом всеобщего неодобрения. Даже лица, на которых Александр возложил приведение в исполнение этой меры, при всяком случае уверяли, что они действуют против собственного убеждения и только в угодность государю. Главный начальник поселений, генерал граф Аракчеев, — ненавистный целой России за злобный и свирепый нрав, но любимый Александром, как раб, преданный, готовый отдать душу, чтобы угодить ему, — и Аракчеев говаривал, что военные поселения выдуманы не им, что он сам, не одобряя этой меры, приводит ее в исполнение, как священную для него волю государя и благодетеля своего.

В то время многие офицеры гвардии и генерального штаба с страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты, в которых так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах. Изучая смелые политические системы и теории, весьма естественно, что занимавшиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве. А это и было главным предметом занятий размножившихся в Европе тайных политических обществ, которых члены исключительно посвящали себя политике. Статуты некоторых из этих союзов, существовавших во Франции и Германии, завезены были в Россию и навели наших либералов на мысль учредить тайное политическое общество у нас, с целью ограничить самодержавие. В конце 1816 года эта мысль осуществилась: несколько офицеров гвардии и генерального штаба условились составить тайное общество с целью, с какою все подобные общества учреждаются. Сначала они ограничились распространением так-называемых либеральных идей и принятием новых членов. Обстоятельства в первое время благоприятствовали учредителям: никогда в России не бывало такой свободы в выражении своих мнений, как при Александре и особенно после французской войны. Этою свободою пользовались члены тайного общества и, явно высказывая свои политические убеждения, нередко заста-

вляли молчать (самых) горячих абсолютистов очевидностью тех истин, которые они провозглашали. Надобно отдать справедливость Александру, что хотя, по доносам тайной полиции, ему известны были поборники новых идей, но он не преследовал их за мнения, которыми они успевали приобретать новых союзников из молодых людей, кончивших курс в университете или лицее, и литераторов.

V[1]

Ваше императорское величество!

Уверенный, что вы, государь, любите истину, я беру дерзновение изложить перед вами исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря. Я буду говорить с полною откровенностью, не скрывая худого, не смягчая даже выражений, ибо долг верноподанного есть говорить монарху правду без прикраски.

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло; купечество не жаловалось на кредит, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели; все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие расстроили финансы; но того еще не замечали в приготовлениях к войне отечественной. Наконец, Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобождение!» Само рассевало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда

[1] Из письма декабриста, писателя А. А. Бестужева к Николаю I из Петропавловской крепости.

К. Ф. Рылеев

(С современного портрета)

ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в массе народа. «Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа». Войска, от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое, или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» Уничтожение нормальных школ и гонение на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революциею, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае. Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию.

Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным способием дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимало руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетение дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей. Поведение русских дворян в этом

отношении ужасно. Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских—считается ни во что и делается явно. Не говорю уже о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкормления грудью крестьянок!! К счастию человечества такие примеры не часты, но к стыду оного они существуют. Запрещенье винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размноженье питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения парализировали не только умы и все промыслы тех мест, где устроились, а навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки — одним словом, все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто даются места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины, куда? Не знали сами. Целые селения снимались и бродили наугад, и многочисленные возмущения барщин ознаменовали 3 последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден; обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют города, у нас же, как города существуют только на карте и вольность ремесл стесняют в них цехи, то кочуют как цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее по их бедности; ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках.

Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон с 1812 г. Многие колоссальные фортуны (состояния) погибли, другие расстроились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду. Разврат мнения дал силу потачки вексельному уставу. Злостные банкруты умножились и до-

верие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов. Следствием сего был еще больший упадок нашего курса (т. е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и, следуя моде, все платили в тридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в полиции, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало их от ропота. Впрочем и без того упадок торговли был столь велик, что на главных ярмонках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые вопреки уставу имеют по селам своих агентов и скупая в первые руки сырые произведения для вывоза за-границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство — обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши и долготою судопроизводства. Оно разделяется на 3 разряда: на просвещенных, из которых большая часть составляет знать; на грамотных, которые или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам, и наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив бог знает как в полевых. Из них-то мелкопоместные составляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на столичную жизнь или от тяжб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и так. образом $^{9}/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе. Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано

милости крестьян и оттого, принужденное угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем, как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами, офицеры на скудость жалованья и непомерную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что им не дают учить, молодежь на препятствия в ученьи. Словом, во всех углах виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили, к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над волканом, одне судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованною землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писари заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали. Вашему императорскому величеству, вероятно, известны теперь сии злоупотребления, но их скрыли от покойного императора. Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Центральность судебных мест, привлекая каждую безделицу к верху, способствовала апелляциям, справкам, пересудам, и десятки лет проходили прежде решения, т. е. разорения обеих сторон. Одним словом, в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вам, государь, уже сведомо, как, воспламененные таким положением России и видя все элементы готовые к перемене, решились мы произвести переворот.

VI[1]

В высочайшем манифесте о восшествии вашем на престол, как бы в утешение народа, сказано, что ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, государь! ужели сокрыто от вас, что эта самая мысль страшила всех и что одна токмо общая уверенность в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича.

Царствование Александра — если разуметь под словом сим правление — было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний даже до последнего изнеможения! Противоречие сие поставило средний и нижний класс народа в недоумение: государь всюду являлся ангелом и сопровождался радушными восклицаниями; но в то же время от распоряжений правительства именем его разливалось повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву, и вообще думал: «министры обманывают доброго нашего государя: где ему батюшке, все знать!» Но те, кои просвещеннее, смотрели и рассуждали иначе. Результат общий: государь, встреченный на престоле со всеобщим вожделением, с единодушною, искреннею, беспримерною радостью, сопровожден в гроб едва ли не всеобщим равнодушием.

О государь! если это с моей стороны дерзновение, то в совести моей вопиющий глас убеждает меня, что оно в миллион раз полезнее вашему величеству, моему всемилостивейшему монарху, нежели та лесть, которою, если и возносят владык земных до небес, то для того только, чтобы они не видели, что на управляемой ими земле делается.

Не смею без особого соизволения изобразить вашему величеству в историческом порядке весь ход дела в последнее царствование, но цель, меня воодушевляющая, заставляет сказать хотя ту только истину, что прави-

[1] Из записки декабриста барона В. И. Штейнгеля, представленной Николаю первому 11 января 1826 года,

тельство отличалось непостоянством и в управлении государством не было никакого положительного, твердого плана. Сначала был период либерализма и филантропии; потом период мистицизма и наконец противных мнений и действий тому и другому. В 1810 и 1811 г. приметно уже было неудовольствие против правительства. 1812 г. соединил всех в одной цели — защите отечества и престола.

Настал вожделенный мир! Монарх, от всех благословенный, возвратился ко всеобщей радости. Все, казалось, обещало эпоху, от которой начнется период внутреннего благоустройства. Ожидание не сбылось. Роздано несколько миллионов Москве, Смоленску и частью некоторым уездным городам сих губерний; но сим пособием воспользовались не столько совершенно разорившиеся, сколько имущие: ибо оно раздавалось в виде ссуды под залог недвижимости. Если Москва отрясла так скоро пепл с главы своей и вознеслась в новом великолепии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 г., который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу отечества. Внезапно сей самый тариф в 1816 г. изменен в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли по крайней мере располагать свои спекуляции на сие императорским словом определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкрутились и народ через то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 г., но причиненной вред невозвратен. Таким образом коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех других держав преуспевает и процветает, особенно во Франции, которая в 1815 г. едва ли не в худшем состоянии была, нежели Россия.

Когда, с одной стороны, народ поощрялся пропивать потовым трудом наживаемые деньги, с другой умножена

подать с паспортов, возвышена цена на первую потребность — на соль, и приняты строжайшие меры ко взысканию недоимок; предписано за недоимку помещиков отдавать под опеку; а с казенных крестьян взыскивать, хотя бы то было с пожертвованием последнего их имущества. Начали у них продавать домашний скот, лошадей и самые домы, а так как с таких обобранных взять уже нечего, то постановлено правилом, в отвращение недоимок, за неимущих взыскивать с обществ. В некоторых губерниях «выбить, выколотить недоимку» сделалось техническим словом. Между тем в одних губерниях, как-то: в Белорусской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской по нескольку лет был неурожай, и помещики, не получая дохода, кормили крестьян; в других напротив, как в Тамбовской, Пензенской и Симбирской, хлеб был ни по чем от изменения сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сии уподобляют Россию тому состоянию, в котором была Франция во время Генриха III, когда сборщики податей обирали последнее у бедных земледельцев.

К сему привосокупить остается недостатки в судопроизводстве вообще, бесконечное продолжение тяжебных дел апелляциями и обращением паки в нижние инстанции, неправосудие и повсеместное злоупотребление. Последне было преследуемо, но от полумер осталось неисцельным. Посылались сенаторы, производили исследование, тысячами отдавали бедных чиновников под суд — определяли новых; а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею. Сколько и теперь есть губернаторов, состоящих под бесконечным судом!

Насильственная система так называемого водворения поселений принята была с изумлением и ропотом, как то и вашему величеству должно быть весьма известно; и не могло быть иначе. После тяжкой отечественной войны, в которой все состояния участвуя оказали равное усердие и верность престолу и отечеству; когда всякой ожидал в мире вожделенного спокойствия, внезапно войтить в селении военною рукою, взять домы мирных земледель-

цев; все, дедами и самими ими нажитое, да и их самих в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное. К сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку соседственных земель и поместий: ибо одна несправедливость естественно рождает другую. Возникли с одной стороны — отчаянное сопротивление, особенно на юге; с другой, строгие меры укрощения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого. Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха.

По сим кратким очеркам различных действий правительства, в отношении хозяйственного управления и настоящего положения государства, следующие черты представляются главными к характеристике правления: правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные и особенно народ в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим; а потому не прислушивалось к народному мнению, не входило в его нужды: повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы от того все разорилось. В сем отношении правительство дозволяло себе даже спекуляции: последняя распродажа квитанций рекрутских—разительный тому пример. Должно ли после сего удивляться, что правительство потеряло народную доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное общее желание перемены в порядке вещей.

Всемилостивейший государь! Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколь бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования. Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты, а »

газетах пишут, что говорят в палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль: почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности—родится в голове у каждого? Большая часть профессоров, литераторов, журналистов должны душевно принадлежать к желателям конституционного правления: ибо свобода тиснения сопряжена с личною их выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконец все те, кои бывали в иностранных государствах, а иные и образовались там; все те, кои служили в гвардии и теперь служат, не того ли же образа мыслей? Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою, кто не сетировал басни Дениса Давыдова: Голова и ноги? Может быть, в числе тех, кои имеют счастье окружать особу вашу, есть таковые. О, государь! Чтоб истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование. Но если сие невозможно, то остается одно — препобедить сердца милосердием и увлечь умы решительными, явными приемами к будущему благоденствию государства.

ДУХ ВРЕМЕНИ [1]

«Чего ж требует дух времени? Чего желают народы?»

Пускай мечтатели вымышляют несбыточные проекты обновления государств и возрождения народов. Народы не льстятся химерами: они желают существенного. — Утомленные опустошительными войнами, они вздыхают о мире и спокойствии, на прочном основании утвержденном; — гонимые за разноверие испрашивают свободы совести, терпимости вер; — обремененные налогами желают облегчения, которое само собою последует от сокращения излишних расходов, от простейшего распорядка дел государственных, всего же более от уравнительной раскладки налогов; — стесненные в правах личности и собственности ищут не-

[1] „Дух журналов", 1819 г., № 1.

прикосновенности прав сих; — не находя в судах защиты от притеснения сильного и богатого, но встречая везде лицеприятие, мздоимство, подлоги и коварство, они просят о правосудии строгом, нелицеприятном, скором и гласном. И все сии желания можно совокупить в одном всеоб'емлющем *владычестве законов!*

Так, народы желают *владычества законов!* — коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равно обязательных и для властей и для подвластных, при которых самовластие места иметь не может и которых столь же невозможно было бы испровергнуть, как и уклониться от них. Спросите у всех христианских народов, во всех частях света они другого желания не имеют. Сие одно имели в виду в продолжительных войнах; для сего проливали кровь, терпели столько бедствий, перенесли неслыханные тягости: — чтобы дети их, внуки и правнуки блаженствовали под сенью *владычества законов!* Вот *дух времени!* цель всеобщих желаний — не всеми ясно понимаемая, но истинная, единственная цель!

Однакож и сего блага должны ожидать народы ни от кого более, как от трона. Тщетно ослепленная буйством нация, называвшая себя просвещеннейшею, хотела насильственно поставить законы на место престола. Тридцать лет переходя от своевольства и необузданности черни к тиранству коварных народоводителей и, наконец, тягостнейшему деспотизму, сия несчастная нация испытала все бедствия незаконного правительства и гражданских неустройств, не познавши счастия быть управляемой законами. Вся Европа вооружилась против сего — *ложного духа времени* — и одолела его. Если бы он был истинный, то никакия сила не была бы в состоянии подавить его. Успокоясь от волнений буйных страстей, Франция приняла наконец сей Паладий будущего своего благосостояния из рук своего монарха.

Сами государи восчувствовали необходимость поставить *владычество законов* на незыблемом основании; они сами один перед другим ревнуют даровать народам своим сей залог отеческого об них попечения, сей памятник муд-

рости своей, и надежнейшее ручательство будущего их благоденствия—*государственное уложение!*

Но уложение на бумаге есть только мертвая буква: оно также может быть устранено, перетолковано, брошено, как тысячи других узаконений. — Чтоб оно было всегда в силе, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытие и учредить при ней блюстителей.

Многочисленными опытами дознано, что всякое сословие, под влиянием правительства состоящее, не может быть надежным охранителем государственного уложения. Природные блюстители оного суть *народные представители.* Они суть верные охранители его неприкосновенности, преследователи нарушителей его, советники государей и соучастники в законодательстве; — без них никакой новый закон не может быть издан, никакой налог наложен, никакое важное предприятие предпринято; — через них народ имеет свой голос, который есть тогда поистине *голос божий;*—при них личность и собственность каждого остается неприкосновенною, разве по силе закона;—при них никакое злоупотребление власти не укроется, никакое нарушение прав не останется безнаказанным;—при них правосудие недреманно; сильный не смеет положить на весы руки своей, ниже богатый злата, чтоб наклонить их к угнетению невинного;—все тогда делается гласно и пред очами всех: ибо правда и доброе дело не имеют нужды скрываться в тайне. Такое устройство сильно укрепляет дух народный, и ускоряет *преуспеяние* всего истинно полезного. А что всего важнее, вся машина государственного управления, сообразно потребностям времени, легко поправляется и совершенствуется, без внезапных потрясений; никогда не препинается в ходе, но всякий раз, когда нужно, заводится вновь, и идет всегда ровно, единообразно и благоустройно.

И вот *чего требует дух времени! чего желают народы!* и в чем государи сами предупреждают их желания!

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

ИЗ РЕЧИ АЛЕКСАНДРА I ПРИ ОТКРЫТИИ ПОЛЬСКОГО СЕЙМА В 1818 Г.

Представители царства Польского!

Надежды ваши и мои желания совершаются. Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченным созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение прошедшего могло произвесть ваше возрождение. Оно непреложно поставлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства к приведению оного в исполнение. Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав по правилам христианской нравственности добром за зло, простерла к вам братские об'ятия и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь—восстановить храбрый и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейший моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести немедлено то, которое я вам даровал, руковод-

ствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние, надеюсь я, при помощи божией, распространить и на все страны, провидением попечению моему, вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов.

Вам подлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет взаимное согласие душою вашего собрания, а достоинство, хладнокровие и умеренность да ознаменуют ваши прения.

НОЭЛЬ [1]

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот,
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает: —
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь!
Вот бука, бука, русский царь!»
Царь входит и вещает: —
«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:

[1] Сказка А. С. Пушкина — по поводу речи Александра в 1818 г.

И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: — Я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.
Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон поставлю вам на место я Горголи [1].
И людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».
От радости в постели
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто, не шутя?»
А мать ему: — «Бай, бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы наконец,
Прослушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!

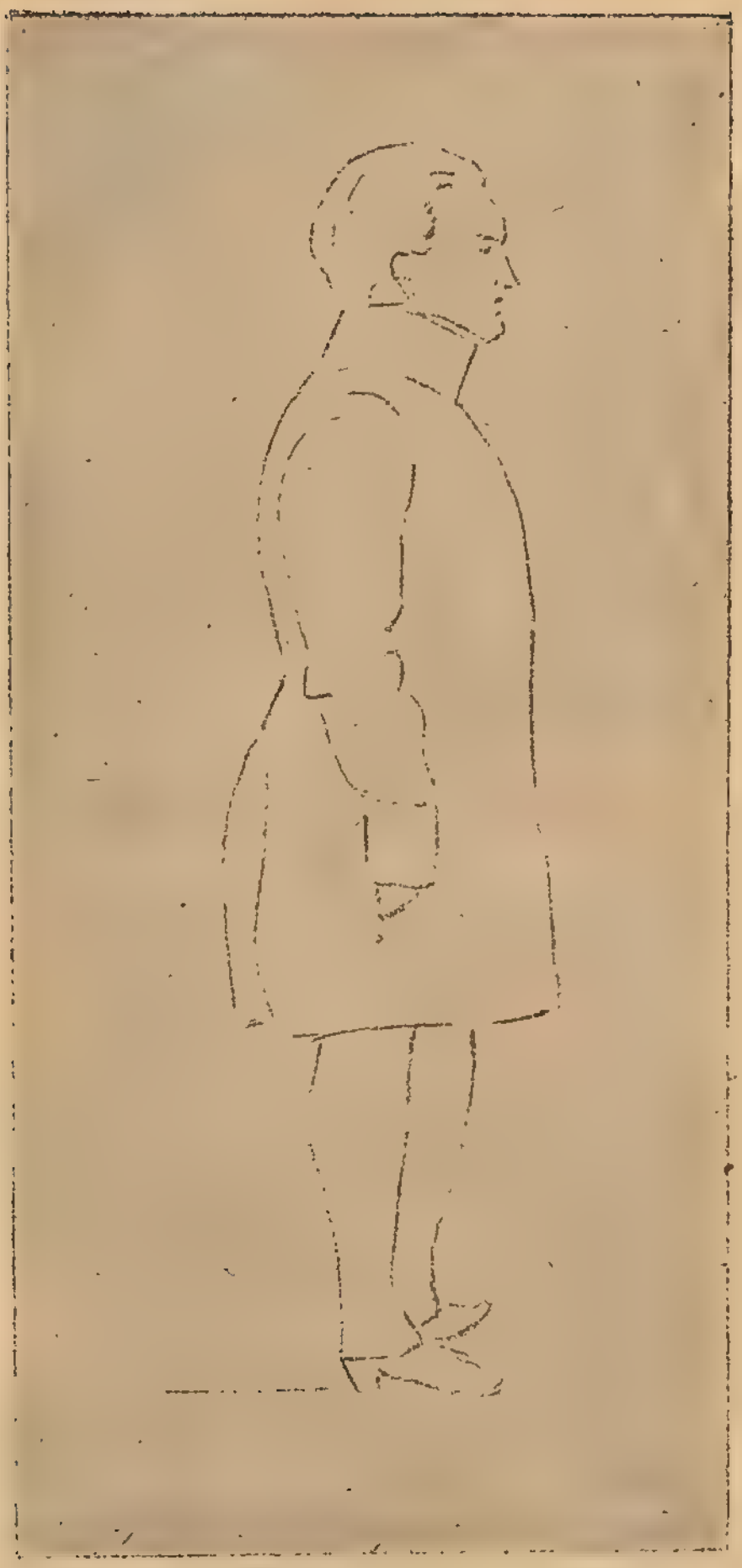
АХ, ГДЕ ТЕ ОСТРОВА [2]

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!
Где читают Pucelle [3]
И летят под постель
Святцы...

[1] Лавров, Соц и Горголи—директор департамента в министерстве полиции, секретарь цензурного комитета, петербургский обер-полициймейстер.

[2] Стихотворение, написанное К. Ф. Рылеевым вместе с декабристом А. А. Бестужевым.

[3] Антирелигиозная поэма французского поэта Вольтера „Девственница".



С. И. Муравьев-Апостол

(С зарисовки участника процесса)

Где Бестужев драгун
Не дает карачун
Смыслу;
Где наш князь-чудодей [1]
Не бросает людей
В Вислу;
Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты;
Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты [2]...
Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно;
Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно...
Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом...
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром...
Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят;
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят...
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо;
Как жена пред дворцом
Раз'езжала верхом
Лихо;

[1] Великий князь Константин Павлович.
[2] „Тантой" звали сварливую тещу Ф. В. Булгарина.

Как Павлушка-злодей
Воцарился по ней...
Горе!
Но господь, русский бог,
Бе́дным людям помог
Вскоре...
Как в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули, — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто;
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом!

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЗАГОВОРА

I[1]

В первую четверть XIX века, тотчас после того, как Россия вышла из наполеновских войн, на русской почве начинают возникать одно за другим тайные общества. Сначала общество «русских рыцарей» в 14-м году, затем «Союз спасения» в 17-м году, «Союз благоденствия» в 18-м году и, наконец, то, что называется «Тайным обществом декабристов», настоящий заговор, около 1821 года. Эти тайные общества выступили в момент кризиса, чисто личного кризиса власти наверху, когда царь Александр I внезапно умер 19-го ноября 1825 года, умер за тридевять земель от столицы, в Таганроге, на берегу Азовского моря, и когда у России не оказалось царя, потому что Константин, следующий за ним брат (детей у Александра не было), как оказалось, давно отрекся от престола, о чем никто не знал, а следующего брата Николая Павловича, вследствие того, что не знали об отречении Константина, не хотели признать царем. Эта заваруха на верху дала повод к выступлению давно зревшего в тайных обществах заговора. Восстание произошло в Петербурге (Ленинград) 14-го декабря старого

[1] Из „Очерков по истории революционного движения в России XIX и XX веков“ проф. М. Н. Покровского (Москва 1924).

стиля 1825 года, затем произошло восстание на юге в конце декабря. Однако, востание было разгромлено, члены тайного общества поарестованы, преданы суду, лидеры заговора были повешены, остальные были сосланы на каторгу, и началась длинная эпопея декабристов. Первое в России выступление борцов за свободу против самодержавия, первая легенда, которая затем идет через весь XIX век, вдохновляет следующих борцов. Суб'ективное психологическое значение этой легенды было колоссально, и действительно она вдохновляла последующих борцов.

Но какие были об'ективные корни всей этой истории? Тут нам приходится с этих высот, — высот весьма относительных, — спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному (простому). Этим тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз. В XVIII веке, в связи с известным промышленным переворотом в Англии, она стала поглощать большое количество ввозного хлеба, и главным поставщиком хлеба на английский рынок являлась Россия. Промышленный переворот в Англии явился, таким образом, исходной точкой своеобразного переворота в русском помещичьем имении. Оно начало превращаться в фабрику для производства хлеба. Этот перелом уже наметился в конце XVIII века, но с особенной силой он дал себя почувствовать тотчас после наполеоновских войн, значит, в середине второго десятилетия XIX века.

Вывоз пшеницы, — и то же самое с рожью и со всеми другими хлебами. — рос с катастрофической быстротой. Он в пять раз вырос на протяжении 4-х лет (с 5 миллионов в 1813 г., до 20 миллионов в 1817 г.). Это выкачивание хлеба из России должно было произвести настоящее революционное действие. Это же была настоящая революция, когда помещичье имение сразу в пять раз должно было производить больше хлеба для экспорта на мировой рынок, нежели оно производило перед этим. И как раз в эти самые

годы начинают расти, как грибы, тайные общества. Два факта, которые нельзя не сблизить между собой.

Какую цель ставят себе эти тайные общества? Несомненно, что если мы попробуем начертать равнодействующую всех декабристских обществ, то этой равнодействующей будет ликвидация крепостного права. Недаром это была центральная идея как самой сильной головы Северного общества (петербургского) Николая Ивановича Тургенева, для которого ликвидация крепостного права была стержнем всей его литературной и политической деятельности, так и Южного общества—полковника Пестеля, мысли которого также вертелись около аграрного переворота и около крестьянского вопроса. Спрашивается: что вынудило помещиков в это время поставить вопрос о ликвидации крепостного права? Да тот факт, что крепостной труд является одной из наиболее экстенсивных (слабых) форм приложения труда вообще. Крепостное хозяйство есть чрезвычайно экстенсивное хозяйство. Труд крепостной — труд чрезвычайно непроизводительный, но это была в то же самое время самая дешевая форма труда. Поскольку крепостному мужику за его барщинную работу ничего не платили, постольку он, конечно, был самым дешевым работником, ибо всякому другому приходилось что-нибудь платить. И вот, пока вывоз хлеба из России рос сравнительно медленно и пока цены на хлеб поднимались тоже сравнительно медленно, до тех пор помещик мог, приспособляя к условиям рыночного хозяйства свое имение, довольствоваться малопроизводительным барщинным трудом.

Но как-раз на эти годы, о которых я говорю, падает бурный под'ем хлебных цен. Они росли так же революционно, как рос вывоз хлеба из России. И вот это неожиданное увеличение хлебных цен, в связи с необходимостью выкидывать на рынок все большее и большее количество продукта, и поставило вопрос об освобождении крестьян так остро, что он проник в художественную литературу.

Помещики начинают находить, что крестьянин ужасно ленив, что крестьянин очень мало работает, и, между прочим, это находит декабрист Якушкин. Он находит, что

крестьянин чрезвычайно мало работает; необходимо что-то такое сделать, чтобы побудить его к труду. И вот Якушкин придумал систему, чрезвычайно простую и которая приходила в голов не одному Якушкину, а и целому ряду других тогдашних помещиков. Как заставить крестьян прилежно трудиться? Да очень просто. Дать им свободу, отобрав у них всю землю. Тогда, поставленные в необходимость добывать себе хлеб трудом рук своих, они будут или арендовать свою землю, и тогда они будут стараться выработать арендную плату и работать больше, чем работали до сих пор, или они в качестве батраков будут применяться на этой земле. Но когда Якушкин предложил крестьянам освободить их без земли, то они ответили ему классической фразой. Они его спросили, как бы не поняв: «А земля-то, батюшка, чья же будет?» — «Земля, конечно, моя, а вы вольны ее арендовать». На это последовал классический ответ: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша». Когда крестьянам сказали, что земли у них никакой не будет, они заявили: «Нет, на это мы не согласны». И когда Якушкин со своим проектом отправился к тогдашнему министру внутренних дел Кочубею, то Кочубей, очень умный и тонкий старик, дал ответ, что, конечно, реформу произвести можно, но это вызовет такой бунт, от которого не поздоровится ни Кочубею, ни Якушкину. Поэтому лучше этот план интенсификации (усиления) крестьянского труда оставить и перейти к другому.

ПОМЕЩИК-ДЕКАБРИСТ [1]

Вскоре после этого (в 1816 г.) я уехал из Петербурга в 37-й егерский полк. Заехав по пути к дяде, который управлял небольшим моим имением в Смоленской губернии, я ему об'явил, что желаю освободить своих крестьян. В это время я не очень понимал ни как это можно было устроить, ни того, что из этого выйдет; но, имея полное

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

убеждение, что крепостное состояние мерзость, я был проникнут чувством прямой моей обязанности освободить людей, от меня зависящих. Мое предложение дядя выслушал даже без удивления, но с каким-то скорбным чувством; он был уверен, что я сошел с ума.

В 19-м году, поехав из Москвы повидаться со своими, я заехал в смоленское свое имение. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что так как я не служу и ничего не делаю, то мне бы приехать пожить с ними, и уверяли, что я буду уже им тем полезен, что при мне будут менее притеснять их. Я убедился, что в их словах много правды, и переехал на житье в деревню. Соседи тотчас прислали поздравить с приездом, обещая каждый скоро посетить меня; но я через посланных их просил передать им извинение, что теперь никого из них не мог принять. Меня оставили в покое, но, разумеется, смотрели на меня, как на чудака. Первым моим распоряжением было уменьшить на половину господскую запашку. Имение было на барщине, и крестьяне были далеко не в удовлетворительном положении; многие поборы, отяготительные для них и приносившие мало пользы помещику, были отменены.

Чтобы сблизиться сколько возможно скорее с моими крестьянами, я всех их и во всякий час допускал до себя и, по возможности, удовлетворял их требования; скоро отучил я их кланяться мне в ноги и стоять предо мной без шапки, когда я сам был в шляпе. За проступки они не иначе наказывались, как по приговору всех домохозяев.

Почва вообще в Смоленской губернии не плодотворна; при недостатке скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своих полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, так что собираемого хлеба едва доставало крестьянам на продовольствие и посев. Единственные их промыслы были зимою: извоз и добывание извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. С этими средствами они, конечно, не ходили по миру, но нельзя было надеяться этими средствами улучшить их состояние, тем более, что, привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с нею расстаться, они говорили, что всей работы никогда

не переработаешь и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая сил своих. Надо было придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться. Способ этот, по тогдашним моим понятиям, состоял в том, чтобы прежде всего поставить их в совершенно независимое положение от помещика, и я написал прошение к министру внутренних дел Козодавлеву, в котором из'явил желание освободить своих крестьян и изложил условия, на которых желаю освободить их. Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их дома, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принадлежностью тех же деревень. За все за это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же всю земля я оставлял за собой, предполагая половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать в наем своим крестьянам.

Молодое же поколение, мне казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потом доставить им более верные средства добывать пропитание, нежели какие до сих пор имели отцы их. Для этого я на первый раз взял к себе 12 мальчиков и сам стал учить их грамоте, с тем, чтобы после раздать их в Москву в учение разным мастерам. Но набор мальчиков совершился не совсем с добровольного согласия крестьян; они сперва были уверены, что я беру их детей к себе в дворовые, и тем более это могло им казаться вероятным, что вся моя дворня состояла из одного человека, который был со мной в походе, и наемного отставного унтер-офицера. Скоро однакож отцы и матери успокоились за своих детей, видя, что они учатся грамоте, всегда веселые и ходят в синих рубашках. В это время заехал ко мне мой сосед Лимохин, чтобы поговорить об устройстве мельницы на реке, разделяющей наши владения. Не видя у меня никакой прислуги и заметя стоявших вдали мальчиков, он спросил: «Что они тут делают?» Я ответил, что они учатся у меня грамоте. «Прекрасно, возразил он, поучите их петь и музыке, и вы, продавши их, выручите хорошие деньги».

Такие понятия моего соседа, сами по себе отвратительные, между тогдашними помещиками были не диковинка. В нашем семействе был тогда пример. Покойный дядя мой, после которого досталось мне Жуково, был моим опекуном; при небольшом состоянии были у него разные полубарские затеи, в том числе музыка и певчие. В то время, когда я был за границей, сблизившись в Орле с графом Каменским, сыном фельдмаршала, он ему продал 20 музыкантов из своего оркестра за 40.000; в числе этих музыкантов были два человека, принадлежавшие мне. Когда я был в 14-м году в Орле и первый раз увиделся с Каменским, граф очень любезно сказал мне, что он мой должник, что он заплатит мне 4.000 за моих людей, и просил без замедления совершить на них купчую. Я отвечал его сиятельству, что он мне ничего не должен, потому что людей моих ни за что и никому не продам. На другой день оба они получили от меня отпускную.

Наконец, вяземский дворянский предводитель получил предписание из министерства внутренних дел потребовать от меня показание, на каких условиях я хочу сделать своих крестьян вольными хлебопашцами, и означить сколько передаю я земли каждому из них; потом допросить крестьян моих, согласны ли они поступить в вольные хлебопашцы на предлагаемых мною условиях, словом, поступить совершенно по учреждению для крестьян, поступающих в вольные хлебопашцы, обнародованному в 1803 году, февраля 20. Из этого было очевидно, что в министерстве не обратили ни малейшего внимания на смысл моей просьбы. Оставалось только мне ехать самому в Петербург и изустно об'ясниться с министром, но прежде мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их. Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием, и, наконец, спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?» Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. — «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша». Напрасно я старался им

об'яснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение. Русский крестьянин не допускает возможности, чтоб у него не было хоть клока земли, которую он пахал бы для себя собственно. Надеясь, что мои крестьяне со временем примирятся с условиями, на которых я предложил освободить их, в начале 20 года я отправился в Петербург.

Распределение поземельной собственности между крестьянами и общинное владение ею составляют у нас основные начала, из которых со временем должно развиться все гражданское устройство нашего государства. Благомыслящие люди или, как называли их, либералы того времени, более всего желали уничтожения крепостного состояния, и при европейском своем воззрении на этот предмет, были уверены, что человек, никому лично не принадлежащий, уже свободен, хотя и не имеет никакой собственности. Ужасное положение пролетариев в Европе, тогда еще не развилось в таком огромном размере, как теперь, и потому возникшие вопросы по этому предмету уже впоследствии— тогда не тревожили даже самых образованных и благонамеренных людей.

Крепостное же состояние у нас обозначалось на каждом шагу отвратительными своими последствиями. Беспрестанно доходили до меня слухи о неистовых поступках помещиков, моих соседей. Ближайший из них — Жигалов, имевший всего 60 душ, раз'езжал в коляске и имел громадную стаю гончих и борзых собак; зато крестьяне его умирали почти с голоду и часто, ушедши тайком с полевой работы, приходили ко мне и моим крестьянам просить милостыню. Однажды к этому Жигалову приехал Тимохин и проиграл ему в карты свою коляску, четверню лошадей и бывших с ним кучера, форрейтера и лакея; стали играть на горничную девку, и Тимохин отыгрался. В имении Анненкова, верстах в трех от меня, управляющий придумывал ежегодно какой-нибудь новый способ вымогательства с крестьян. Однажды, он об'явил им, что барыня их, живущая в курском своем имении, приказала прислать к себе несколько взрослых девок для обучения их ковер-

ному искусству; разумеется, крестьяне, чтобы откупиться от такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова при полевых работах, раз'езжали управитель, бурмистр и старосты и поощряли народ к деятельности плетью. Проезжая однажды зимою по Рославльскому уезду, я заехал на постоялый двор. Изба была набита народом, совершенно оборванным, иные даже не имели ни рукавиц, ни шапки. Их было более 100 человек, и они шли на винокуренный завод, отстоящий верст 150 от жительства. Помещик, которому они принадлежали, Фонтон де-Варион отдал их на всю зиму в работу на завод и получил за это вперед условленную плату.

ВЛИЯНИЕ РАБСТВА НА РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА [1]

Так как раб составляет часть богатства своего господина, последний может пользоваться им двумя способами: или заставляя его оказывать ему непроизводительные услуги, или заставляя его работать для производства других богатств.

В первом случае раб принадлежит к фонду потребления своего господина; во втором он составляет часть его капитала. В этом уже порок рабства, и порок весьма тяжкий, что непроизводительными услугами он неминуемо ведет к роскоши. В тех странах, где существует рабство, класс слуг бесконечно многочисленнее, чем это вызывается потребностями. Дома богатых кишат бездельниками, то, что в других местах составляет обязанность одного человека, становится здесь работою пяти или десяти рабов; сильные руки, которые при другом порядке вещей работали бы производительно, обречены на бездействие и потребляют вместо того, чтобы производить. Хозяева держат рабов для удобства или для забавы, содержат их из-за чванства. Иной рабовладелец имеет свою труппу актеров, музыкантов, шутов, как и свою свору собак. Рабство ведет к потреблению

[1] Из „Курса политической экономии“ проф. Шторха, изд. 1815 года.

в самом дурном смысле этого слова, и это наблюдение подтверждалось повсюду, где рабство существовало, в древнем Риме, как в Персии, у европейцев в Индии, как и у нас в России.

Раб, исполняющий подневольный труд, для своего ли господина, для другого ли лица, которому его отдают внаймы, составляет часть постоянного капитала своего господина; его содержание есть, наоборот, капитал находящийся в обращении. Когда господин воспитывает молодых рабов не для того, чтоб оставить их у себя, а для того, чтоб их продать, как это часто практикуется у народов Азии, Африки, сами эти рабы составляют часть оборотного капитала.

Раб, работающий постоянно для других и никогда для себя, ограниченный необходимым содержанием и не видящий никакой перспективы для улучшения своей участи, утрачивает все, что составляет человека труда; он становится машиной, и машиной зачастую весьма упрямой и весьма трудно управляемой. Человек, не получающий вознаграждения, сответствующего исполняемой им работе, работает насколько возможно меньше: это—общепризнанная истина, подтверждаемая повседневным опытом. Заставьте вольного рабочего работать поденно: он будет лениться; платите ему сдельно: он часто будет переутомляться и разрушит свое здоровье. Если это наблюдение верно по отношению к вольному рабочему, оно должно быть бесконечно вернее по отношению к рабу, ибо первого побуждают работать лучше три стимула (побуждения), отсутствующие у второго.

1. Излишек работы, исполняемой вольным работником, не остается без вознаграждения. Наиболее ловким и деятельным платят лучше, чем остальным; те, которые отличаются, имеют более постоянный заработок, и им всегда оказывают предпочтение, ставя их на наиболее прибыльную работу: это — действительная награда, сопровождающая их усилия.

2. У вольного работника, как и у всякого другого человека, есть чувство чести. В свободной стране, репутация

ленивого и неумного работника считается позорной, и так как в этом отношении к глазам работодателя приходится прибавить глаза товарищей по работе, то эта кара налагается в бесчисленных случаях судьями, не имеющими никакого интереса щадить лентяя. Таким образом они взаимно надзирают друг за другом и движутся соревнованием. Но этот двигатель имеет гораздо меньше силы для рабов. Обхождение, принятое по отношению к ним, делает их мало чувствительными к столь утонченному наказанию, а так как они не могут не сознавать, как несправедливо работать в пользу других без всякого вознаграждения, то рабы и не стыдятся признаваться друг другу в общем для них всех отвращении к труду.

3. То, что вольному работнику представляется прибылью, есть верная прибыль: все, что он может приобрести, принадлежит ему, и никто никогда не будет в праве коснуться его достояния; но мы видим, что для раба действительной уверенности в этом быть не может.

Труд раба ниже труда вольного рабочего в количественном отношении, легко понять, каким он должен быть и по качествам.

У раба нет никакого интереса вкладывать в работу умственную энергию и затрачивать силы, могущие обеспечить ее успех, он не выказывает изобретательности в выборе приемов, совершенствующих и умножающих продукты его труда. Ему совсем невыгодно развернуть во всю ширь свои способности, он только повысил бы меру своих обычных обязанностей. Зачем ему придумывать новые способы делать больше или делать лучше? Для совершенствования нужно размышлять, а размышление есть труд, на который никто не пойдет без побудительной причины. Человек, униженный до степени рабочего скота, никогда не поднимется выше слепой рутины; поколения будут следовать одно за другим без малейшего прогресса. Силой можно принудить людей работать, но нельзя сделать их изобретательными. Наиболее выгодные для промышленности приемы, облегчающие и сокращающие труд, будут ли то машины, или по-

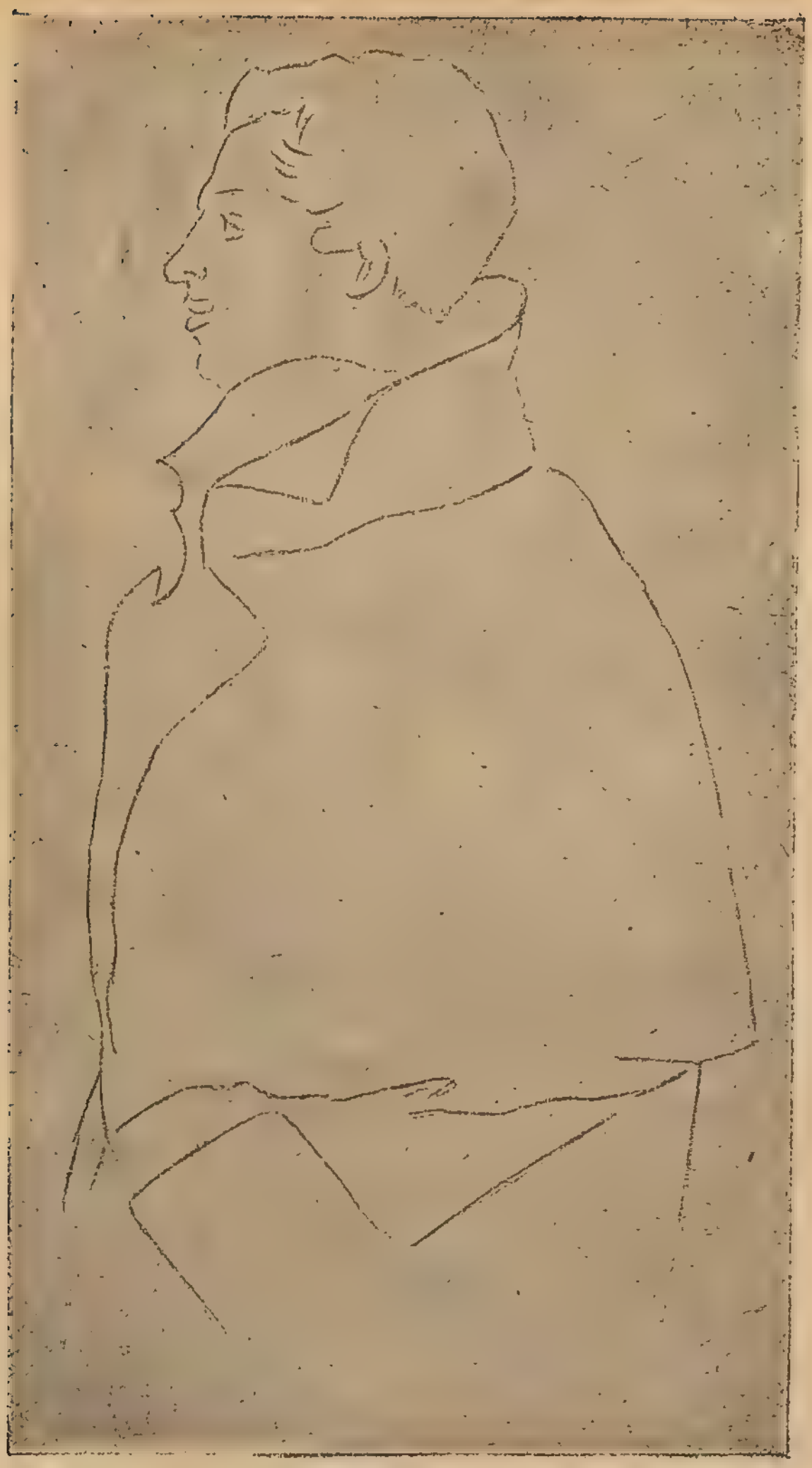
рядки организации, были все изобретены людьми свободными.

Этот анализ должен убедить читателей, что эти успехи могут быть лишь весьма медленны и что рабство должно в конце концов совершенно остановить промышленность, в тот момент, когда ей будет нужен самый могучий под'ем. Этот результат наших изысканий подтверждается также и опытом.

Современная Европа представляет нам более точные данные для сравнения дохода с земли, когда она обрабатывается рабами и когда ее возделывают люди свободные. Если же рабство является препятствием для успехов земледелия, то с тем большим основанием должно оно быть таковым для мануфактурного производства. Мы видим, как механические ремесла незаметно рождаются рядом с полевыми работами и как они совершенствуются, отделившись от них. А так как рабство препятствует этому отделению, то оно удерживает ремесла в состоянии вечного детства, ибо разделение труда, которое одно только и может усовершенствовать их, становится невозможным там, где человек прикреплен к земле.

Эпоха полной отмены рабства в Европе есть заря всех великих открытий, делающих честь человеческому уму и облагораживающих человеческое существование, которое, благодаря им, становится более легким и приятным. Все успехи, сделанные Европой в науках и искусствах, в управлении и в промышленности, успехи, обеспечивающие ей столь славное главенство над другими частями света, ведут начало лишь с этого великого и благодетельного переворота; и нет сомнения, что, еслиб он не состоялся, Европа коснела бы еще в таком же приблизительно варварстве, каким она была окутана в течение стольких веков.

Будем говорить об одной только промышленности; посмотрите, какие усилия делались в ее пользу, как щедро поощряли ее в течение двух веков в тех странах, где рабство еще существует. А каковы же были последствия стольких забот со стороны правительства? Сделало ли успехи разделение труда? Умножилось ли число фабрик? Ведется



М. П. Бестужев-Рюмин

С зарисовки участника процесса

ли с помощью промышленности и национальных фондов торговля? Посмотрите на мощный под'ем промышленности за последние пятьдесят лет в Соединенных Штатах Америки и Ирландии и сравните с ним слабые успехи, сделанные ею в России, в Польше, в Венгрии, в Дании и всюду, где существует рабство, хотя эти страны гораздо раньше начали заниматься фабричным делом и торговлей. Соединенные Штаты имели в 1800 г. народонаселение в 5.300.000 душ. В последующие три года они вывозили ежегодно, по средней оценке, на сумму в 98.550.000 рублей. Россия имела в 1800 г. около 40 миллионов душ, в последующие три года она вывозила ежегодно, по средней оценке, на сумму в 58.125.500 рублей. Таким образом народонаселение России в 7½ раз превосходило народонаселение Соединенных Штатов, между тем как ее вывозная торговля равнялась лишь шести десятым вывозной торговли Соединенных Штатов.

Вот факты, говорящие сами за себя. Если, несмотря на поощрение, щедро оказываемое промышленности в течение полутора столетий, она сделала у нас так мало успехов; если нам недостает, не скажу фабрик, ибо для того, чтобы они появились, нужно, чтобы капитал России возрос еще больше, но мастеровых для самых обычных и самых необходимых ремесл, если разделение труда сводится почти к нулю, если наши рабочие по большей части работают еще несовершенными орудиями, если, наконец, их промышленные изделия уступают иностранным и по количеству, и по качеству, то винить в этом следует главным образом рабство.

ОТДАЧА КРЕПОСТНЫХ ПО ОБ'ЯВЛЕНИЯМ [1]

Отпускается в услужение девка, умеющая шить белье и вышивать, также и прачешную должность исправлять может. Спросить об ней в голицынской больнице у смотрителя галлереи.

Отпускается в услужение дворовая девка 20 лет, собою видная и способная ходить за барынею, шить тонкое белье,

[1] Из газет 1825 года.

гладить и крахмалить, также и белую и черную работу способна исправлять. Спросить и т. д.

Отпускается в услужение человек 20 лет, собой видный, способный во всякую должность, а паче в лакейскую, поведения весьма доброго. Тут же продается количество тонких пяти-четверных нынешнего года тканых и беленых полотен за сходную цену.

Отпускается в услужение девка 23 лет, умеющая хорошо мыть и гладить всякое белье, Хамовнической Ч., в приходе Неопалимые Купины, в доме госпожи Покровской.

Отпускаются за излишеством разного мастерства люди, видные собой и хорошего поведения: сапожник, он же и башмачник, токарь, маляр, столяр, обойщик, шорник, оффициант, знающий читать, писать и играть на флейте. Желающие могут спросить и т. д.

Отпускается в усложение хорошего поведения лакей, помесячно или в год, который может исправлять и оффициантскую должность, знающий читать и писать, играет на виолончели и скрипке, да другой ткач, умеющий ткать салфетки и полотна, и может исправлять на дворе должность дворника. Спросить и т. д.

Отпускается в услужение берейтор, который может обучать учеников выезжать лошадей и быть при заводе. Тут же продается хорошей доброты сыр, с обождением денег.

Отпускается в услужение горничная девка 18 лет, знающая разные рукоделия, доброго поведения.

Отпускается в услужение повар, он же знает отчасти и кондитерское, с женою, дочерью и сыном. Спросить и т. д. В оном же доме продается холмогорский бык.

КРЕСТЬЯНЕ [1]

Вся тягость налогов и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежит на сем почтенном, но несчастном сословии. Россия богата всеми произведениями земли,

[1] Из письма декабриста А. И. Якубовича к Николаю I от 28 декабря 1825 г.

всеми климатами, от знойной Апшерони до льдов Лапландии, от Бессарабии до Сибири; на таком пространстве чего не вмещает в себе сей необ'ятный колосс! Но нет твердых законов, взаимной доверенности, удобного сообщения, промышленности, следовательно нет видных капиталов и денег в обороте. — Пахарь богат хлебом, но продав большую часть труда целого года, только что может удовлетворить правительство; к тому же злоупотребления чиновников, не пекущихся о благе вверенной им части, но радеющих о личных выгодах, имея в виду выслужиться у властей на счет сих несчастных: экзекуция за недоимки отымает рабочий скот, одежду, разоряют даже дома и истязают пытками несостоятельных, как во времена варварства.

Помещики, живущие в деревнях, большею частью закоснелые в невежестве и пороках, самовластно располагают честью, имуществом и самой жизнью своих крестьян, передавая разврат в их семейства. — Нет защиты утесненному, нет грозы и страха утеснителю! Между повинностями одна из тягостнейших — исправление дорог: необозримые пространства, малое народонаселение, семь месяцев слякотей или зимы, глинистая почва (не говоря о злоупотреблениях) суть уже не преоборимые препятствия; за 50-т и более верст во время пахоты собираются на работы, сколько рук отымают от сохи, затем, чтобы труды осени истребляла весна, а весенние — осень; с тех пор, как введен новый образ разработывания дорог, сообщения стали затруднительнее, и Россия в общем итоге всего времени потеряла $^1/_{10}$ из всего рабочего скота; не говоря о капитале и трудах. — Других, менее важных утеснений сему сословию не стану и исчислять.

ПЕСНЯ [1]

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,

[1] Составлена декабристом К. Ф. Рылеевым и распевалась по всей России.

В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда.
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом,
Нас морочат,
И волочат,
По дорогам да судам.
А уж правды нигде,
Не ищи мужик в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Там же каждая душа,
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
За одно с секретарем.
Нас поборами царь,
Иссушил, как сухарь;
То дороги
То налоги,
Разорили нас в конец.
А под царским орлом,
Ядом подчуют с вином,
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Томно так, что ой, ой, ой.
А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

I[1]

Вашему императорскому величеству благоугодно было доставить мне счастие сопровождать вас в военные поселения и дозволить мне замечания мои об устройстве оных довесть до высочайшего сведения вашего величества.

Исполняя сию священную для меня волю вашу и будучи твердо убежден в том, что военные поселения принадлежат к числу тех предприятий, коих влияние на политическое существование государства столь велико, что суждение по сему предмету, требуя больших соображений и ясного изложения, не может быть представлено в кратком разговоре; а потому я долгом почел представить оное письменно, на благоусмотрение вашего императорского величества. При сем случае, я осмеливаюсь предварительно исспрашивать у вашего величества великодушного снисхождения, если я, в рвении моем к благу отечества и верноподданнической преданности к вам, всемилостивейший государь, не мог сокрыть тех бедствий, кои предусматриваю от дальнейшего распространения военных поселений.

Предмет военных поселений представляется к рассмотрению в двух видах: политическом и хозяйственном.

[1] Из книги „Гр. Аракчеев и военные поселения", изд.„ Русской Старины".

В политическом отношении военные поселения есть предприятие, по мнению моему, опасное. Ибо можно ли, при настоящем брожении умов и при явно вероломных покушениях на ниспровержение престолов, равнодушно видеть целые селения вооруженные, состоянием своим недовольные и под командою офицеров угнетенные,—видеть все сие у ворот, так сказать, столицы, и спать спокойно...

Теперь, государь, позвольте мне обратить внимание вашего величества, на хозяйственную часть в поселениях.

Известно каждому, что для успешного хода хлебопашества нужно, чтобы поля были сколько возможно сближены к селениям. В военных поселениях, напротив того, роты выстроены в одну линию, на протяжении от двух до трех верст, и если теперь уже, когда не все еще положенное количество земель расчищено, часть полей отстоит от селений от 4-х и более верст, то что будет тогда, когда вся пропорция земли поступит в удел хозяина?

Изложив причины неспособности строений в военных поселениях, в отношении к земледелию, я осмеливаюсь обратить внимание вашего императорского величества на сии же строения и в отношении к выгодам поселян.

В каждом доме живут 4 хозяина и 8 постояльцев. Если хозяевам определено не иметь ничего, то я постигаю возможность такового распоряжения. Но, напротив того, если они будут содержать скот, птиц и другие разного рода хозяйственные избытки, то не предвижу, каким образом возможно было бы отвратить ежечасные между ними распри и ссоры, как неминуемое последствие многих хозяев в одном доме. И не будет ли начальство крайне и беспрестанно затруднено разбирательствами самых мелочных взаимных несогласий? Сверх того, дворы тесны и помещения для скота недостаточны, а требуемая чистота в комнате столько для солдата обременительна, что одна непомерная строгость в силах оную удержать.

Для женатых постояльцев вовсе нет помещения. Действующего баталиона солдат, войдя в свое жилище, удостоверяется, что ему определено остаться холостым, если кто из коренных жителей не выберет его в наследники. Здесь

невозможно опять воздержаться, всемилостивейший государь, от вопроса: в чем же состоит благоденствие, обещанное сему может быть израненному воину? Он живет в казарме, в которой требуется от него непомерная чистота, он женщин не знает, он не имеет никакой собственности, он несет все бремя строевой службы, и, сверх того, исправляет другие тяжкие работы, как-то: роет каналы, возит каменья, расчищает поля, делает дороги, помогает хозяину в полевых работах, и если пользуется хорошею пищею, то не иначе, как с пожертвованием части получаемого им жалования. Вот, государь, положение действующего солдата; оно представлено в сущей справедливости, и если вашему величеству благоугодно будет спросить людей беспристрастных и незастращенных, то они, конечно, подтвердят все вышеизложенное.

Из всего вышеизложенного, всемилостивейший государь, усмотреть изволите, что при устроении поселений не достигнуто ни единой черты из благодетельных намерений в бозе почивающего императора Александра. Коренные жители, если не могли быть довольными переменою своего состояния, то могли сохранить свое имущество. Они разорены. Действующих баталионов солдаты несчастнее прежнего. Рабочие баталионы измучены, строение солдатское худо построено и не соответствует цели своего назначения; расходы на содержание полков значительно увеличены. Надежда на избавление губернии от рекрутской повинности сделалась пустою мечтою. Осталось одно неоспоримое — предстоящая опасность.

II [1]

Когда в первый раз прислали к нам солдат в деревню Васьево, в 13 верстах от Новгорода, и у каждого хозяина поставили по одному солдату, мы себе думаем, да и слухи-то идут, что и нас сделают солдатами. Солдаты пришли, а зачем? Мы не знаем. Они нам ничего не говорят, живут

[1]) Из „Исторического Вестника“ 1886 года.

себе несколько времени; должно быть, они и сами-то ничего не знали; так время и бредет.

Вдруг, однажды, в полночь десятский стучит под окном и кричит: « Божонку (селение в 22 верстах от Новгорода) на скоп». Наши мужички собрались и стали советоваться, думают с какой стати в Божонку на скоп? Это какая-нибудь новость пришла! Слухи-то идут, что сделают солдатами, да и солдатов-то нагнана целая деревня, так уж верно есть что-нибудь новенькое, небывалое, а иные говорят: да уж недаром ночью требуют, верно дня-то мало. Не пойдем, говорят, в Божонку на скоп, туда уже не добром зовут, а пойдемте лучше в монастырь, будем просить строителя, чтобы он нас на это время скрыл в монастыре, а там вперед, что бог даст, «*что миру, то и бабину сыну*». Пришли мы в монастырь...

А в деревню Эстьяны нагнали солдатов — ужасть сколько: везде дневальные, во всех переулках и заулках, около домов — везде все дежурные да караульные, так что тут никак нельзя скрыться.

Ну, и сдались. Всех их обрили, шинели на них понадевали и — готовы.

Вот и до нас слухи дошли, что они сдались бриться. И мы стали думать то же самое: сколько ни живи в монастыре, а все надо являться домой.

Когда я пришел домой, то у нас было семнадцать постояльцев. Вот мы и живем дома дня два или три, хорошенько не помню, нам ничего от солдатов нет худого. Вдруг через несколько дней к нам в деревню привезли два воза шинелей. Нас всех собрали в одну избу и стали раздавать каждому по шинели толстой, простого солдатского сукна, да по шинели тонкого серонемецкого сукна; это говорят, австрийский король отпустил на всю армию.

Надели на нас эти шинели; волосы у нас не стрижены, бороды не бриты: так-то некрасиво, как поглядишь со стороны, как чучелы какие! Так опять живем с неделю и не знаем, что нам будет.

Вдруг в самую полночь стучит десятский под окошком: «К шинелям крючки нашивать, завтра к начальнику на смотр!» Тут, брат, некогда зевать, принялись за работу; у иного еще крючков-то и в вестях нет, сейчас разыскал проволки кусок, загнул кой-какие крючки, и ладно. На другой день приехал какой-то начальник, осмотрел нас всех и говорит: ах! вот отлично, вот так молодчики! С тем и уехал.

Так это дело шло да брело, мы волосы-то носили от зимнего Николы до Троицы, а потом перед Троицей поместили нас на ротный двор. Ротный двор у нас был в Губареве; туда нас и согнали, добрых молодцов, да там нам и бороды, и волосы очистили, а потом нас отпустили.

Дождались мы своего праздника Покрова, и в самый-то Покров нас первый раз нарядили в караул. У нас праздник, гости стали уже скопляться, а мы идем в караул. Пришли туда, так ротный и говорит: сегодня поедет граф, так его надо встретить и честь ему отдать, а потом, когда граф проедет, я вас отпущу. Пришли мы в караульный дом, посидели маленько, ну, говорят, теперь пора заступать, скоро граф поедет. Так с полчаса постояли, и едет граф. У нас был один за ундера; как только граф до нас доехал, то остановился, сошел с коляски, подошел к нам и смотрит: а мы стоим, вытянувшись, мундиры новые, просто молодцами. Подошедши к нам, граф и говорит: «Что это, никак новенькие! Вот молодцы, видишь, как хорошо, ай да дружки, — спасибо! Ад'ютант, подай-ка сюда шкатулку». Ад'ютант — такой хватина, бравый офицер, чистый, белый, высокий. Сейчас притащил большую шкатулку. Граф отворил ее, а она полношенька накладена бумажками. Вот и дает он прежде ундеру красненькую — десять рублей; а потом каждому по синенькой — пять рублей — дал и говорит: «Вот я вам дарю, старайтесь заслужить еще больше, желаю вам заслужить чины и вечный хлеб. Да смотрите, этих денег сержантам не давайте, своим дядькам-то, а то они любят молодых-то посасывать. Ну, молодцы, я вас велю сейчас сменить и вы ступайте домой: у вас праздник: гуляйте, веселитесь!»—и уехал. Как только уехал, нас

и отпустили домой. Мы идем домой с бумажками в руках, а люди на нас глядят-дивуются. Эва, говорят, граф-то подарил по пяти рублей!

Как окончился наш праздник, нас погнали на ротный двор в Губарево, тут нам выдали это чортовы *краги* и полную муницу. Да как принялись за нас, как начали нас, добрых молодцов, гонять каждый день на ученье, да не один раз, а два, да потом еще иди в караул, так нам небо с овчинку показалось. Как оденемся в полную-то *муницу*, как стянут меня, так просто не пыхнуть (вздохнуть). Когда муницу надевать, уже не подумай чего-нибудь закусить, а после, когда оденемся, возьмешь—закусишь чего-нибудь, пока еще воротник не застегнут, — так вот было время! Одному самому себя и не подумай, чтобы затянуть. Мы трое друг дружку затягивали веревочкой или дратвиной на колено. *Муница* эта проклятая так сушила, что не дай бог! Бывало, как поставят в караул, то уж не подумай сесть, в ином месте и можно бы сидеть, так нет, — эти краги натянешь себе на колени, то ноги у тебя так вытянутся, что ни за что не согнешь, буде вот только прислонишься к стенке маленько вместо того, чтобы сидеть.

Пошли строгости да чистота в избах, пока еще не перешли в связи. Печку чтобы топили до свету, в избе чтобы было чисто, не было чего висячего, как в господской горнице. Печка чтобы была бела, как снег, а чуть что не понравится, то сейчас бабе трепка. Чтобы вечером, как теперь, зажечь лучину, — чистая беда, — как будто бы ночной тут и стоял, али дневальный, — сейчас к тебе в избу и, ничего тебе не говоря, хватит — да и на ротный двор; а уж туда стащит, так добра маленько; оттуда которая баба воротится, так закажет другу и недругу лучину жечь. Это все еще было по деревням, а потом, когда нас привезли в связи, тут еще тошнее стало, зимой снег так донимал, что любо. Утром вставай с полночи да все чисти, чтобы к утру был пол вымыт, печка выбелена и все в исправности. А как подходит время к смотру, то еще хуже донимают...

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ [1]

Муштровка войск, по словам одного официального историка этой эпохи, доводилась до поэтического восторга. Войска выводились на ученье задолго до назначенного часа. Измученные долгим ожиданием, изнемогая под тяжестью ранца и кивера, с колыхающимся от ветра почти аршинным султаном, затянутые «до удавления» туго застегнутым воротником и скрещенными на груди ремнями, солдаты с напряженным вниманием исполняли команды, требовавшие от них бодрости и быстрого исполнения.

— Смотри, веселей!.. Больше игры в носках!.. Прибавь чувства в икры!..—кричали начальники.

Ученья зимою были еще сносны, но с наступлением весны они производились с 9 часов утра до 2-х пополудни, при чем малейшая ошибка вызывала жестокую расправу.

Вот как изображает тогдашнюю солдатскую жизнь песня, сохранившаяся в рукописи и опубликованная в недавнее время:

Жизнь солдатская

Ах, прекрасная весна,
Ты приятна и красна,

[1] Из книги С. Я. Штрайха «Брожение в армии при Александре I», Петр. 1922.

Если вольным кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна!
Тут начнется в ней ученье
И тиранство и мученье.
О! солдатская спина,
Ты к несчастью рождена.
Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.
В караул пойдешь, так горе,
С караула, так и вдвое.
В карауле нам мученье,
А как сменишься—ученье.
В карауле жмут подтяжки,
На ученьи жди растяжки,
Стой прямее, не тянись,
За тычками не гонись.
Оплеухи и пинки
Принимай, как блинки.
Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
В тычках-пинках вся награда.
Кто солдата больше бьет,
И чины тот достает.
Тем старателен, хорош,
Хоть на чорта он похож.
А коль бить кто не умеет,
Тот ничто не разумеет.

Приведу еще одну солдатскую песню, текст которой сообщил в феврале 1821 года корпусный командир И. В. Сабанеев дежурному генералу главного штаба А. А. Закревскому:

Знать, судьба наша такая,
Что обижают нас до края,
Всегда мучают и бьют
И спокою не дают...

Хоть и сам того не смыслит,
А по зубам, небось, славно чистит...
Не от добра идешь, от напасти,
Но не здесь только пропасти...

Текст этой нескладной, но многокуплетной песни оставил с письмом на имя фельдфебеля солдат, решившийся бежать в соседнюю Румынию от тягостей военной службы. «Стихи глупы,—пишет Сабанеев, типичный служака аракчеевского времени, но человек прямой и правдивый,—но справедлива жалоба солдата».

Современники рассказывают в своих записках и воспоминаниях про многие случаи смерти солдат под ударами палок и розг. Многие офицеры, как передает граф Ланжерон, сам сторонник строгого обращения с солдатами и телесного наказания для них, находили в этих истязаниях особое удовольствие и велели наказывать солдат, виновных и невиновных, во время обеда или чаепития.

Солдаты сложили тогда еще сказку, изображающую гнет и ужас их жизни. Солдат в этой сказке продал свою душу чорту, чтобы последний выслужил за него срок; но скоро чорту от палок, розог и солдатской службы пришлось так жутко, что он бросил к ногам солдата амуницию и отказался от его души, чтобы только самому освободиться от службы.

В царских приказах отмечалось даже, что необходимая иногда ради дисциплины строгость во многих случаях «не только не вместна, но вредна для службы и для самых успехов в доведении обучаемых до надлежащего познания»,—ибо «через частые безрассудные наказания лишается солдат здоровья и крепости, нужных ему для понесения трудов военных», а «ежеминутное ожидание палочных ударов расстраивает внимание его»...

В связи с известной Семеновской историей 1820 года другие полки смотрели на то с ужасом и рассуждали между собою, что «если так поступают с любимцами, какая же участь их ожидает?» В словах о любимцах подразумевается известная любовь Александра I к семеновцам. Он был их командиром еще при своем отце, Павле I, убитом собственными приближенными за жестокое, чисто каторжное отно-

П. Г. Каховский

(С зарисовки участника процесса

шение ко всем подданным, главным образом, к военным. Интересно отметить, что главную роль в убийстве Павла I и возведении на престол Александра I сыграл Семеновский полк в лице его высших офицеров.

Сохранилась еще одна песня солдат, ярко характеризующая их товарищеское единодушие во время восстания 1820 года.

Ну, ребята, чур дружнее
За товарищей стоять.
С злым начальством жить тошнее,
От него чем погибать.
Полно, полно уж доселе
Нам на сих тварей смотреть,
Лучше быть солдатом в поле,
Чем их глупости терпеть.
Нам к терпенью ль приучаться,
Стужу, голод переносить?
Но с друзьми расставаться?
Ах, что ж делать, как же быть?

Не успело еще начальство опомниться от семеновских событий (о них в след. главе), как было повергнуто в ужас другим происшествием. В конце октября 1820 года на дворе Преображенских казарм была найдена прокламация следующего, очень интересного и для того времени поразительного содержания, ярко характеризующая быт солдат и их настроения.

«Божиим благословением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснение оных начальниками.

Господа воины Преображенского полка. Вы почитаетесь первый полк Российский, потому вся Российская Армия должна повиноваться вам.

Смотрите на горестное наше положение! Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от бессильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение.

Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтоб выдали в руки тирана своего начальника, для отомщения за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат; за одного подлого тирана заступились начальники и весь полк променяли на него. Вот полная награда за наше к ним послушание! *Истина: тиран тирана защищает!* У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего! Но за таковое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать! Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество и достоин ли сей человек, чтобы вручить ему силы свои, да и какая его послуга могла доказать, что он достоин звания царя? И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его!

Войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь. Царь же значит приставник или сторож всеобщего имущества и спокойствия; но вы, воины, почитаете его не только полным владетелем имущества, но и жизни нашей хозяином. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносная; но жалуйтесь себе и на себя, ибо от самих вас бедствие происходит. Беспечность и слабость к царю навлекла на вас великое несчастие; если и еще продолжите не радеть о своем благе, то сделаетесь виною своей погибели.

Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастным подать руку помощи. Нет христианской веры там, где друг другу помощи не творят. Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу. Бедные воины! Посмотрите глазами на Отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни ма-

лого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. *Чудная слепота народов!*

Для счастья целого отечества возвратите Семеновский полк, он разослан—вам неизвестно куда. Они, бедные, безвинно избиты, изнурены. Помилуйте, если бы вы были на их месте и вышедши из терпения, брося оружие, у кого бы стали искать помощи, как не у войска. Спасите от разбойников своего брата и отечество.

Не было примера, чтобы виновник сам себя винил. Дворяне указы печатают о делах и похвалою к себе и с затмением их варварских поступков. По ихнему называется возмутителем тот, который ищет спасения отечеству: ибо от сих показанных мною неоспоримых истин они все должны трепетать, чтобы их власть не учинилась безвластно.

Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врага умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая сокрыта от народа, и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями!..

Ищу помощи бедным, ищу искоренить пронырство тиранов и полагаюсь на ваше воинское правосудие и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество от неприятеля, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то без отменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг к другу. Вместо сих злодеев определить *законоуправителя,* который и должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть.

Взамен государя должны заступить место *законы,* которые отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать: служа рядовым солдатом десять лет и не быв на сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит двадцать лет и покрыт ранами, не попадает в чиновники. Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до ро-

ждения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоющего стоющим!..

Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам бог дал разум, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и Отечество, и не разумом тиранов управлять собою; но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя держать крепко».

В то же время была найдена другая любопытная прокламация, в которой говорится:

«Воины! Дворяне из Петербурга рассылают войска, дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния. Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее:

1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть.

2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих.

3) Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили также, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники по всем полкам будут сменены и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему отечеству не миновать ужасной революции!

Спешите последовать сему плану, а я к вам явлюсь по зачатии сих действий.

Во славу бога отдаю себя вашему покровительству.

Любитель отечества и сострадатель несчастных.

Единоземец».

Через некоторое время у одного унтер-офицера Преображенского полка найден был другой экземпляр большой прокламации, приведенной выше. Интересно, что когда Ва-

сильчиков об'езжал гвардейские полки и сообщал им решение царя расформировать Семеновский полк, то именно в Преображенском полку солдаты говорили ему, что надеются, «что государь помилует семеновцев и что три тысячи человек не будут наказаны из-за одного тирана». В поисках авторов прокламаций военная власть останавливала свое внимание и на офицерах-семеновцах, но усилия ее в этом направлении были безуспешны.

Яркую характеристику начальника-аракчеевца дал Н. А. Некрасов, в стихотворении «Дедушка», вложив ее в уста деда-декабриста, рассказывающего, по возвращении в Россию после Крымской войны, как тяжело было воину в обстановке кнута и палки в описываемую нами эпоху:

Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!
А недоволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк...

ВОССТАНИЕ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА[1]

Исследуя ход и значение реформ Петра Великого, В. О. Ключевский рисует яркую картину роста и развития дворянского сословия, захвата им власти и постепенного превращения его в класс, завоевавший Россию под предлогом обороны народа от врагов—все равно, внешних или внутренних. Захват власти этому классу удалось осуществить благодаря тому, что он являлся почти единственным поставщиком чиновников и офицеров, т.-е. управляющего аппарата. Благодаря офицерам дворянство могло распоряжаться армией, которая под сильной рукой была слепым орудием власти, а под слабой превращалась в орду преторианцев, янычар.

И, действительно, при Петре Великом вся армия служила его завоевательным, общегосударственным целям, а при слабых преемниках его стала орудием многочисленных дворцовых переворотов. Дворянство, преимущественно в лице офицерства, свергало с трона полубезумных царей и сажало на престол вполне развратных цариц. Однако, самое это правящее дворянство продолжало политику Петра Великого и пользовалось властью для расширения и укрепления внешнего могущества страны.

[1] Из книги С. Я. Штрайха „Брожение в армии при Александре I". Петр. 1922.

Мало заботясь о внутренней мощи государства, проявляющейся в просвещении народа и распространении материальной культуры, правящее дворянство не сумело, вопреки жестоким преследованиям, заглушить слабые ростки освободительных идей в среднем слое своего же класса, поставлявшем служилое чиновничество и офицерство. На этом-то слое и образовалась, через сто лет после смерти Петра, обширная, но очень тонкая пленка людей, задумавших произвести в России государственный переворот в демократическом духе. Эта группа людей выделила т. н. декабристов, от которых собственно и пошло освободительное движение в рядах русской армии. Получившие название от восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге, декабристы начали свою деятельность задолго до этого события, об'единившись еще в 1816 году в несколько тайных обществ. Самым же крупным проявлением роста освободительных идей в России до событий 1825 года было восстание Семеновского гвардейского полка в октябре 1820 года.

Не только по времени, но также идейно и, что особенно важно для исследователя, по составу действующих лиц,— восстание Семеновского гвардейского полка в 1820 году является, так сказать, прелюдией, вступлением к декабрьскому восстанию 1825 года. Вот почему представляется особенно интересным проследить ход и развитие восстания 1820 года, выяснить связь и взаимоотношения, а также способ действия двух главных групп участников семеновской истории —солдат и офицеров. Только после этого можно понять, почему передовые представители русского офицерства решились в 1825 году выступить с таким смелым и обширным планом государственного переворота в стране, где до того не было ни одной подобной попытки и где хотя очень часто свергали императоров, но не умели добиться улучшения порядка управления.

Но только самая незначительная часть командующего класса исповедывала освободительные идеи. Если в первую половину царствования Александра Павловича, заявлявшего о своем желании дать России конституцию и возбудить в русских дух оппозиции, многие представители командующего класса хоть на словах прикидывались сторонниками

права и справедливости,—то после Отечественной войны, когда Александр совсем перешел на сторону реакции, а проводником его политики, его государственных идеалов сделался Аракчеев,—русские крепостники совсем разнуздались. И на солдатской спине больно отозвался этот поворот в настроении правящих кругов. Даже в лучшем расположении духа, в минуты веселости, самые младшие из офицеров обращались со своими подчиненными хуже, чем плохой хозяин обращается с негоднейшей из своих собак.

Вот характерный в этом отношении рассказ знаменитого актера М. С. Щепкина, который сам происходил из крепостных. Однажды, находился он в обществе нескольких офицеров: один из них предлагал другому пари на 500 руб. в том, что солдат его роты выдержит тысячу палок и не упадет.

— Это меня чрезвычайно поразило,—рассказывает М. С. Щепкин,—тем более, что мы знали хозяина, как благородного человека...

Послали за солдатом.

— Степанов,—сказал ему офицер,—синенькую и штоф водки,—выдержишь тысячу палок?

— Рады стараться, ваше благородие,—отвечал солдат.

Щепкин обезумел.

— Как же ты, братец, на это согласился?—спросил он у солдата.

— Все равно даром дадут,—отвечал тот.

Щепкин сообщил о готовящейся варварской потехе полковому командиру, у которого сидели гости. Сообщение это было встречено хохотом, и гости с улыбкой повторяли по адресу затеявших пари: «ах, какие милые шалуны», «вот каков русский солдат»...

Такова была жизнь гвардейских солдат, среди начальства которых были братья царя. Из последних великие князья Николай и Михаил — едва оперившиеся юнцы, получившие исключительно казарменное образование, проникнутые только мыслью о муштровке и парадах,—были начальниками бригад гвардейской дивизии. Их обоих ненавидели офицеры, а особенно солдаты.

Семеновский полк был ненавистен младшему сыну Павла I за то, что в этом полку установились несвойственные аракчеевщине нравы. «1812, 1813 и 1814 годы нас познакомили и сблизили с нашими солдатами,—пишет современник.—Все мы были проникнуты долгом службы. Добропорядочность солдат зависела от порядочности поведения офицеров и соответствовала им. Каждый из нас чувствовал собственное достоинство, поэтому умел уважать его в других». Семеновский полк был единственный, по словам одного из его офицеров, между всеми гвардейскими полками, выведший телесные наказания из обихода солдатской жизни.

«Большая часть ротных командиров,—говорит другой семеновский офицер того времени,—проводила почти все время в казармах. Они занимались сами даже одиночной выправкой солдат, чтобы не подвергнуть вновь поступивших грубому обхождению ефрейторов и унтер-офицеров».

Близко наблюдавший тогда жизнь гвардейских солдат, в качестве директора полковых школ грамоты, журналист и писатель Н. И. Греч в своих записках передает следующее: «Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа; они чувствовали и видели свое превосходство перед иностранными войсками, видели, что те войска при меньшем образовании (имеется в виду, конечно, специально военное обучение), пользуются большими льготами, большим уважением, имеют голос в обществе. Это не могло не возбудить вначале просто их соревнования и желания стать наравне с побежденными. Я был свидетелем обеда, данного в 1816 г. гвардейским фельдфебелем и унтер-офицерам одним обществом (масонскою ложею). Люди эти вели себя честно, благородно, с чувством собственного достинства. Некоторые вклеивали в свою речь французские фразы».

О настроении офицеров и говорить нечего. Когда, по возвращении гвардии из заграничного похода какие-то прислужники Аракчеева устроили подписку, связанную с чествованием всесильного временщика,—офицеры Семеновского полка, без уговора, но единодушно, отказались от участия в этой подписке. И. Д. Якушкин тогда же заметил товарищам, что это им даром не пройдет.

Дружба и единодушие между офицерами и солдатами в Семеновском полку были настолько прочны, что начальству не удавалось уловить крамольный дух. Так, позднее, когда назначенный подтянуть Семеновский полк Ф. Е. Шварц пытался захватить нарушителей субординации врасплох, ему это не удавалось, потому что, как удостоверяет один офицер полка, автор интересных воспоминаний, «офицеры и солдаты жили очень тесно между собою и никогда не выдавали друг друга».

Не так, как Муравьевы-Апостолы и Якушкин с товарищами, думал командир бригады, и когда его попытки уловить Семеновский полк в неисправности по службе не удались, к офицерам и солдатам стали, по удостоверению современника, «придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой и неправдой, если не беспорядка, то каких-нибудь ошибок».

Вигель оставил характеристику семеновских офицеров, при чем, вопреки его личным политическим воззрениям, его злопыхательство против либералов превратилось, в данном случае, в славословие. «В этом отборном полку,—пишет Вигель,—примечательны были два брата Муравьевы». Рассказав далее о блестящем образовании, полученном братьями М. И. и С. И. Муравьевыми-Апостолами за границей, Вигель говорит, что они «оба были идолами полку своего... Равно, как и другие семеновские офицеры, охотно посещали хорошее общество, где были отлично приняты. Понятия, которые имели в большом свете о любезности молодых людей, в последнее время несколько изменились... Требовалось более ума, знаний; маленькое ораторство начинало заступать место комплиментов. Исполняя часть сих условий, семеновские офицеры продолжали быть развязны, ловки, учтивы и не совсем чуждались танцев».

Понятно, что все это, по свидетельству того же Вигеля, было «не по вкусу» нового бригадного начальника семеновцев. «Ничего ни письменного, ни печатного,—говорит Вигель про Михаила Павловича,—он с малолетства не любил. Но при достаточном уме, с живым воображением, любил он играть в слова и в солдатики. От гражданской службы имел совершенное отвращение, пренебрегал ею и полагал, что военный

порядок достаточен для государственного управления. Самое высокое понятие имел он о военной иерархии... и он дивился, как сами министры с гражданским чином не вытягивались перед последним генералом». Один военный писатель говорит, что Михаил Павлович «одним своим видом наводил страх на всех», а командир гвардейского корпуса, ген. И. В. Васильчиков, самому Александру I писал, что «по несчастью великого князя не любят». То же самое писал генерал А. А. Закревский после Семеновской истории князю П. М. Волконскому для передачи царю.

Но при всей своей молодости и неопытности, Михаил Павлович понимал, что сразу нельзя браться за ломку полка: Семеновский полк был любимым полком царя, который знал в лицо всех солдат и офицеров его, а также их отличное отношение к служебным обязанностям. Великий князь взялся за дело исподволь. Видя, по рассказу Вигеля, какое действие произвели на Александра европейские события (революционное движение на Западе), он «воспользовался тем, чтобы представить ему, сколь вреден всем известный образ мыслей будто бы целого полка, что доказывается будто бы пренебрежением его к фронту. Для исправления его предложил он встреченного им во время путешествия по России чудесного фронтовика, который, беспрестанно содержа семеновцев в труде и поте, выбьет из них дурь». «К сожалению, говорит Вигель, государь согласился» и в светлый праздник 1820 года назначил полковника Ф. Е. Шварца командиром Семеновского полка.

Шварц оправдал выбор высшего начальства и сразу принялся за выколачивание дури из голов семеновцев. Он «принялся за наш полк по своему соображению,—рассказывает М. И. Муравьев-Апостол.—Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но, недовольный учением, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их, для своего развлечения, у себя в зале, разнообразя истязания: им приказывали стоять неподвижно по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр.

Кроме физических страданий и изнурения, он разорял их, не отпуская на работы. Между тем, беспрерывная чистка стоила солдатам денег, это отозвалось на их пище, и все в совокупности породило болезни и смертность. К довершению всего Шварц стал переводить красивых солдат, без всяких других заслуг, в гренадерские роты, а заслуженных старых гренадер, без всякой вины, перемещать в другие и тем лишал их не только денег, но и заслуженных почестей»...

Генерал М. И. Богданович пишет, что «полковник Шварц соединял в себе грубое невежество с необыкновенною вспыльчивостью и крутым характером. Он ничего не знал, кроме фронта, за то перед фронтом являлся в виде фанатика. На ученьях он выходил из себя, бранился, ревел диким голосом, бросал шляпу о земь, топтал ее ногами; нередко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видеть, хорошо ли на марше солдаты вытягивают носки—игру носков».

Но великий князь Михаил Павлович, по свидетельству М. И. Муравьева-Апостола, «был чрезвычайно доволен Шварцем, поощрял его ежедневными посещениями, дарил лошадей, карету, и пр.». Среди солдат все это порождало негодование. Возмущались, конечно, и офицеры, которые решили, было, отправиться к Шварцу и потребовать у него об'яснения. Но высшее начальство было во время извещено о готовящемся скандале и поспешило предупредить его.

Возмущение прорвалось 16 октября 1820 года. В этот день, согласно подлинным словам военно-судного дела, «во время ученья, когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближающегося полковника, скомандовал: «смирно!». При этом один из рядовых (Бойченко) стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц, подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял его за руку и, проводя по фронту первой шеренги, приказывал рядовым на него, Бойченку, плевать. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесаками».

Сначала семеновцы надеялись на улучшение своего положения с ожидавшимся возвращением из-за границы царя, но еще за неделю до 16 октября, узнав, что приезд государя

отложен,—солдаты решили жаловаться начальству и уговаривались поддержать ту роту, которая первой заявит о необходимости облегчить им тяготы службы. Возвращаясь 16 октября с ученья в казармы, первая рота первого батальона, так наз. рота его величества, решилась, наконец, заявить жалобу, для чего предполагалось воспользоваться вечерней перекличкой. Фельдфебель отменил перекличку, надеясь этим предотвратить нарушение дисциплины, но солдаты в конце 9-го часа вечера вышли в коридор и послали за своим ротным командиром, капитаном Н. И. Кашкаровым. Волнение разрослось.

Полк. Шварц, однако, к месту происшествия не явился, а когда ему доложили о событиях, командир полка сказал, что известит обо всем высшее начальство.

Уговоры солдат полковником Вадковским не помогли, и он получил приказание привести роту в штаб корпуса, где ее хотел допросить ген. Васильчиков. Когда семеновцы, безоружные, прибыли в гвардейский манеж, там находились уже в полном снаряжении две роты Павловского полка, под конвоем которых Васильчиков велел отвести роту его величества в Петропавловскую крепость, высказав мятежным солдатам порицание за их поведение. Плац-майор крепости Подушкин приказал отрядить к заключенным конвой, но семеновцы говорили, что они «готовы итти, куда прикажут, без всякого сопротивления» и что они будут повиноваться даже, если к ним приставят одного только инвалида.

Вечером 17 октября события развивались дальше. Пока начальство принимало свои меры, солдаты двух возмутившихся рот соединились и бросились в помещение третьей роты, выломали там ворота, оттолкнули часовых и подняли на ноги всех солдат. По прибытии в третью роту батальонного командира, полковника Вадковского, все солдаты заявили ему, что они не могут быть спокойны без государевой роты, что к караулу они будут своевременно готовы, но не иначе, как с головой, т.-е. с ротой его величества, так как без нее им «не к чему пристраиваться». Солдаты выражали удивление по поводу отсутствия их полкового командира и Вадковский отправился за ним. Но Шварц, узнав о волнении в батальоне, скрылся из дому и, как оказалось после, всю

ночь пробродил вокруг места расположения полка, не решаясь показаться разгневанным солдатам.

По уходе Вадковского, в третью роту прибыл ее командир, капитан С. И. Муравьев-Апостол, тогда уже член тайного общества, а впоследствии главный устроитель восстания на юге, казненный 13 июля 1826 г. По данным следствия, Муравьев-Апостол успокаивал роту, просил не буйствовать, напоминая солдатам о грозящем им наказании и ссылаясь на то, что за 4-летнее командование ротой он мог заслужить любовь и доверие солдат. Солдаты 3-й роты смущенно молчали, но люди из других рот кричали: «не расходись, третья рота! да что за третья рота, здесь нет третьей роты, здесь весь батальон! государева рота погибает, а третья рота пойдет спать и отстанет от своих братьев! мы не разбойничать хотим, а хотим все вместе просить по начальству!». Все толпой бросились в помещение других рот, чтобы и их увлечь за собою, но Муравьев-Апостол уговорил их успокоиться, и солдаты остались в помещении его роты, обсуждая в группах положение вещей.

Вскоре возвратились в казармы солдаты другой роты, державшие караул в городе. Собравшиеся в помещении третьей роты солдаты первого батальона, не узнав в темноте товарищей-однополчан, подумали, что те пришли арестовывать их. Все с шумом бросились на полковой двор, крича: «караул идет, и заберут нас здесь; ежели хотят хватать, пусть вместе хватают, один конец». Полк. Вадковский снова отправился к Бенкендорфу, который отослал его к корпусному командиру. На вопрос ген. Васильчикова, что делать, Вадковский посоветовал освободить первую роту, что сразу успокоит всех солдат. Но Васильчиков, посоветовавшись с Бенкендорфом, решил арестованных из крепости не выпускать.

Волнение в полку развивалось, как передает декабрист К. Ф. Рылеев, в следующем виде: «В одно время все роты на ногах... Весь полк нестройными, но единодушными толпами вбегает на площадь и собирается перед госпиталем. Тут удивленные и обрадованные неизвестною дотоле им свободою, они предаются вполне своему восхищению: друг друга поздравляют, целуют!

14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

С рисунка худ. Н. Кольмана

Но возбуждение продолжалось недолго. Вскоре вспомнили они цель своего сборища и стали заниматься способами освободить своих товарищей или, в противном случае, разделить их участь, наказать Шварца и не показаться бунтовщиками. Они сначала решились не итти в назначенный на завтрашний день караул, ежели не отдадут им государевой роты, под тем предлогом, что им пристроиться не к чему—головы нет! К тому же они почитали государя обиженным, которого роту без него посадили в крепость!

Сею дипломатическою хитростью, вероятно, надеялись они заслужить милость царя. По сей причине не взяли они оружия, которое в сем случае им лучше послужило бы, нежели одни слова с правдою. Легко, впрочем, быть может, что они были в душе уверены, что царь не обвинит их, потому, что они правы; они же государя, который лично давно ими командовал, любили, думая, что его обманывают, и не единого оскорбительного слова против его лица во все время волнения сказано не было.

Потом прехладнокровно отрядили 130 человек убить Шварца, но его не нашли. Он, как будто желая оправдать всеобщее к себе презрение, спрятался в навоз. В доме ничего не тронули, кроме семеновского мундира, от которого оторвали воротник, говоря, что Шварц недостоин носить его. Мальчик, у него воспитанный, которого почитали его сыном, попался им; они бросили его в воду, но один унтер-офицер его вытащил, говоря, что он невинен:—вырастет, да в отца будет, тогда еще успеем сладить!

Никакого буйства и излишества не было, хотя некоторые и были пьяны. Хотели было освободить арестантов, но Преображенского полка офицер, который стоял в карауле, попросил их отойти и они не покушались более!»

Уговаривали волновавшихся семеновцев все генералы вместе и каждый в отдельности—безуспешно. «Они всякому, —пишет Рылеев,—отвечали с почтением и покорностью, но пребыли тверды в своем намерении. Потемкину сказали:— «ваше превосходительство, не просите; мы вас любим, и нам больно будет не послушаться, но делать нечего: товарищи погибают!» Вел. князь (Михаил Павлович) ничего от

них добиться не мог—молчали! Генерал Закревский сказал, что ему стыдно смотреть на них.

— А нам,—отвечал вперед выступивший старый гренадер, на котором было 15 ран,—ни на кого смотреть не стыдно».

Выйдя на улицу, солдаты «стали толпой перед казармами,—пишет очевидец-офицер Семеновского полка.—Против них привезена была артиллерия и приведены войска. Лейб-егеря пришли первые и дали знать семеновцам, что они в них стрелять не будут. Когда пушки подвезены были ближе, то семеновские солдаты пригласили офицеров, не хотевших оставить их, несмотря на их просьбы, стать посреди их толпы, чтобы своею грудью защитить их от выстрелов».

«В городе волнение и тревога не переставали,—пишет Рылеев.—Полки ходили беспрестанно; пушки везли, снаряды готовили, ад'ютанты скакали, народ толпился; в домах было недоумение, не знали, что придумать и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, как страх мнимой опасности не произвел настоящей». «Против сих фуражных и шинельных бунтовщиков вооружили весь петербургский гарнизон,—читаем в письме кн. В. Мещерского к начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву.—На двенадцати передках забрали боевых патронов с картечами из лаборатории на 30 пушек. Кавалергардов и конную гвардию посадили на коня. Орлов (Алексей Федорович, впоследствии граф и шеф жандармов) говорил речь: как за бога, царя, военную дисциплину и Шварца надо стрелять и рубить хорошенько Семеновских солдат... Послано за драгунами в Петергоф»... «Народ все их проказы видел ясно» — добавляет Мещерский по адресу начальства, желавшего придать всему этому походу против безоружных семеновцев вид, будто происходит учение стягиваемых войск.

Еще до рассвета прибыл на Семеновский плац генерал Васильчиков и заявил собравшимся там солдатам, что он предал государеву роту суду и без разрешения царя не выпустит ее из крепости. А так как и все остальные солдаты проявили непослушание, то корпусный командир приказал всем им итти под арест.

— Где голова, там и ноги,—послышалось в рядах солдат, и они покорно, не заходя даже в казармы, отправились в крепость. Придя туда, они сказали своим товарищам: «вы вчера за нас заступились, а мы нынче—за вас!»

А. И. Тургенев жил тогда на набережной Фонтанки и видел это шествие. Вот как описывал он (20 октября 1820 г.) кн. П. А. Вяземскому то, что наблюдал: «В понедельник поутру весь Семеновский полк, исключая двух или трехсот солдат, оставшихся в казармах, посажен в крепость. Они шли спокойно и без оружия в одних шинелях мимо нашего дома. Ночью первая рота посажена уже была под арест. Они требовали, чтобы освободили их от Шварца...

В военном совете положили отправить их в Свеаборгскую и Кексгольмскую крепости, а первый батальон оставить здесь. Вчера, в виду публики, они спокойно, без караула, с своими офицерами сели на паровые суда и отправились из Петропавловской крепости в Кронштадт. Первый батальон остался в крепости... Они обещали без караула смирно сидеть в казематах и сдержали слово. Несмотря на то, что не было места даже сидеть, и что одни стояли, другие сидели, попеременно, они не выходили за дверь, говоря: «мы дали слово не выходить». Даже кантонисты полка прибежали в крепость. Все шли с покорностью».

Через несколько дней (28 октября) А. И. Тургенев снова писал П. А. Вяземскому: «Семеновцы все еще в крепости и крепки мужеством и своею правдою и страданием. Товарищи их в других крепостях. Всеобщее участие в их пользу. Один голос за них: от либералов до ультра глупцов».

Не только образованное общество сочувствовало положению семеновцев. И другие слои петербургского населения были на их стороне. 22 ноября должна была выступить из Петербурга отправлявшаяся в Полтавскую губернию команда из 120 семеновцев, находившихся в дни волнений в госпиталях и командировках, следовательно к событиям 17—18 октября не причастных, но высылавшихся из столицы в наказание за принадлежность к мятежному полку. Пока команда собиралась, к ее начальнику Михайлову подошел человек, по виду купец, и, подавая ему 100 рублей, просил истратить их на угощение солдат в походе. На вопрос офицера, нет ли

у него родственников среди семеновцев, купец отвечал, что нет, но что он привык уважать семеновцев, как добрых и порядочных людей, и всех их считает своими.

Сочувственное отношение петербуржцев к восставшим семеновцам выразилось еще в том, что они относились к вновь сформированному по приказу царя полку с презрением и враждебностью.

Движение грозило принять обширные размеры. Были обнаружены признаки готовности солдат других полков встать на защиту семеновцев. Твердость солдат—семеновцев обусловливалась нравственной поддержкой, которую им оказывали их руководители-офицеры.

19 октября Васильчиков приказал отправить два других батальона в финляндские крепости Свеаборг и Кексгольм, оставив в петербургской крепости около 750 человек первого батальона.

Боялись открытого выступления мятежных солдат, но не стыдились мстить им исподтишка. Месть началась с момента отправления семеновцев из Петербурга.

После целого ряда невольных остановок в пути и других приключений семеновцы были доставлены к месту назначения. В числе приключений была история в Пскове, где вследствие грубой придирчивости к семеновцам местного начальства едва не возник бунт. При этом несколько высланных из столицы солдат были «нещадно наказаны» розгами, якобы за буйство и обиды жителям города, хотя губернатор доносил в Петербург, что семеновцы «обывателям стеснения не делали». Выяснилось еще, что солдат в пути морили голодом и что бывшие их офицеры устроили складчину для облегчения участи высланных.

В финляндских крепостях сосланным солдатам жилось не лучше, чем в петербургской. Фельдфебель Александров, в дошедшем до нас письме к жене из Кексгольма, выражая надежду на справедливость к ним царя, их шефа, сообщает: «а что касается до нашего житья, то нам очень худо... в казармах, как совершенно в аде...»

Такова была расправа со вторым и третьим батальонами, впредь до решения дальнейшей участи всего полка, а над первым батальоном был наряжен военный суд.

Пока наряжался суд, Васильчиков посылал царю донесения о событиях (одно из них послано было с известным другом Пушкина П. Я. Чаадаевым), рисуя Александру поведение офицеров и солдат в мрачных красках. 2 ноября 1820 г. царь в Австрии, подписал указ, коим решалась судьба Семеновского полка. Он велел распределить всю массу солдат-семеновцев и офицеров по разным армейским полкам и образовать новый Семеновский полк из состава других полков. Тех же, которые непосредственно участвовали в восстании, велено было предать суду.

Приказав также предать суду Шварца за неумение удержать полк в должном повиновении, царь одновременно писал Аракчееву, что никто на свете не убедит его, «чтобы сие происшествие было вымышлено солдатами, или происходило единственно от жестокого обращения с оными полк. Шварца. Он был всегда известен за хорошего и исправного офицера и командовал с честью полком, отчего же вдруг сделаться ему варваром?» В то же время прибывшему к нему с докладом Васильчикова Чаадаеву царь говорил: «надо признаться, что семеновцы, даже совершая преступление, вели себя отлично хорошо».

И хотя царь писал Аракчееву, что «если бы с первою гренадерскою ротою поступлено было приличнее при самом начале, ничего другого важного не было бы», он раскассировал свой «любимый» полк, раскассировал даже вопреки советам Васильчикова, который указывал, что это «произведет слишком много шуму и представит дело более серьезным, нежели оно есть».

При этом царю хотелось скрыть от Европы всю историю. Он как бы стыдился восстания гвардии и ареста целого полка.

Разослав мятежных офицеров-семеновцев в разные армейские полки, царь предписал соответственным начальствующим лицам иметь за ними неослабный надзор как для предотвращения их тлетворного влияния на других офицеров и солдат, так и для выпытывания подробностей восстания, особенно причин его.

Аракчееву Волконский писал, что «необходимо нужно дойти до источника сего возмущения», ибо он уверен, что

«оное произошло не от нижних чинов». В письме к генералу Дибичу он также высказывал уверенность в том, что «подстрекателями смуты» были офицеры, которых можно найти, если расположить солдат к болтливости.

Через полгода после этого, в мае 1821 года, Сакен еще предписывал своим генералам доставить ему для сообщения царю сведения: «каково ныне ведут себя как офицеры, так и нижние чины, поступившие из Семеновского полка в армию».

Царь и его заграничные приближенные не ошибались в своих предположениях, что в семеновской истории без влияния офицеров дело не обошлось. П. А. Клейнмихель уже через 4 дня после первого волнения в полку писал из Петербурга Аракчееву, что он «в душе своей уверен, что заговор сей происходит не от солдат; к сему делу есть наставники, и хотя пишут, что офицеры в оном не участвуют, но верить сему мудрено». Кстати, об Аракчееве. Этот жестокий усмиритель всяких возмущений во время Семеновской истории проявил какую-то, поразившую тогда всех, странную сдержанность. Он отсиживался в своем Грузине и выжидал там конца волнения, повидимому, не смущаясь тем, что оно грозило охватить и другие полки.

Генерал Закревский высказывал в письме к царю сомнение в том, чтобы солдаты сами решились на возмущение, «если бы не были кем-нибудь особенно к тому подучены и даже руководимы. Зачинщики и руководители, вероятно, окажутся не из нижних чинов сего полка... Офицера доказали свою неспособность командовать и даже не заслуживают звания, ими носимого. По одной разве молодости и неопытности извинительно иметь к ним некоторое снисхождение. По тем же причинам могли они быть завлечены к неуважению начальства нынешними событиями в Европе, событиями произведенными вольнодумством и т. н. либеральными идеями».

Закревский признает, что «сия зараза гнездится между офицерами и других полков... командиры прочих гвардейских полков... оказали свою неспособность... каждый почти не был уверен в своих подчиненных и страшился, чтобы у него того же не произошло».

Из всего известного про отношение офицеров-семеновцев к событиям в полку в октябрьские дни 1820 г., ясно, что солдаты считали их во всяком случае своими друзьями. Некоторые из этих офицеров изыскивали способы для тайных сношений с арестованными солдатами и, повидимому, нашли возможность условиться с последними относительно их показаний при допросах.

Офицеры-семеновцы, многие из которых впоследствии приняли видное участие в декабрьском восстании 1825 г., —почти все были в 1820 г. настроены оппозиционно и, несомненно, влияли в этом смысле на солдат. Правда, они не стремились использовать восстание 17 октября в революционных целях и даже старались успокоить волнующихся солдат, не дать бунту разрастись, хотя это могло бы произойти, если бы офицеры проявили только безучастность к движению, а не старались бы сдержать его в рамках протеста. Флигель-ад'ютант Бутурлин полагал даже, и высказывал это в письме к царю, что стоило кому-нибудь из гвардейских офицеров стать во главе солдат и побудить их взяться за оружие, и «все пошло бы к чорту!»

Это мнение разделялось и передовыми кругами общества. Н. И. Тургенев говорил в те дни члену тайного общества, будущему видному участнику восстания 14 декабря И. И. Пущину, служившему тогда в гвардейской артиллерии: «что же вы не в рядах восстания Семеновского полка? вам бы там надлежало быть». А член тайного общества, ад'ютант петербургского генерал-губернатора Ф. Н. Глинка говорил в день восстания члену тайного общества Перетцу: «у нас начинается революция». И многие гвардейские офицеры, члены тайных обществ, потом высказывали сожаление, что упустили случай с Семеновским восстанием и полагали, что «впредь не должно повторить ошибок».

Рылеев писал в 1822 году, что «офицеры не только не старались остановить солдат, но еще внутренне радовались сему движению. Хотя из осторожности никто из них не принимал деятельного участия, но чувство каждого, вырываясь невольно, более и более воспламеняло угнетенных страдальцев. Все кипели и волновались». Конечно, не могли остаться без влияния на развитие протестующего настроения

среди солдат частые собрания у Муравьевых-Апостолов и других офицеров-семеновцев, главных деятелей тайных обществ. Через денщиков могли узнавать о происходившем на этих собраниях и другие солдаты полка.

В самый разгар событий, 18—19 октября 1820 года, полковник Семеновского полка Д. П. Ермолаев, сообщая находившемуся в отпуску однополчанину своему, капитану князю И. Д. Щербатову, о волнениях 17 октября, не побоялся писать ему в сочувственном для солдат тоне и за это пострадал. На деле их сочувствие восставшим солдатам было выражено яснее и тоже не ускользнуло от бдительности властей. Пользовавшийся, по отзывам современников, особенным доверием солдат, полковник Ермолаев, при отправлении семеновцев в крепость, проявил лихорадочную деятельность и несколько раз успел за это время с'ездить в казармы, чтобы передать арестованным вещи и деньги от их семей. Он же посылал своего кучера на Охтенский пороховой завод, чтобы завязать сношения с арестованными там солдатами, и пытался лично видеться с ними.

Точно также действовал и другой видный офицер Семеновского полка С. И. Муравьев-Апостол. Он послал каптенармуса своей роты Бобровского (человека грамотного) в Петропавловскую крепость, чтобы завязать сношения с находившимися там в заключении семеновцами. Для этого он переодел Бобровского в мундир другой воинской части, и Бобровский беседовал в крепости со своими бывшими сослуживцами. Они говорили посланному Муравьева, что никуда не пойдут из крепости добровольно без знамени и без своего шефа (государя), при чем старики добавляли, что они уже вообще выслужили срок и считают себя свободными от воинской повинности.

Бобровский неосторожно проговорился о посещении крепости одному случайному знакомому, который оказался доносчиком. Возникло дело.

Был привлечен к нему и Муравьев-Апостол, который подтвердил ссылку Бобровского на посещение последним заключенных товарищей исключительно в целях проверки провианта. О происшедшем сообщено было царю, который приказал посадить Муравьева-Апостола под арест на трое суток

за то, что он «осмелился» послать Бобровского в крепость «утайкою», тогда как мог сделать это открыто с позволения начальства. Бобровский был отослан в одну из крепостных частей, а начальству Петропавловской крепости строго приказано было следить, чтобы к заключенным не проникли люди с воли и не вели с ними «посторонних разговоров».

Полковнику Ермолаеву, за сношения с восставшими солдатами, пришлось пострадать более серьезно. Дело о нем было соединено с делами полк. Вадковского, кап. Кашкарова и кап. князя И. Д. Щербатова. У Ермолаева были найдены письма Щербатова, который, например, 30 октября 1820 г. писал: «ты не поверишь, как жалко было мне узнать, что офицеры не остались при солдатах (ибо я полагал, что их заперли в казематах), теперь же, так как они, так сказать, живут в крепости, то я вижу, что нашему брату нужно было не отставать в благородной решимости от сих необыкновенно расположенных, хотя некоторым образом преступных людей». Очевидно кн. Щербатов желал этим сказать, что и офицеры Семеновского полка должны были принять участие в протесте солдат. В этом, конечно, и об'яснение стремления Щербатова в Петербург.

Военно-судная комиссия, под председательством А. Ф. Орлова, признала кн. И. Д. Щербатова виновным в одобрительном отзыве о преступном поведении семеновских солдат и в том, что позволял в своем присутствии нижним чинам забавляться неприличными шутками насчет полк. Шварца. Присудили «наказать его на теле», по лишении чинов, дворянства и княжеского достоинства. Любопытно, что офицеры-семеновцы в письмах к Щербатову высказывали уверенность в том, что, если бы он был в середине октября в Петербурге, то своим влиянием предупредил бы волнения солдат и последовавшее затем несчастие всего полка.

Полковник Ермолаев, у которого нашли несколько писем от солдат-семеновцев, переведенных в армию, был признан комиссией Орлова виновным в том, что «по выходе в отставку изготовил вчерне оскорбительное письмо» полк. Шварцу; что на ученьях смеялся над полковым командиром гри солдатах, и в публике говорил о нем много дурного; что в письмах к бывшим семеновским солдатам выражал мнение

о виновности их только в выходе 17 октября на площадь, а не на ротный двор; что добивался свидания с арестованными солдатами. Вследствие всего этого полковник Ермолаев был приговорен к смертной казни.

Капитан Кашкаров был признан виновным в том, что, имея «полное право не только употребить сейчас, в случае упрямства и возмущения, всякое наказание и даже умертвить на месте, позволил себе слушать жалобу, скопом принесенную на полкового командира, а при взыскании за неисправности с рядовых об'яснял, что делает это потому, что строго взыскивает полковой командир, как будто не правила службы обязывали его к тому», а также в сокрытии от начальства имен зачинщиков волнения. За это Кашкаров приговорен к «лишению чести, имения и живота».

К смертной казни был приговорен и полковник Вадковский, признанный виновным, между прочим, в том, что после ареста первой роты обещал другим собравшимся ротам ходатайствовать о прощении виновных и дал остальным возможность производить беспорядки,—а также в беспокойном поведении, выразившемся в дерзких об'яснениях на суде и в указании, что сообщения ген. Васильчикова о событиях 17—20 октября не согласны с строгой справедливостью. Делом Вадковского государь интересовался, повидимому, в связи с поступившими к нему донесениями о тайных обществах, еще в 1823 году, в Варшаве, по пути с одного из европейских конгрессов, но на судьбе Вадковского это не отразилось.

Так щедро посуленные четырем офицерам-семеновцам казни не были совершены, но Вадковский, Ермолаев, Кашкаров и Щербатов томились в заключении в Витебске до 1826 года, когда Николай I приказал Щербатова и Ермолаева разжаловать в рядовые и послать на Кавказ, а остальных отправить туда же без лишения чинов. Все эти шесть лет власти безуспешно пытались вытянуть у заключенных офицеров признания об участии офицеров-членов тайных обществ в подготовке восстания семеновцев, при чем им обещаны были за доносы разные милости.

Семеновцы-солдаты держали себя на допросах с достоинством, не называли имен, из их показаний нельзя было ни-

чего установить во вред офицерам, хотя суду были известны разговоры, что «всему виною господа». Возмущение 17—19 октября солдаты об'ясняли жестокостью высшего начальства, мучившего их непомерными, совершенно ненужными для службы, тяготами. Однако, допрос производился с пристрастием и, выдержав искус, солдаты доказали, что они обладали значительной выдержкой и сознательностью. Закревский сообщал в ноябре 1820 года Волконскому, что «при производстве суда в крепости также допрашивали сперва по одиночке, а потом вместе и капральствами. Они (солдаты) все прежде еще, кажется, сговорились ничего не открывать и при всех допросах все показывают совершенно одинаково. Они до такой степени тверды, что несколько человек 1-й фузелерной роты, которые показали было, что батальон прежде весь сговорился, и которые были немедленно рассажены порознь, коль скоро вторично были призваны к уличению других, то об'яснили, что никогда того не говорили, и что не помнят даже, чтобы были призваны к допросу прежде». Велено было допытаться чего-нибудь через солдатских жен, но, как сообщал Закревский, «сколько ни употребляли стараний, ничего не могли открыть через них». Видимо, хлопоты Ермолаева и Муравьева-Апостола были не безуспешны, они сумели поддержать в солдатах твердость духа.

Военно-судная комиссия признала виновными: трех рядовых второй роты и одного первой роты в подстрекательстве нижних чинов к неповиновению начальству и в ослушании, выразившемся словами и действием; 164 рядовых первой роты и 52 рядовых второй роты, не возвратившихся в казарму после выхода роты, в подании примера общего беспорядка; 172 человека роты его величества комиссия нашла виновными в нарушении порядка службы и неповиновении фельдфебелю; 147 рядовых фузелерной роты признаны виновными в следовании примеру других рот. В виду этого комиссия постановила: 220 солдат считать подлежащими смертной казни, а всех остальных выписать в армию.

Приговор этот поступил на рассмотрение начальника гвардейской дивизии барона Розена, дежурного генерала главного штаба Закревского и командира гвардейского кор-

пуса ген. Васильчикова. Первые двое согласились, хотя и не во всем, с решением комиссии, Васильчиков нашел, что суд был очень снисходителен к солдатам.

Не требуя смертной казни для солдат, он предлагал усилить им наказание. «Соображая обстоятельства дела с законами», ген. Васильчиков «мнением полагал» наказать нескольких рядовых кнутом до 50 раз, других—шпицрутенами по 2.000 раз, иных — плетьми до 50 раз, около четырехсот человек «в уважение участия в сражениях и получения ран»—только прогнать через батальон сквозь строй шпицрутенов до трех раз и т. д., со ссылкой затем в каторжную и крепостную работу. Остальных он великодушно предлагал разослать в армейские полки.

Раздав так щедро солдатам тысячи палок и сотни кнутов, Васильчиков относительно Шварца полагал «вместо приговоренной ему судом казни, в уважение прежней отличной службы, лишить его штаб-офицерских чинов (т.-е. понизить в капитаны) и орденов и определить на службу в армию».

Но император нашел его только виновным «в несообразном выборе времени для учений и в нерешительности лично принять должные меры для прекращения неповиновения во вверенном ему полку» и велел отставить Шварца от службы с тем, чтобы впредь никуда его не определять. Однако, Аракчеев через два года принял Шварца с чином полковника в корпус военных поселений, где нужны были командиры, умевшие доводить людей учением до смерти или до восстаний, кончавшихся массовыми расстрелами. В начале 1826 года Шварц получил отставку по прошению, а через год вел. князь Михаил Павлович, так высоко ценивший службу Шварца в Семеновском полку, предлагал ему определиться на службу в Грузию, но сам Шварц отказался.

К солдатам генерал Васильчиков отнесся не так снисходительно, как к Шварцу. В заключение своего «мнения» по поводу решения суда он указывал на незакономерную снисходительность комиссии, судившей семеновских солдат, и на поведение семеновских офицеров, «обративших негодование своих солдат на полкового своего командира». Царь приказал об'явить членам комиссии строгий выговор и про-

извести дополнительное расследование. Дело перешло в другое судилище, где решено было из 802 привлеченных солдат наказать около 600 человек шпицрутенами (в том числе из 216 солдат — десятого по жребию) и плетьми.

Резолюцией царя, только написанной рукою Аракчеева, —в чем сказалось обыкновение двуличного Александра прятаться за спину своего без лести преданного друга,—было приказано: восемь солдат прогнать по 6 раз сквозь строй через батальон и отослать на работу в рудники; всех остальных разослать в армию — в Сибирь и на Кавказ,—при чем они должны присутствовать при наказании товарищей, наказании, представлявшем худший вид смертной казни.

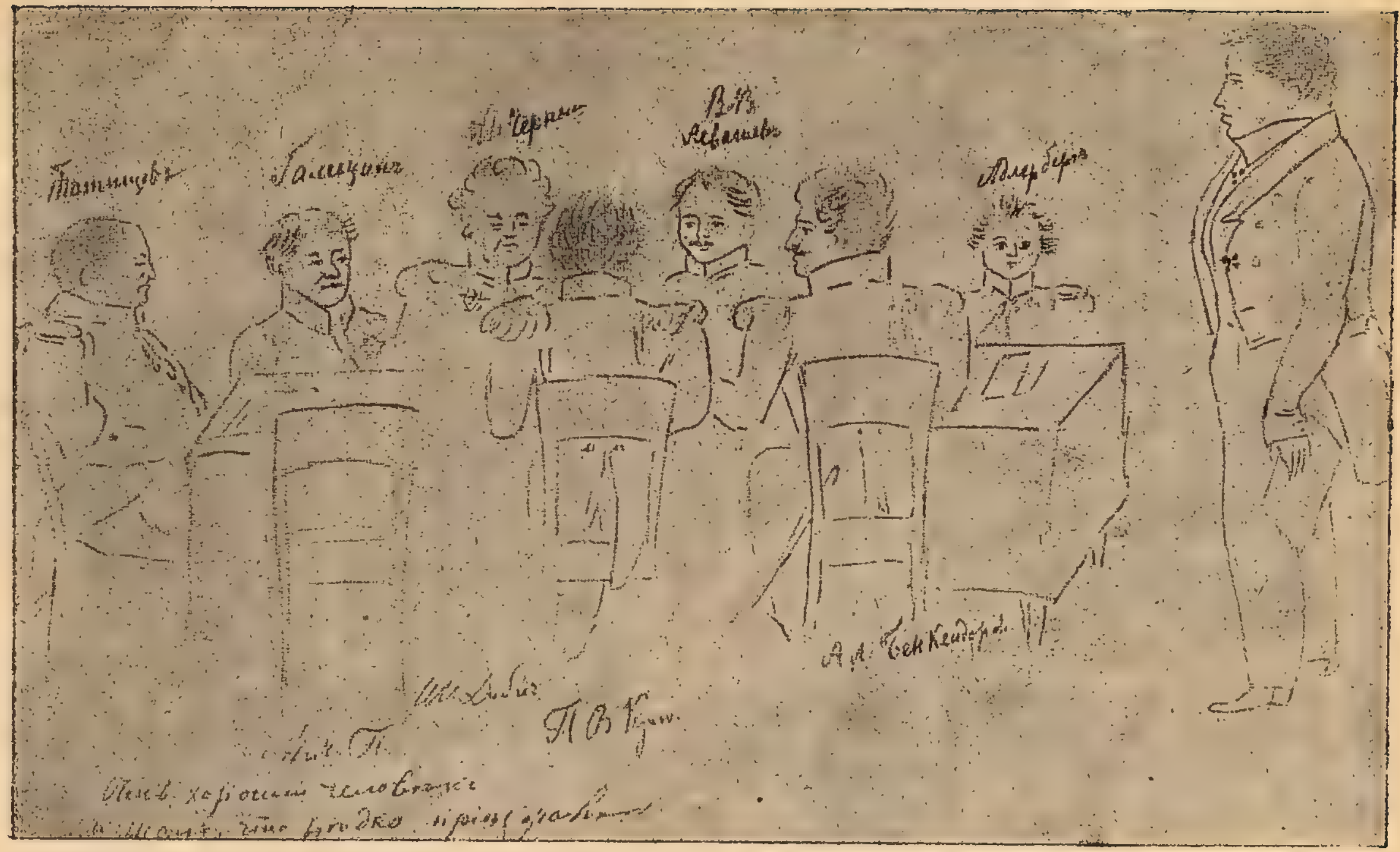
При этом Александр Павлович, продолжавший перекраивать на конгрессе карту Европы под указку хитрого, кругом его обошедшего австрийского министра Меттерниха,—поручил кн. П. М. Волконскому установить такой порядок наказания мятежных семеновцев, чтобы возможно больше ухудшить их положение. «Его величество изволит полагать, —писал Волконский в Петербург А. А. Закревскому,—что наказание сие произвесть в новом Семеновском полку, дабы оное могло послужить примером для оных. Касательно тех, кои будут наказываться плетьми на Конной, то нужно взять обыкновенно употреблямые на то меры с большею осторожностью, и также полагаю, что не нужно наказание сие производить вдруг в один день, ежели преступников будет много, а в несколько дней». В одном из предшествовавших писем к Закревскому князь Волконский уже предупреждал, что царь будет недоволен судом в случае мягкости наказаний, и предписывал от имени государя порядок расправы с самым судом. При этом предлагалось мягкий приговор прислать на утверждение государя, а суровый привести в исполнение немедленно. Так, через пять лет поступил и Николай Павлович, подсказав Верховному Уголовному Суду степень и вид наказания декабристов.

Этим не ограничилось правительство в своей мести семеновским офицерам и солдатам за дело 17 октября. О злопамятности Александра пишут все современники, определяющие его мстительность и жестокость хуже отцовской. Переведенных в армию всячески преследовали. Офицерам не

давали отпусков и не позволяли выйти в отставку. Так, М. П. Бестужеву-Рюмину (позднее деятельный участник заговора 1825 года на юге) не позволили поехать домой для свидания с отцом в виду смерти матери. С. Н. Тютчев признавался впоследствии, что, «просившись в отставку и получив на все отказ, в отчаянии решился, чего бы ни стоило, выйти из сего положения». Через 5½ лет после восстания семеновцев декабрист П. Г. Каховский в письме к Николаю I из Петропавловской крепости говорил о мстительности правительства по отношению к семеновским офицерам, указывая на то, что по переводе офицеров в армию «тайно отняты у них права, данные дворянской грамотой, и те, которые просили себе отставку, отставлены от службы по неспособности и по слабости ума». «Таковое скрытое преследование не есть ли явное мщение?»—спрашивал Каховский царя. Он был прав, хотя и не знал, что князь Волконский писал в январе 1821 г. Закревскому: «Скажите, зачем беспрестанно требуете вы и даете отпуски бывшим семеновским офицерам, тогда как сие было запрещено. Государь очень за сие сердится и находит, что таковое снисхождение совсем неуместно, особенно вопреки повеления... Прежних офицеров семеновских, в армию переведенных, прикажите тотчас выслать к своим местам, не внимая никаким отговоркам».

Что касается солдат, то по удостоверению официального историка семеновского восстания, генерала М. И. Богдановича,—«судьба нижних чинов, переведенных в армию, была горестна. Там смотрели на них, как на людей, совершивших самое важное преступление, и столь уважаемое прежде имя семеновцев для некоторых из новых их командиров сделалось однозначущим с именем мятежников. Малейшие их проступки были непростительны в глазах начальников, усердных не по разуму, либо думавших преувеличенною взыскательностью угодить государю»...

По приказу государя было предписано не давать отставки солдатам, выслужившим свои сроки, не представлять их к производству в унтер-офицеры, а последних за выслугу лет — в офицеры. В июле 1821 года предписано было не давать женам солдат паспортов на жительство в Петербурге и Москве. Еще раньше велено было детей бывших семенов-



Заседание следственной комиссии по делу декабристов

(Зарисовка чиновника, работавшего в комиссии)

цев, отданных в кантонисты, никуда на службу не назначать, иметь за ними особенный присмотр, о каждом их проступке доносить инспекторскому департаменту. И дочерей семеновских солдат, учившихся в девичьей полковой школе, взяли под надзор. Никого в покое не оставили. Даже больных солдат, находившихся в момент восстания на излечении, пересылали, по приказу государя, из одного госпиталя в другой.

Семеновская история долго еще имела революционизирующее влияние в русской армии.

Член тайного общества В. Ф. Раевский, пострадавший впоследствии за революционную пропаганду в войсках, говорил в 1821 году своим солдатам, отзываясь с похвалой о поступке семеновцев: «придет время, в которое должно будет, ребята, и вам опомниться». Ф. Ф. Вигель пишет в своих записках, что «это происшествие имело важные последствия; рассеянные по армии, недовольные офицеры встречали других недовольных и вместе с ними, распространяя мнения свои, приготовили другие восстания, которые через пять лет унять было труднее».

На семеновцев возлагал также в 1825 году надежды К. Ф. Рылеев, который под их надзором хотел держать в Шлиссельбурге царскую фамилию до выяснения ее дальнейшей судьбы после переворота.

Декабрист И. И. Горбачевский считал семеновских солдат «ревностными агентами Тайного общества», так как они возбуждали в своих товарищах ненависть и презрение к правительству. В связи с запрещением солдатам Саратовского полка иметь сношения с бывшими семеновцами, возникло волнение в одной роте, и командир полка вынужден был сменить ротного командира, от которого исходило упомянутое запрещение.

Главный деятель заговора 1825 г. П. И. Пестель заявлял на допросе, что заговорщики рассчитывали на третий армейский корпус, между прочим, потому, что там было много семеновцев, «которые влияние имеют на других солдат». Такэвы же были надежды декабристов и на другие корпуса.

М. П. Бестужев-Рюмин в 1826 году, на допросе по поводу восстания Черниговского полка, показал, что «по мере

того, как семеновские солдаты узнавали, что С. И. Муравьев-Апостол в лагере, они к нему приходили; все из'являли величайшее негодование; мы же им говорили, что если у них духу станет, то их участь скоро переменится... если они пристанут к нам, когда мы начнем возмущение». Солдаты обещали выполнить этот совет. Декабрист В. Л. Давыдов также показал, что С. И. Муравьев-Апостол действовал чрез бывших семеновцев.

Сам Муравьев-Апостол признал на следствии, что он перед восстанием 1825 года с бывшими семеновскими солдатами «разговаривал о тягости службы, бранил ее, вспоминая им старый полк, выражал уверенность, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут». И семеновцы сдержали слово, не обманули своих начальников. Хотя сами-то офицеры обманулись в своих расчетах на возможность переменить государственный строй, опираясь на слепое послушание армии...

В связи с декабрьскими событиями 1825 года снова пошли гулять шпицрутены и плети по спинам бывших семеновцев: целыми сотнями засекались солдаты на смерть по приказу Николая I, получая от 300 до 12.000 ударов... И позже, когда сами декабристы страдали в Сибири за свое увлечение ролью преобразователей государственного строя, в Петербурге вспоминали про семеновцев только для того, чтобы их казнить и истязать. Д. И. Завалишин передает в своих записках, что комендант Нерчинских рудников, С. Р. Лепарский, приказал расстрелять 18 солдат, среди которых были семеновцы, по совершенно невыясненному делу — не вполне даже доказанному намерению их бежать. И Лепарский, мучимый совестью, во время болезни, в бреду повторял по поводу этой казни: «право, это не я, это он, все он».

Он — это Николай Павлович, который, при содействии верхнего слоя дворянства, исподличавшегося и превратившегося в царских рабов генералитета, упрощенным способом расправился с оппозиционно-настроенным офицерством.

МЕРЗАВЦЫ

ШПИОНЫ В АРМИИ [1]

В связи с Семеновской историей командир гвардейского корпуса Васильчиков придумал учредить в гвардии тайную полицию для наблюдения за поведением и образом мыслей солдат и офицеров. «Учреждение хорошо организованной тайной полиции при гвардейском корпусе, — писал он 9 ноября 1820 года кн. П. М. Волконскому, — есть, по моему мнению, вещь необходимая. Я не считаю нужным высказать вам, как подобная мера мне противна, но теперь таковы обстоятельства, что надо заставить молчать свои предубеждения и удвоить бдительность надзора». Волконский же в письмах из-за границы к ген. Закревскому предлагал устроить так, чтобы офицеры гвардии сами следили за политическим настроением в своей среде. И даже Закревский возмутился этим. В ответных письмах, предназначенных для прочтения царем, Закревский указывал, что будет слишком унизительным для звания гвардейского офицера, если обратить его в шпиона; и вообще он считал вредным учреждение тайной полиции в войсках. Но князь Волконский уже в январе 1821 года представил Александру Павловичу и государь утвердил «проект о устройстве военной полиции при гвардейском корпусе». Проэкт этот писан и, повидимому, составлен самим Васильчиковым, вероятно, при участии Грибовского, который поставлен был во главе нового учреждения. Васильчиков, препровождая Волкон-

[1] Из книги С.Я. Штрайха „Брожение в армии при Александре I". Петр. 1922 г.

скому свой проект, писал, что он «ежедневно чувствует необходимость учреждения» в гвардии «хорошо организованной тайной полиции», которая сумеет предупредить злонамеренную агитацию таких «болтунов», как Пестель и др. «Посылаю вам, — писал Васильчиков, — проект учреждения военной полиции; вы найдете сумму немного великой, но вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить». При этом он сам заявлял, что «все тревожные сведения полиции вызываются жадностью агентов, которые, чтобы поддержать свое достоинство и добыть денег, выдумывают, что им вздумается». В проекте говорится, что путь получения сведений о настроении гвардейских офицеров чрез их полковых командиров ненадежен, так как они «часто по собственной выгоде или по ложному понятию могут скрывать разные происшествия и к несчастью иногда за ними самими необходимо бывает наблюдать». Но так как новоучреждаемая полиция есть только отряд мерзавцев, то явное существование ее неудобно: «она должна быть так учреждена, чтоб и самое существование ее покрыто было непроницаемою тайною».

Было у гвардейского начальства и подозрение относительно иноземной пропаганды. «Может встретиться, — читаем в проекте, — что чужеземцы, завидуя величию России, подошлют тайных искусных агентов, кои легко успеют вкрасться в общество; естественно, что все внимание таких людей обратится на гвардию». Особенно опасались влияния Австрии, которой важно было ослабить Россию из боязни, что она станет естественной покровительницей славян монархии Габсбургов. И через пять лет, после восстания декабристов, внимание Николая Павловича было устремлено на действия и роль в событиях 1825 года австрийского посольства в Петербурге.

В конце концов, тайная полиция при гвардии была учреждена и начальником «мерзавцев» был назначен Грибовский, усердно взявшийся лично наблюдать за настроением офицеров и насадивший своих шпионов для наблюдения за солдатами всюду, где они бывают, вплоть до бань.

К ВРЕМЕНЩИКУ[1]

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха, хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь.
Твоим вниманием не дорожу, подлец!
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться своим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу,
И горд, что чувств своих в себе не нахожу.
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны...
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи:
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь;
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен раз'яренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя, —
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

[1] Из стихотворения К. Ф. Рылеева, направленного против Аракчеева.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

I [1]

Я в очень немногих словах дам вам характеристику движения декабристов, — постараюсь дать представление об их тактике и о кое-каких перспективах этого движения. Поводом к самому взрыву 14-го декабря был вопрос о престолонаследии. Александр I, умерший несомненно в состоянии если не полного, то вполне достаточного религиозного помешательства, умерший неожиданно, так как с виду это был крепкий, здоровый мужчина (ему не было еще 50-ти лет), Александр I распорядился довольно странно: так как законных детей у него не было (незаконные дети у него были, но они не имели права на престол), то он имел ближайшим наследником своим цесаревича Константина; но, если Александр I страдал религиозным помешательством, то Константин страдал сумасшествием буйным, а так как сумасшедшие друг друга хорошо замечают, то и Александр I прекрасно видел это качество своего брата и под предлогом женитьбы Константина на не-принцессе, он заставил Константина отречься от престола.

[1] Из лекций М. Н. Покровского „Из истории общественного движения в России начала 19 века", журн. „Молодая Гвардия" 1923 г. № 5.

Константин подписал отречение от престола за себя и своих детей. Таким образом, наследником престола оказался третий сын Павла, Николай Павлович, из всех трех наиболее нормальный. Но об этом чрезвычайно важном акте, что наследником престола будет не Константин, который назывался цесаревичем, а Николай, не было возвещено во всеобщее сведение: с необычайной таинственностью соответствующие документы были положены в Московском Успенском соборе на алтаре. Александр поехал на юг. Предлогом для этого была болезнь его жены, Елизаветы Алексеевны, у которой действительно был туберкулез. Странный для нее выбрали курорт — Таганрог. Тогдашние врачи имели весьма слабое представление о климатах. С ней поехал и Александр I. Он ехал на самом деле готовить новую турецкую войну, которая действительно разразилась в 1828 г. уже при Николае. Благодаря медицинскому невежеству того времени, он в Крыму ухитрился заразиться лихорадкой и, так как у него было плохое сердце, то он и помер.

Это случилось совершенно внезапно, за тридевять земель от Петербурга, и в Петербурге должно было произойти смятение. Так как все были уверены, что наследник Константин, то все присягнули Константину, в том числе и Николай. Правда, царская семья знала о завещании Александра и об отречении Константина, но когда Николай попытался заикнуться, что царь-то собственно я, то на этом сыграл человек, не имевший никакого отношения к декабристам, но желавший сыграть известную роль: генерал Милорадович. Он категорически заявил Николаю: сами изволите знать, ваше высочество, в гвардии вас не любят. Николай, видя, что штыков у него нет, должен был уступить, хотя великолепно знал, что Константин отрекся. Константин же был хитер: увидев какая началась катавасия, он сидел в Варшаве и изображал из себя лояльного человека, но отречения не подписывал. Таким образом получилось крайне неопределенное положение, на котором уже сыграл Милорадович и на котором решили сыграть и северные декабристы.

Собственно говоря, приписывать им настоящее революционное восстание, даже и в этот момент, было бы крайне неосторожно. Конечно, у них бродили неопределенные мысли — в случае неудачи предприятия взяться за оружие всерьез, а удачу они мыслили себе так: никто не разберет, кто сейчас царь; поэтому нужно с будущего царя взять взятку: заставить его подписать конституцию. Поэтому глава Северного заговора Трубецкой предполагал собрать на площади перед Сенатом в большом числе полки, окружить Сенат и Синод, держать в своих руках юридическую и церковную верхушку России и, заручившись этим опорным пунктом, начать разговор с Николаем: не угодно ли подписать конституцию, тогда мы присягнем. Если вы согласны созвать в Петербурге представителей от сословий, то великолепно, а если нет, то мы будем стоять и посмотрим, кого народная масса признает царем. А тут соберутся к нам все, кто желает перемен, зашевелятся поселения и армия, и мы добьемся своего. Трубецкой рассчитывал, что это будет моральное давление, но моральное давление уже более сильное, чем Союз Благоденствия оказывал на Александра I. Там было только убеждение, теперь же прибавился еще поднятый кулак. Но что никакого мятежа не ожидал Трубецкой, это видно из его тщательных забот о том, чтобы не произошло никаких волнений, солдат все время предполагалось держать в руках, не распуская, и только в случае совершенной неудачи предприятия, предполагалось ретироваться на военные поселения, которые начинались недалеко от Петрограда, и, опираясь на военные поселения, начать военные действия.

Таким образом, настоящие революционные действия представлялись только, как отдаленная перспектива, в случае, если все якоря сорвутся. Но когда люди собираются стрелять только после целого ряда приготовлений, то можно ожидать, что другая сторона их обскочит и начнет стрелять сама. Пока декабристы собирали полки (оказалось, что собрать всех полков не удалось), пока они совещались, что делать, а сам диктатор — Трубецкой ходил по канцеляриям и узнавал, «что есть», пока они занимались

этим, генералы, которые собрались около Николая, во главе которых был Толь, достали артиллерию и, несмотря на то, что артиллерия саботировала [1], артиллеристы заявили, что снарядов нет, но у генералов Николая оказался достаточно твердый характер, и снаряды достали.

Декабристы имели в своем распоряжении время втрое больше, чем нужно было, чтобы атаковать Николая, но они стояли на Сенатской площади, вдобавок к этому Сенат был пуст, потому что сенаторы находились у Николая в Зимнем дворце. Пока они колебались, привезли пушки, и Николай пустил пушки в ход. Солдаты измучились на морозе, да к тому же были совершенно не подготовлены агитацией и не знали, к чему они здесь стоят. Так, напр., солдаты кричали: «ура, конституция!» Когда спрашивали, что это за конституция, солдаты отвечали: жена Константина. Единственная агитация среди солдат заключалась в том, что накануне 14-го декабря Рылеев и другие ходили по городу и говорили часовым о завещании Александра I, в котором он яко-бы сбавил срок службы солдатам. Сравните это с проповедью Муравьева-Апостола (см. его «катехизис» — ниже).

Так как Николай и его генералы взяли в свои руки инициативу выступления, то они одержали победу. Когда после разгрома колонны декабристов на Сенатской площади пошли аресты, когда арестованных привели к Николаю, то диктатор и глава заговора Трубецкой рассказал все так подробно, что основной список заговорщиков был составлен следователем на основании показаний Трубецкого. В ту же ночь, пометив свои показания 14-м декабря, Рылеев спешит совершенно откровенно изложить все и донести о существовании заговора на юге. В первых же показаниях Рылеева и др. они поспешили выдать Южный заговор. Сначала вас утешит то, что хоть имена не названы, но в следующем показании прямо говорится: «во главе Южного общества,

[1] **Весьма характерный факт: накануне 14-го декабря артиллерийские офицеры предлагали свои услуги Рылееву, но так как декабристы не хотели стрелять и боялись, что „пушки могут начать стрелять сами", то они отказались от услуг артиллерии.**

сколько мне известно, стоит полковник Пестель». Об'ективно это не могло изменить положения дел, потому что провокаторы на юге работали хорошо, и благодаря деятельности одного из них, капитана Майбороды, военные власти уже все знали и 13-го декабря, накануне восстания в Петербурге, Пестель был арестован. Но Рылеев ведь этого не мог знать; даже Николай узнал об этом только 21-го декабря.

Этот финал достоин Северного заговора, который был создан не столько против Николая, сколько против Пестеля. Так кончилось восстание декабристов, которое на самом деле не было замышлено, как восстание, а просто как попытка более энергичными средствами убедить Николая дать конституцию. Николай оказался энергичнее и одержал полную победу.

Теперь два слова о конце Южного заговора. С арестом Пестеля он был обезглавлен. Естественно, что там началось быстрое разложение: приверженцы Пестеля стали прятаться, и только у одного Муравьева-Апостола хватило духу и энергии поднять своих солдат на восстание. И действительно, Черниговский полк поднялся, но Пестель рассчитывал на весь корпус. Поднялся же только один полк, и конечно он был задавлен николаевскими войсками и вынужден был положить оружие. Таким образом, настоящее восстание разразилось только на юге, но благодаря полицейским мерам Николая и его ставленников было подавлено и никаких результатов дать не могло.

Прибавлю еще только, что и Пестель сдался, и что здесь также нашла отражение его мелкобуржуазность. Пестель сначала не только не стал доносить на Трубецкого, Рылеева и др., но отказался даже давать показания, но когда он увидел, что его предали со всех сторон, то и он не выдержал и даже писал письма Николаю с просьбой о помиловании. Николай торжествовал, таким образом, не только материально, но и морально.

II[1]

На другой день моего приезда в Петербург Никита стал меня уговаривать, чтобы я присоединился опять к Тайному Обществу, доказывая мне, что теперь не существует более причины, меня от них удалившей, что в уставе Союза Благоденствия совершенно определен мерный ход Общества, прибавив, что Пестель и другие находят очень странным, что я привожу поручения от московских членов, знаю все, что делается в Тайном Обществе, не принадлежа к нему. После таких доводов мне осталось только согласиться на предложение Никиты, и я подписал записку, не читая ее; я знал, что она будет сожжена. После этого я был приглашен на совещание. Князь Лопухин и многие другие собрались у Никиты. Сама формальность этого совещания давала ему вид плохой комедии. В Москве, когда собирались члены Военного Общества, они собирались для того, чтобы познакомиться и сблизиться друг с другом; всякий говорил свободно о предметах, занимавших всех и каждого из них. Тут же в продолжении всего совещания рассуждали о составлении самой заклинательной присяги для вступающих в Союз Благоденствия и о том, как приносить самую присягу: над евангелием или над шпагой вступающие должны присягать. Все это было до крайности смешно. Но Лопухин, Шаховский и почти все присутствующие были ревностные массоны; они привыкли в ложах разыгрывать бессмыслицу, нисколько этим не смущаясь, и им желалось некоторый порядок массонских лож ввести в Союз Благоденствия.

Менее, нежели в два года своего существования Союз Благоденствия достиг полного своего развития, и едва ли 18-й и 19-й годы не были самым цветущим его временем. Число членов значительно увеличилось. Многие из принадлежавших Военному Обществу поступили в Союз Благоденствия.

В два года моего отсутствия число членов Союза Благоденствия очень возросло; правда, что многие из преж-

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

них членов охладели, почти совсем отдалились от Общества; зато другие жаловались, что Тайное Общество ничего не делает; по их понятиям, создать в Петербурге общественное мнение и руководить им была вещь ничтожная; им хотелось бы от Общества теперь уже более решительных приготовительных мер для будущих действий. Словом, Союз Благоденствия в прежнем своем виде более уже не существовал. По несколько раз в неделю собирались члены Тайного Общества к Никите Муравьеву. В это время я познакомился со многими из них; самые из них значительные и ревностные по делу Общества, кроме Никиты и Николая Тургенева, Ф. Н. Глинка, два брата Шиповы (старший—впоследствии командир Ново-Семеновского полка), граф Толстой, известный наш медальер, Ил. Долгорукий и многие другие. Вместе с Никитою мы заезжали к Ил. Долгорукому, который был болен и не выходил из комнаты. Он был блюстителем Союза Благоденствия. Служа при Аркачееве и имея возможность знать многие тайные распоряжения правительства, извещая о них своих товарищей, он тем самым был полезен Тайному Обществу. В это время вообще он служил ему усердно. Во всех членах Союза Благоденствия проявилось какое-то ожесточение против царствующего императора: и в самом деле он с каждым днем становился мрачнее и все более и более отчуждался от России.

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН [1]

Общество «Соединенных Славян» имело главною целью освобождение славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом.

Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае на-

---

[1] Из записок декабриста И. И. Горбачевского. М. 1916.

добности, общих коренных законов, представляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимыми в составлении частных своих узаконений. Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические, нравственные и умственные: посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах, и для достижения возможного благосостояния требует промышленности, отвращающей бедность и нищету; нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и, наконец — просвещения, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое делает умнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три остальные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина. Он должен был, по возможности, истреблять предрассудки и порочные наклонности, изглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточительными; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости, без вреда для себя и других, пользоваться оными. Убеждение в сих правилах заставляло Славян выводить следующие заключения: никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему, прежде всего, должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются. Славяне, убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали, не хотели терять времени в пустых и невозможных усилиях, но вознамерились делать все, что зависит от них и ведет

хотя медленно к предпринятой цели. В исполнении сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей стараться заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ, внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина, и, таким образом, возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и пр.

Не взирая, однакож, на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия Славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшаго: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далее», долженствовали служить руководством их будущаго поведения.

Сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянскаго Общества, во многом отличается от духа Южного Общества, и что даже, в некоторых отношениях, они были друг другу совершенно противуположны. Но к соединению двух обществ не столько содействовало сходство их характеров, сколько нетерпение и желание скорейшего достижения цели. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство Славян еще худо понимало правила и средства своего союза и порывом своим увлекло тех немногих, которые были вполне проникнуты оными. Сии последние видели невозможность бороться с представителями сильного Русского Общества, обещавшего немедленное освобождение России, и с прискорбием приняли на себя труд оного. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми, заставила их утешаться надеждою, что после переворота мысль Славянского Союза

«Декабристы на работе в Чите» (С картины худ. А. В. Моравова)

воспрянет и с новою силою заставит трудиться для свободения всех славянских народов...

13 сентября, в день, назначенный для последнего совещания, все члены Славянского Общества поспешили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собрание было многочисленное и представляло любопытное зрелище для наблюдателя. Люди различных характеров, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о том, как бы слиться в одно желание и составить одно целое: все их мысли были заняты предприятием освобождения отечества; все их надежды затмевались надеждою блистательных и несомненных успехов. Радость, самоотвержение, блистали на их лицах; посреди всеобщего упоения, проницательный взор наблюдателя мог бы заметить, что не все Славяне чистосердечно радовались соединению их общества с Южным, подобно, как просвещенный путешественник, присутствующий при шумном и радостном торжестве диких, погребающих одного из своих собратий, читает в глазах отца и супруги скорбное чувство разлуки и видит незамечаемую никем слезу, посвященную памяти умершего. Приезд Бестужева-Рюмина довершил упоение. Он говорил снова об успехах, о счастии пожертвовать собою для блага своих сограждан, и после сего каждый хотел произнести немедленно требуемую клятву; все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, действовать с преданностию и с самозабвением. Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный Славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страшные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с цар-

ским саном!...» Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались, как дети, — одним словом, это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной...

15 сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час. Бестужев-Рюмин начал разговор похвалами Славянскому Обществу, рассказывал и повторял несколько раз С. Муравьеву, с каким восторгом они произносили клятву соединения двух обществ, превозносил их преданность к общему делу, и тому подобное...

Сергей Муравьев с Горбачевским, удалившись в другой конец комнаты, разговаривали о восстании, в особенности о приготовлении солдат. Горбачевский утверждал, что от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащею осторожностью об'яснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны Общества, разумеется, не открывая им сего, заставить их о сем думать и дойти до того, чтобы они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемые ими права. Здесь Горбачевский рассказал С. Муравьеву предполагаемый Славянами план действия на нижних чинов и говорит, что должно принять всем членам одинакий способ действий. Он был убежден, что откровенность и чистосердечие подействуют на русского солдата более, нежели все хитрости махиавелизма. Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо, клонящееся к цели общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для них загадкою сфинкса.

Горбачевский возражал на это, что сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями. Кроме того, прибавил

он, у всякого командира есть столько способов, что если солдаты, во время восстания, за ним не пойдут, то, конечно, командир сам виноват, и сие должно приписать ничему другому, как его нехотению или просто его нерадению. С. Муравьев отвечал, что, по его мнению, лучший способ действовать на русских солдат религиею; что в них должно возбудить фанатизм, и что чтение библии может внушить им ненависть к правительству. «Некоторые главы, — продолжал он, — содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя». — «Я с вами не согласен, — отвечал Горбачевский, — вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могут иметь влияния на русских, и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них сказать, что запрещение израильтянам избирать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию». — «Вы делаете много чести нашим солдатам, — возразил С. Муравьев, — простой народ добр, он никогда не рассуждает и потому он должен быть орудием для достижения цели». Говоря сие, он вынул из ящика исписанный лист бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказал: «Поверьте мне, что религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца; она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам русского, по вашим словам равнодушного к религии, и доставит ему мученический венец».

Горбачевский взял бумагу из рук Муравьева, пробежал ее глазами и увидел, что это перевод той главы из ветхого завета, где описывается избрание израильтянами царя Саула. «Это все очень хорошо, — сказал он, отдавая

назад Муравьеву помянутый лист, — но я уверен, что никто из Славян не согласится таким образом действовать; что же касается до меня, то я первый отвергаю сей способ и не прикоснусь до сего листа». В это время подошел к ним Спиридов. С. Муравьев, отдавая ему сей лист, повторил сие мнение. Услышав оное, Спиридов начал поддерживать мнение Горбачевского, говоря, что сей способ совершенно не соображен с духом русского народа; что он не принесет никакой пользы, и что кто проникнут чувством религии, тот не станет употреблять столь священный предмет орудием для достижения какой-либо посторонней цели. Муравьев силился доказать Горбачевскому, что сие средство действовать на солдат есть самое надежное. Горбачевский же, напротив, утверждал, что оно относительно русского солдата есть совершенно бесполезное и что ежели ему начнут доказывать ветхим заветом, что не надобно царя, то, с другой сторноы, ему с малолетства твердят и будут доказывать новым заветом, что итти против царя, значит итти против религии и бога, и, наконец, что никто не захочет входить в теологические споры с солдатами, которые совсем не в том положении, чтобы их понимать, и не те отношения между ними и офицерами. Муравьев замолчал, положил бумагу в ящик и обратил разговор на другой предмет. Мы не будем здесь рассуждать, почему Муравьев полагал, что священным писанием можно привлечь к делу солдат и показать им, каким образом должны управляться народы: не будем также доказывать, ложно ли или справедливо было сие его мнение, но только скажем, что ни Горбачевский, ни Спиридов не только не приняли предложение С. Муравьева, но даже впоследствии оставили его без всякого внимания и не сообщали его своим товарищам, ибо наперед знали, что они будут противного мнения...

Члены Южного Общества действовали, большею частию, в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в Общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа,

не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних — или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, как члены Южного Общества были, большею частию, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе: и, тем более, препятствовала иметь доверенность в сношениях по Обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданокой иерархии. Славяне, напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, ни мало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предрассудкам и твердого и обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностью своего плана и для проведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно: собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти.

Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели. Сближение сие, конечно, изменило несколько характер Васильковской Управы, но не могло вполне пробудить ее от бездействия. Славяне же, укрепленные новыми силами, начали еще с большим рвением действовать на своих подчиненных. Плодом их действия было восстание Черниговского полка.

КОНСТИТУЦИИ ДЕКАБРИСТОВ

«РУССКАЯ ПРАВДА» П. И. ПЕСТЕЛЯ

Выдержки из текста

Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею, совершенно отвергнуто политической экономией, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься той отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которая, напротив того, мешает повсеместному преуспеянию народного богатства. Сверх того, надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся через распределение частных лиц по отраслям промышленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни

деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, соделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах.

Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может, и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем, как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудие для своих выгод, противу коих общее мнение совершенно бессильно, и посредством коих оно приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость.

А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже все меры принимать, дабы таковые сословия отдельно от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожить, ежели они где-либо существуют.

Все вышеупомянутые сословия составились в разные времена и при разных обстоятельствах и, разделив народ на разные классы, произвели большие различия и разнородности в гражданском положении людей, принадлежащих к одному и тому же государству. Различия сии целью имеют не лучшее устроение государственного порядка, коего нельзя посредством их достигнуть, и не удобнейшее доставление общественного блага всему народу, но единственно дарование некоторым людям больших преимуществ против

массы народной и подавление сей последней в пользу и в корысть малейшего числа.

Гражданские общества, а, следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых, за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковые права на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законов, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, а, следовательно, и образ мыслей.

Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа, и что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многочисленнейшего числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны.

Дворянство есть то отдельное от массы народной сословие, которое свои особенные имеет преимущества.

Все преимущества, коими дворянское сословие пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство ничто иное есть, как итог преимуществ, то и следует из сего,

что и само звание дворянства должно быть уничтожено: члены оного, поступая в общий состав российского гражданства, на основании общих правил, ниже сего изложенных, и долженствуя, подобно всем прочим россиянам, по волостям быть расписаны.

Когда государства так еще были малы, что все граждане на одном месте или небольшом поле собираться могли для общих совещаний о важнейших государственных делах, тогда каждый гражданин имел голос на *вече* и участвовал во всех совещаниях народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением государства, когда уже нельзя было всем гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена. Многоразличные государственные превращения совокупились с сею причиною и произвели, наконец, то, что одни только богатые или военные начали с'езжаться для участия в государственных делах. Тогда возникла аристократия, а потом и феодальная система, со всеми ужасами и злодеяниями. Много других причин содействовали к введению и укреплению феодального порядка вещей, но главная оного опора всегда состояла в невозможности всему народу собираться на одном месте и совокупным действием в государственных делах участвовать. Таким образом, аристократия и вся вообще феодальная система много веков свирепствовала над несчастной Европою, заставляя народы переходить все степени злополучия и угнетения. Время, которое всегда, наконец, памятники неправды и злосчастья пожирает, привело равным образом в упадок и сии порядки или, лучше сказать, беспорядок вещей. Великая мысль *о представительном правлении* возвратила гражданам права на участие в важных государственных делах. Пользоваться же стал народ сим правом не так, как прежде оным пользовался непосредственным образом, поелику не могли все граждане на одном месте быть собраны, но посредством своих представителей, коих из своей среды назначал на определенное время. Из сего явствует, что представительное правление решило великую задачу государственного управления и согласило невозможность собираться всем гражданам на одно

место с неоспоримым правом каждого участвовать в государственных делах.

Неудивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нетерпимого ига аристократов и богатых. Действие народов, в сем случае, есть действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом, решено, что представительный порядок непременно существовать должен и что народные представители, образуя особое правительствующее место, в состав Верховной власти входить должны.

Сей вопрос, будучи решен, возник новый вопрос, каким *образом* должны народные представители быть *выбираемы и* назначаемы.

Порабощающая сила аристократов и богатых вмешалась в сие дело и превратно представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям, за исключением большинства граждан. Таким образом, заменяет в тех государствах аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную связь поставлены в зависимость от богатых. Все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе при таковом устройстве представительства народится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых, о котором доказано, что оно есть самое пагубное и зловредное. Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества, за исключением бедных. А посему и возлагается непременная обязанность на Верховное правление, описанное в сем параграфе, затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на

богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословия, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие сего постановляются следующие неизменные правила: Никто из граждан не должен свободы быть лишен и под стражу посажен иначе, как законным образом и законным порядком. Всякое действие, сему противное, наводит строжайшую ответственность на нарушителей.

Из показаний П. И. Пестеля

Мое предложение о государственном образовании состояло большею частью в одних еще только отрывках. Целого я еще не сводил. Намеревался же я мое сочинение представить по окончании оного на суд общества. Оно долженствовало состоять из десяти глав. — *Первая глава* рассуждала о границах государства и о разделении земельного оного пространства на области, областей на округи или губернии, округов на уезды, уездов на волости, и определяло значение и состав волостей. — *Вторая глава* рассуждала о жителях России, разделяя оные на коренной народ русской и на племена подвластные и присоединенные и указывая на средства, коими можно слить все сии различные оттенки в один общий состав таким образом, чтобы все жители России через некоторое время составляли истинно только один народ. — *Глава третья* рассуждала о всех различных сословиях, в государстве обретающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждого из оных и представляя меры и действия, которые бы надлежало с каждым из оных предпринять, дабы слить все сословия в одно общее сословие гражданское. — *Глава*

четвертая рассуждала о политическом или общественном состоянии народа, о правах гражданства, о равенстве всех перед законом, и об образе, коим устраивался представительной порядок в избирательных собраниях. — *Глава пятая* рассуждала о гражданском или частном состоянии народа, то есть, о главнейших правилах и постановлениях так называемого гражданского частного права в отношении лиц, имуществ и взаимных между граждан сношений. — *Глава шестая* долженствовала рассуждать о верховной власти и быть написана вдвойне: одна в монархическом, а другая в республиканском смысле — любую можно было бы избрать и в общее сочинение включить. — *Глава седьмая* долженствовала рассуждать об образовании правительственных мест и начальств в волостях, уездах, округах и областях, а равно и представить общее учреждение министерств, доказывая, что оных должно быть десять, не более и не менее. — *Глава восьмая* долженствовала рассуждать о частях правления, устраивающих государственную безопасность, как внешнюю, так и внутреннюю, то есть об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах и морских силах, говоря притом особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. — *Глава девятая* долженствовала рассуждать о частях правления, заведывающих общественным благосостоянием, то есть финансах, народном хозяйстве или внутренних делах, просвещении и учебной системе, духовных делах и общем делосводе: говоря подобным же образом, особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. — *Глава десятая* наконец долженствовала содержать род наказа для составления общего государственного свода законов или уложения и представить главнейшие правила или, так сказать, оглавление его полного и общего государственного уложения. Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были на черно написаны; а последние пять состояли в разных отрывках. Статью о финансах и народном хозяйстве долженствовал написать Сергей Муравьев.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ, НАЙДЕННЫЙ В БУМАГАХ С. П. ТРУБЕЦКОГО

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для общества; что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства — *произвол* одного человека — невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне законов — вне человечества. Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным, или они не справедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других? Все народы европейские достигают законов и свобод. Более всех их народ русский заслуживает и то и другое. Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают добычею соседей и не пользуются независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств — страждут от своего бессилия. — *Федеральное или союзное* правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило *величие народа и свободу граждан.*

Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице и делает все распоряжения общие, для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей, — предоставлены областным законодательным собраниям, образованным на подобие *столичного,* и, таким образом, доставляется благосостояние *целого* и частей.

КОНСТИТУЦИЯ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА [1]

О России вообще. Образ правления ее монархической представительной, одинаковой для всех частей ее. Столица предполагалась в Москве.

О гражданах. Гражданство есть право в определенном в сем уставе порядке участвовать в общественном управлении: посредственно, т.-е. выбором чиновников или избирателей, *непосредственно,* т.-е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по *законодательной, исполнительной или судебной власти.*

Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия: 1) Не менее 21 года возраста. 2) Известное и постоянное жительство. 3) Здравие ума. 4) Личная независимость. 5) Исправность платежа общественных повинностей. 6) Непорочность перед лицом закона.

Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства российского у судебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

Через 20 лет по приведении в исполнение сего устава Российской империи, никто, не обучившийся русской грамоте, не может быть признан гражданином.

О состоянии, личных правах и обязанностях русских. Право собственности, заключающее в себе *одни вещи,* священно и неприкосновенно.

Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

О внутреннем устройстве волостном и уездном или поветовом. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1.000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год. Те, которые пользуют-

[1] Из книги В. Якушкина „Государственная власть и проэкты государственной реформы в России".

Камера декабристов в Читинском остроге

ся землями в общественном владении, не суть владельцы и, следовательно, сюда не принадлежат.

Чтобы быть тысяцким, должно иметь по крайней мере, 21 год от рождения, непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 рублей серебром) или движимого не менее 3.000 фунтов чистого серебра (60.000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню 100 фунтов чистого серебра (2.000 рублей).

Тысяцкий составляет два списка тех из граждан уезда, кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра или движимым, ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра: 2-й — тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если притом отвечают прочим условиям) избраны в члены *верховной думы, правители держав, наместники державных правителей, тысяцкие и члены державных дум и члены державных судов.*

Граждане второго списка могут быть *присяжными и избирателями.*

Граждане первого списка пользуются правами и второго списка.

По деревням все жители мужского пола избирают себе в каждом *десятке* дворов *десяцкого;* в каждой *сотне соцкого;* в волости же *волостного старейшину,* которые смотрят за сельским благочинием и подчинены тысяцкому. Сей последний назначает между волостными старейшинами надежнейших в *окружные старейшины* и подчиняет им остальных старейшин.

Об императоре. Лицо императора священно и неприкосновенно. — Он не подлежит суждению. Он облечен всею верховною исполнительною властью. Он верховный начальник всей сухопутной и морской силы, назначает и отменяет по своему произволу министров, главнокомандующих армиями и флотами и всех чиновников исполнительной

власти, — представляет Россию во всех ее сношениях с иностранными державами, назначает посланников и ведет переговоры. Имеет право созывать по своему произволу обе палаты народного веча и отсрочивать их заседания — но не более как на три месяца. Он предлагает народному вечу проекты законов, принуждает его ко вторичному рассмотрению принятого или отвергнутого им предложения. В случае суда он имеет власть созвать верховную думу отдельно. Он заключает миры и трактаты с согласия одной верховной думы. Император дает грамоты и назначения всем сановникам империи. Его изображение чеканится на монетах. Он пользуется определенным на все его царствование доходом. Женщины не наследуют престола.

Министры ответствует за всякое противузаконное веление, ими подписанное.

Законодательная власть вверяется народному вечу, составленному из двух палат: верховной думы и палаты представителей.

Верховная дума. Члены оной должны иметь не моложе 30 лет и владеть движимым или недвижимым имением ценою не менее 60000 серебрянных рублей. Они избираются областными палатами на 6 лет, от каждой области по *три*.

Дума участвует в заключении мирных трактатов и ей одной министерство иностранных дел сообщает свои сношения. Трактат, на который она согласилась, пребывает непоколебимым. Ей принадлежит суд над министрами и вообще сановниками империи, обвиненными палатою представителей, но власть ее судная ограничивается тем, что она имеет право лишить судимого его политического звания, после чего он уже не подлежит думе, а поступает в обыкновенные судилища и получает присяжных. Верховная дума наравне с палатою представителей представляет законы и отвергает же предложенные на рассмотрение, если их не одобривает.

Палата представителей. Каждые 50000 жителей мужского пола посылают в оную одного представителя, что составит около 450 членов. Они избираются на два года.

Условия, чтобы быть представителем: совершеннолетие, здравие ума, непорочность перед законом и доверие избирателей. Чиновники, находящиеся на службе, не могут быть избраны ни в ту, ни в другую палату, — равно как и все те, которые приняли на себя казенные подряды и не очистили дел своих по оным. Обвинение чиновников предоставлено палате представителей. Народное вече собирается по крайней мере два раза в продолжение каждого *двух-летия*. Продолжение сих с'ездов неопределенно, но зависит от большего или меньшего числа занятий. Заседания обеих палат происходят при открытых дверях. По востребованию императора, всегда бывает тайное совещание в обоих палатах.

Закон принимается или отвергается большинством голосов. Ежели император не согласится на какой-либо закон, то он возвращает его с своими возражениями в ту палату, в которой возник сей закон.

Судная власть. Никакой судья и никакое судилище не имеет права толковать закон, ни решать случаи, им непредвиденные, одним словом не может присвоить себе законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или администра-
тивная, отделены также от судной.

Совестный судья может быть избран из всякого звания, лишь бы он был в совершенных летах, пользовался доверием жителей, имел постоянное пребывание в уезде, не находился в другой какой-либо службе и владел бы движимым или недвижимым имением не менее 2000 серебряных рублей, полагая умеренную собственность, трудом, промышленностью и бережливостью приобретенную, вернейшим залогом честности и бескорыстия судьи.

Никакая должность несовместима с званием совестного судьи. Он может однакож быть избран в представители и тогда по возвращении своем вступает опять в прежнюю должность.

Об областных судьях и уголовном суде. Областные судьи избираются *областными палатами* из списка особ, имеющих движимого или недвижимого имения ценою не

менее 15000 серебряных рублей. Они получают ежегодное вознаграждение равное 3000 серебр. рублей и остаются в сем званий до 70-ти лет, буде окажутся непорочными.

О верховных судьях и верховном судилище. Народное вече избирает 5 или 7 верховных судей, которые пребывают в сем звании до 70 лет, если окажутся непорочными. Они избираются из списка лиц, имеющих не менее 15000 рублей серебряных *имений*. Они получают ежегодно вознаграждения 10000 рублей серебром.

Местное управление. Областное. Для каждой области избирается народным вечем из числа кандидатов, представленных областными палатами, правитель областной на четыре года. Правитель должен быть из числа владельцев в той области, и иметь имения ценою не менее 60000 серебряных рублей — не моложе 30 лет.

Советники и наместник избираются областными палатами из числа областных жителей. Советники должны владеть имением не менее 15000 сер. рублей.

Правитель имеет право отсрочить заседания палат, но не более как на три месяца и созвать оные, когда они распущены.

ПРОЕКТ МАНИФЕСТА ДЕКАБРИСТОВ [1]

В манифесте Сената об'является:

1. Уничтожение бывшего правления.
2. Учреждение временного, до установления постоянного выборными.
3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.
4. Свободное отправление богослужения всем верам.
5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.
6. Равенство всех сословий перед законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

[1] Найден в бумагах князя С. П. Трубецкого.

7. Об'явление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом перед судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и пр., и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без из'ятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, в порядке выбора членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждается правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчинить все части высшего управления, т.-е. все Министерства, Совет, Комитет Министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательскую и не судебную. Для сей последней остается Министерство, подчиненное временному Правлению, но для суждения не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовной и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных, волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

14 ДЕКАБРЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

I [1]

Наконец, настало роковое 14-е декабря — число замечательное: оно вычеканено на медалях, с какими распущены депутаты народного собрания для составления законов при Екатерине II.

Это было сумрачное, декабрьское петербургское утро, с 8° мороза. До девяти часов весь правительствующий сенат был уже во дворце. Тут и во всех полках гвардии производилась присяга. Беспрестанно скакали гонцы во дворец с донесениями, где как шло дело. Казалось, все тихо. Некоторые таинственные лица показывались на Сенатской площади, в приметном беспокойствии. Часов в 10 на Гороховом проспекте вдруг раздался барабанный бой и часто повторяемое «ура!». Колонна Московского полка с знаменем, предводимая штабс-капитаном князем Щепиным-Ростовским и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула к сенату, где построилась в каре. Вскоре к ней быстро примкнули гвардейский экипаж, увлеченный Арбузовым, и потом баталион лейб-гренадер, приведенный ад'ютантом Пановым и поручиком Сутгофом. Сбежалось много простого народа, и тотчас разобрали по-

[1] Из записок декабриста В. И. Штейнгеля.

ленницу дров, которая стояла у заплота, окружающего постройки Исаакиевского собора. Адмиралтейский бульвар наполнился зрителями. Тотчас же стало известно, что этот выход на площадь ознаменовался кровопролитием. Князь Щепин-Ростовский, любимый в Московском полку, хотя и не принадлежавший явно к обществу, но недовольный и знавший, что готовится восстание против великого князя Николая, успел внушить солдатам, что их обманывают, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны итти к сенату. Генералы Шеншин и Фредерикс и полковник Хвощинский хотели их переуверить и остановить. Он зарубил первых и ранил саблею последнего, равно как одного унтер-офицера и одного гренадера, хотевшего не дать знамя и тем увлечь солдат. По счастию они остались живы.

Первою жертвою пал вскоре граф Милорадович, невредимый в столь многих боях. Едва успели инсургенты построиться в каре, как он показался скачущим из дворца в парных санях, стоя, в одном мундире и в голубой ленте. Слышно было с бульвара, как он, держась левою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывал ему: «об'езжай церковь и направо к казармам». Не прошло трех минут, как он вернулся верхом перед каре и стал убеждать солдат повиноваться и присягнуть новому императору. Вдруг раздался выстрел, граф замотался, шляпа слетела с него, он припал к луке, и в таком положении лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увещая солдат самонадеянностью старого *отца-командира,* граф говорил, что сам охотно желал, чтобы Константин был императором; но что же делать, если он отказался; уверял их, что он сам видел новое отречение, и уговаривал поверить ему. Один из членов тайного общества, князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа от'ехать прочь, иначе угрожал опасностью. Заметя, что граф не обращает на это внимания, он нанес ему штыком легкую рану в бок. В это время граф сделал вольт-фас, а Каховский пустил в него из пистолета роковую пулю, накануне вылитую. Когда у

казармы сняли его с лошади и внесли в упомяную квартиру офицера, он имел последнее утешение прочитать собственноручную записку нового своего государя, с из'явлением сожаления — и в 4-м часу дня его уже не существовало.

Тут выразилась вполне важность восстания, которою ноги инсургентов, так сказать, приковались к занимаемому месту. Не имея сил итти вперед, они увидели, что нет уже спасения назади. Жребий был брошен. Диктатор (кн. С. П. Трубецкой) к ним не являлся. В каре было разногласие. Оставалось одно, стоять, обороняться и ждать развязки от судьбы. Они это сделали...

Между тем, по повелениям нового императора, мгновенно собрались колонны верных войск к дворцу. Государь, не взирая на убеждения императрицы, ни на представления усердных предостерегателей, вышел сам, держа в руках 7-милетнего наследника престола, и вверил его охранению преображенцев. Эта сцена произвела полный эффект: восторг в войсках и приятное, многообещающее изумление в столице. Государь сел потом на белого коня и выехал перед первый взвод, подвинул колонны от экзерцир-гауза бульвара. Его величавое, хотя несколько мрачное, спокойствие обратило тогда же всеобщее внимание. В это время инсургенты минутно были польщены приближением Финляндского полка, симпатии которого еще доверяли. Полк этот шел по Исаакиевскому мосту. Его вели к прочим присягнувшим, но командир 1-го взвода, барон Розен, придя за половину моста, скомандовал *стой!* Полк весь остановился, и ничто уже, до конца драмы, сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мост, перешла по льду на Английскую набережную, и тут примкнула к войскам, обошедшим инсургентов со стороны Крюкова канала.

Вскоре после того, как государь выехал на Адмиралтейскую площадь, к нему подошел с военным респектом статный драгунский офицер (Якубович), которого чело было повязано черным платком, и после нескольких слов,

пошел в каре; но скоро возвратился ни с чем. Он вызвался уговорить *бунтовщиков* и получил один оскорбительный упрек. Тут же, по повелению государя, был арестован, — и понес общую участь осужденных. После его под'езжал к инсургентам генерал Воинов, в которого Вильгельм Кюхельбекер, поэт-издатель журнала «Мнемозина», бывший тогда в каре, сделал выстрел из пистолета и тем заставил его удалиться. К лейб-гренадерам явился полк. Стюрлер, и тот же Каховский ранил его из пистолета. Наконец, под'езжал сам вел. князь Михаил — и тоже без успеха. Ему отвечали, что хотят, наконец, царствования законов. И с этим поднятый на него пистолет, рукою того же Кюхельбекера, заставил его удалиться. Пистолет был уже и заряжен.

После этой неудачи, из временно устроенной на Адмиралтейских зданиях Исаакиевской церкви, вышел Серафим — митрополит, в полном облачении, со крестом в преднесении хоругвей. Подошед к каре, он начал увещания. К нему вышел другой Кюхельбекер, брат того, который заставил удалиться вел. князя Михаила Павловича. Моряк и лютеранин, он не знал высоких титлов нашего православного *смирения*, и потому сказал просто, но с убеждением: «отойдите, *батюшка,* не ваше дело вмешиваться в это дело». Митрополит обратил свое шествие к Адмиралтейству.

Когда, таким образом, совершился весь процесс укрощения мирными средствами, приступили к действию оружия. Генерал Орлов с полною неустрашимостью дважды пускался со своими конно-гвардейцами в атаку: но пелотонный огонь опрокидывал нападения. Не победя каре, он, однакож, завоевал этим целое фиктивное графство. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На северо-восточном углу Адмиралтейского бульвара появилась ultima ratio — орудия гвардейской артиллерии. Командующий ими, генерал Сухозанет под'ехал к каре и кричал, чтобы положили ружья, иначе будет стрелять картечью. В него самого прицелились ружьем, но из каре послышался презрительно повелительный голос: «Не троньте этого... он не стоит пули». Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакав к

батарее, он приказал сделать залп холостыми зарядами: но не подействовало! Тогда засвистали картечи; тут все дрогнуло и рассыпалось в разные стороны, кроме павших. Можно было этим уже и ограничиться, но Сухозанет сделал еще несколько выстрелов, вдоль узкого Галерного переулка и поперек Невы, к академии художеств, куда бежали более из толпы любопытных.

Войска были распущены. Исаакиевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многие огни, при свете которых всю ночь убирали раненых и убитых, и обмывали с площади пролитую кровь.

II [1]

Наконец наступило 14 декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял ген. Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича, где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии; об'яснив им словесно, каким образом по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому за его отречением нахожусь ближайшим в роде; за сим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича; за сим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге. — От двора повещено было всем, имеющим право на приезд, собраться во дворец к 11 часам.

В то же время Синод и Сенат собирались в своем месте для присяги. Вскоре за сим прибыл ко мне г. Милорадович с новыми увериями совершенного спокойствия. За сим был я у матушки, где его снова видел; и воротился к себе; приехал г. Орлов, командующий Конной Гвардией, с извещением, что полк принял присягу, поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. — Вскоре за ним явился

[1] Из записок Николая первого.

ко мне командов. гвард. арт. г.-м. Сухозанет, с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвард. кон. арт. офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва услышать удостоверение сего от Михаила Павловича (вел. князь), которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что ген. Сухозанет должен был их всех арестовать.

Но почти в сие же время прибыл, наконец, Михаил Павлович, которого я просил сейчас отправиться в артилл., для приведения заблудших в порядок: — спустя несколько минут после сего явился ко мне г.-м. Нейдгарт, начальник штаба гвард. корпуса и, войдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: «Государь, московский полк в полном восстании, Шеншин и Фредерикс (тогдашние бригадный и полковой командиры) — тяжело ранены, мятежники идут к сенату; я едва мог их опередить, чтобы вам сказать об этом; ради бога, прикажите преображенцам и конной гвардии идти на них».

Меня весть сия поразила, как громом, ибо с первой минуты я не видел в сем первом ослушании действие одного сомнения, которого всегда опасаются, но, зная, существование заговора, узнал в сем первое его доказательство. Разрешив 1 бат. Преображ. выходить, я дозволил конной гвардии седлать, но не выезжать; и к ним отправил г. Нейдгарта; послав в то же время г.-м. Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон, для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать? — и, перекрестясь, отдался в руки божии, решив сам идти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть *настоящее* положение наше в особенности от матушки, — и, зайдя к жене, сказал: В Московском шумят, я туда пойду. — С сим пошел на собственную лестницу; в передней найдя командира кавалергардского полка гр. Апраксина, велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве и строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вве-

ренные, вышли из повиновения. За мной шел ген. адм. Кутузов: с ним пришел я на дворцовую главную гауптвахту, в которую только что вступила 9-ая стрелковая рота л.-гв. Финляндского полка, под командой капитана Прибыткова; последний был в моей дивизии. Вызвав караул под ружье и приказав мне отдать честь, прошел по фронту и, спросив людей, присягнули ли мне и знают ли, от чего сие было и что по точной воле сие брата Константина Павловича, получил ответ, что знают и присягнули. За сим сказал я им: ребята, Московские шалят, не перенимать у них и свое дело делать молодцами — велел зарядить ружья; и сам скомандовал: дивиз. вперед, скорым шагом, марш! — повел отряд левым плечом вперед, к главным воротам дворца. В сие время разводили еще часовых и налицо была только остальная часть людей.

С'езд ко дворцу уже начинался и вся площадь усеяна была народом и перекрещивающимися экипажами. Многие из любопытных выглядывали на двор и одни из них вошли и кланялись мне в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтоб мне дали говорить. В то же время пришел ко мне ген. Милорадович и, сказав: — Дела идут плохо; они идут к сенату, но я с ними поговорю, — ушел, и я более его не видал, как, отдавая ему последний долг.

Надо было мне выиграть время, дабы дать войскам собраться; нужно было отвлечь внимание народа чем необыкновенным; — все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифест; все говорили, что нет, пришло мне на мысль, самому его читать, у кого-то в толпе нашелся экземпляр: я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый бог меня поддержал...

Наконец, Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1 батальон готов; приказав коменданту г.-л. Башуцкому остаться при гауптвахте и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу, прямо к бат.,

сбившемуся спиной к комендантскому под'езду, левым флангом к экзерциргаузу; батальоном командовал п. Микулин, а полком командовал полковник Исленьев, был при батальоне — батальон мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мной куда велю, получил в ответ громкое молодецкое «рады стараться!» — минуты, единственные в моей жизни, — никакая кисть не изобразит стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 батальона в свете, в столь критическую минуту...

В сие самое время услышали мы выстрелы и вслед засим прибежал ко мне ф.-а. Голицын, с известием, что ген. Милорадович смертельно ранен. — Народ прибавлялся со всех сторон, я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом, до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейдкнехта из конной гвардии Лодырева, с тем, чтоб полк скорее шел. Тогда же слышали мы — ура Константин — на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала...

В это время ген. Орлов привел конную гвардию, обогнув Исаакиевский собор и выехав на площадь между оным и зданием воен. мин., что тогда было домом Лобанова; полк шел в колонне и строился спиной к сему дому.

Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время ее мне доказать на деле. Ген. Орлову велел с полком идти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пересечь, ежели возможно, мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшихся до угла нынешнего Синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для сбора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более, как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии, правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов. Мятежники выстроены были

в густой неправильной колонне, спиной к старому Сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов; стреляли по ген. Воинове, но не успели ранить тогда, когда он, под'ехав, хотел уговаривать людей. Бибиков, директор канцелярии главного штаба, был ими схвачен и жестоко, избитый, от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводительствует толпой. Тогда отрядил я роту Преображенского полка, П. Исленьевым и младшим полковником Титовым, под командой капитана Игнатьева, через бульвар занять Исакиевский мост, дабы отрезать сообщение с той стороны с Васильевским островом и прикрыть фронт конной гвардии. Сам же с прибывшим ко мне ген. Бенкендорфом, выехал на площадь, чтобы рассмотреть положение мятежников; меня встретили выстрелами. В то же время послал я приказание всем войскам собираться ко мне на Адмиралтейскую площадь, и, воротясь на оную нашел уже остальную малую часть Московского полка с большею частью офицеров, которых ко мне привел Михаил Павлович.

Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности, поставил я их на самом углу, у забора, против мятежников...

Между тем, видя, что дело становится весьма важным и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру Долгорукому, приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам—Гвардейскому и Учебному. Не доехав еще до дома главного штаба, увидел в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров л.-г. полк, идущий толпой. Под'ехав к ним. ничего не подозревая, я пошел остановить людей и выстроить; но на мое *стой* отвечали мне: *мы за Константина,*—я указал им на Сенатскую площадь и сказал: *когда так,* то вот вам дорога, и вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска и присоединилась без препятствий к своим одинако заблужденным товарищам.

С того времени, когда я ездил к Измайловскому полку, прибыл требованный мной митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом; почтенный пастырь с одним иподиаконом вышел из церкви и, положа крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, если не удалится. Михаил Павлович предложил мне под'ехать к толпе, в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился и для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но, желая испытать все способы, я согласился на сию меру и отпустил брата, придав ему ген. Левашова; но и его увещания не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники *им мешали*.

Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целиться в брата, что три матроса ему не дали совершить. Брат воротился к своему месту, а я, об'ехав кругом собора, прибыл снова к войскам, с той стороны бывшим, и нашел прибывшим Егерский полк, который оставил на площади, против Гороховой, за пешей артилл. бригадой. Погода из довольно свежей становилась холодной, снегу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 ч. пополудни. Шум и крик делался настойчивее; и частые ружейные выстрелы многих в конн. гвардии перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх. Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития.

В это время сделали по мне залп, пули просвистели мне через голову и, к счастью, никого из нас не ранили; рабочие Исакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленами; надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении. Я согласился испробовать атаковать кавалериею, конная гвардия первая атаковала по-эскадронно, но ничего

не могла произвести и по темноте, и от гололедицы, но в особенности,—не имея отпущенных палашей; противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне, многих тяжело ранили, в том числе ротм. В. лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха. Тогда ген. Васильчиков, обратившись ко мне, сказал: — Государь, нельзя терять ни минуты, ничего нельзя поделать, нужна картечь. — Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру! Меня ужас об'ял: — Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый же день моего царствования! — отвечал я Васильчикову.— Чтобы спасти вашу империю! — сказал он мне. Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно *все;* или, *пощадив* себя, жертвовать решительно государством. Послав одно орудие 1 легкой пешей батареи к Михаилу Павловичу с тем, чтоб усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их перед Преображенским полком, велев зарядить картечью; орудиями командовал ш.-к. Бакунин. Вся во мне надежда была, что мятежники устрашатся таких приуготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее.

Наконец, послал я Сухозанета об'явить им, что ежели сейчас не положат оружие, велю стрелять; ура и прежние восклицания были ответом, и вслед за этим залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал: пли! Первый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники ответили неистовым криком и беглым огнем; второй и третий выстрел от нас — и с другой стороны, из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной, на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелам из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала. Велев артиллерии взять на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через пло-

щадь, тогда как гв. кон. эскадрон и часть кон. гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начало было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли, и осталось собирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на ген. Бенкендорфа с 4 эскадронами конной гвардии и конно-пионерным эскадроном под командой ген. Орлова на Васильевском острову и 2 эскадронами конной гвардии на сей стороне Невы.

III[1]

В 1 часу 14 числа на площади против дворца выстроены были конногвардейцы и кавалергарды. Государь принимал звание шефа. В это самое время два батальона лейб-гренадерского полка под ружьем проходят через площадь. Государь приказывает им остановиться. Они идут в молчании к Сенату и соединяются с двумя ротами Московского полка, не согласившегося отрещись от присяги, данной Константину. Государь поручает Милорадовичу уговорить бунтовщиков. Граф едет, вступает в каре неприятелей; все солдаты делают ему честь, уже граф начинает свое увещание, как вдруг князь Оболенский пистолетным выстрелом наносит ему смертельную рану, и храбрый генерал, которого щадили пули неприятельские, скончался в ночь на 15 число. Вслед за графом было послано и несколько парламентеров. Они, частью невредимы, частью раненые, возвращались без успеха. К бунтующим присоединился весь гвардейский экипаж, несколько статских чиновников, сочинителей, журналистов и черни, с ножами, тесаками и пистолетами. Буйные изверги оглашали воздух беспрестанными возгласами: да здравствует Константин! Митрополит с несколькими духовными особами хотели внушить в сердца их страх божий; но сам, устрашившись свиста пуль, пролетевших мимо него и сразивших проводника его, полковника Стюрлера, на извощике спасся от врагов неукротимых. Частный пристав Александров был прибит до полусмерти, и одного рядового жандарма в моих глазах за-

[1] „Русский Архив“ за 1899 г. № 2.

колол штыком унтер-офицер Московского полка. Ужас овладел зрителями сего происшествия; весь С.-Петербург стекался на площадь, и первая Адмиралтейская часть вмещала в себе до 150-ти тысяч человек. Знакомые и незнакомые, приятели и враги забывали свои личности и, собираясь в кружки, рассуждали о предмете, поразившем их взоры.

В 3 часу император, видя тщетность намерения своего обратить бунтующих на путь истины, решается принудить к тому силою. Преображенский полк, рядами, занимавшими всю широту Адмиралтейского бульвара, а конногвардейцы, по площади, мимо присутственных мест, идут к монументу Петра Великого, стараются стеснить своих соперников; но последние, приткнувшись к стене Сената, открывают залп из ружей. Несколько раненых и убитых конногвардейцев были отнесены на плащах в ближайшие домы. Защитники царя еще не имели приказания стрелять и сделали шаг назад. Между тем, посылают за артиллериею, привозят пушки, зарядные ящики, убийственные оружия, бросают тучи картечи. Враги отпаливают из ружей, Исаакиевская площадь покрывается телами: и зашитники царевы, и бунтовшики, и любопытные — в числе жертв возмущения. Наконец, бунтовщики разбегаются или на Васильевский остров или в Коломну. Ночь сокрыла их, сокрыла следы кровопролития, и народ спешит в дома свои.

В 7 часов вечера я отправился домой, и вот необычайное в С.-Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят пикеты, у всякого пикета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики проходящих, оклики часовых, пушки, обращенные жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнаженных мечах кавалергардов и треск горящих дров, все это было наяву в столице. Когда же ночь задернула завесу свою, и тут простреленные стены Сената, выбитые рамы частных домов по Галерной улице, были мертвыми свидетелями вчерашнего происшествия. Ночные патрули захватили главных зачинщиков бунта и их последователей, крепость наполнилась арестантами. Иные

были убиты во время перепалки, и тела их брошены в море; прочие скрываются, но, вероятно, не останутся без должного возмездия. Теперь спокойствие восстановилось, все солдаты присягнули и об'явлены невинными.

IV [1]

На общих совещаниях, бывших преимущественно у Оболенского и Рылеева, как тогдашних директоров Северного тайного общества, по соображении данных обстоятельств в тогдашнее время, предназначено было привести в исполнение общий план следующим образом:

Начать восстание с Гвардейского экипажа, Московского и Лейб-Гренадерского полков. Этим войскам, как вполне надежным, открыть и настоящую цель переворота.

Гвардейский экипаж, взяв свои орудия, должен был отправиться в казармы Измайловского полка, с которым состоял в одной бригаде и был дружен. Своим появлением он должен был заставить Измайловский полк об'явить себя также на стороне восстания, чего тем легче было ожидать, что этот полк особенно не любил великого князя Николая Павловича и что из числа офицеров очень многие были членами тайных обществ.

Московский полк по произведении восстания должен был явиться пред полки Семеновский и Лейб-Егерский, которых казармы находились вблизи Московского полка, и заставить их перейти на сторону восстания.

Финляндский полк надеялись побудить к восстанию самостоятельно, так как в этом полку было достаточно между офицерами членов общества и, притом, очень энергических.

Все эти войска должны были итти к Сенату, в котором были бы собраны тогда сенаторы для принесения новой присяги. Окружив Сенат, они должны были заставить сенаторов издать манифест, об'являющий о перемене правления и назначении регентства. Во всяком случае, согласился ли бы

[1] Из записок декабриста Д. И. Завалишина.

Сенат или нет, положено было издать манифест от его имени. Между тем, Лейб-Гренадерский полк должен был по восстании отрядить один баталион для занятия крепости, где находился и монетный двор и где хранился только что полученной от займа запас монеты. В занятии крепости не предвиделось никакого препятствия, потому что и караул там был от того же полка, а через это занятие тайное общество не только имело в своем распоряжении казну, но и господствовало крепостными орудиями над дворцом и всем городом. Два другие баталиона должны были по пути забрать с собою и пешую и конную артиллерию и также явиться на сборное место пред Сенатом, заставя, если можно, присоединиться к себе и Кавалергардский полк.

Не находящиеся в строю члены общества, как военные, так и гражданские из служащих, равно как и все неслужащие, должны были поддерживать связь между движением, развозя приказания и доставляя сведения одним о других.

Во всех официальных донесениях и рассказах партизанов правительственные стороны старались представить движение 14-го декабря и участие в нем войск ничтожным. Это была положительная ошибка с их стороны, годная разве на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей восстания. К несчастию их, беспристрастие истории заставляет сказать, что силы, находившиеся в их распоряжении, были огромные, действия солдат и второстепенных деятелей за малым исключением не оставляли желать ничего лучшего, но действия главных распорядителей, Трубецкого, Рылеева и Оболенского, были до того дурны и слабы, что они проиграли дело, несмотря на то, что и с правительственной стороны были сделаны всевозможные ошибки, так, что я всегда говорил, что 14-го декабря обе стороны играли как бы в *«поддавки»*. Кроме того, уменьшать число участников восстания в гвардии уже потому не имело смысла, что все перевороты, совершавшиеся в Петербурге, всегда производимы были ничтожным числом, а при том настроении, какое было 14-го декабря, удачное действие и небольшого числа сначала непременно дало бы решительный оборот делу. К

несчастию, вышло так, что решимость была в войске и второстепенных деятелях, а неуверенность и колебание сообщились от главных распорядителей, между тем как при разумном и энергическом образе действия успех был бы несомненным. Положительно можно сказать, что противная сторона могла рассчитывать только на два баталиона: на первый баталион Преображенского полка, да на Саперный, и то на отрицательное только их действие, как опыт и доказал относительно Саперного баталиона, который, если не перешел на сторону восстания, то и не осмелился сопротивляться ему.

Положено было выйти в боковые ворота, как для того, чтобы избежать всякого столкновения с начальниками, стоявшими у главных ворот, так и в соответствие плану, по которому следовало итти в Семеновский и Егерский полки. Между тем, первая рота, сопровождавшая знамена и бывшая на стороне восстания, не знала об участии в восстании всего полка: и потому, когда князь Щепин-Ростовский, выйдя навстречу ей, захотел сам взять знамя своего баталиона, то она знамени не отдавала, не зная, участвует ли он в восстании. Солдаты баталиона Щепина бросились помогать ему, чтобы отнять у первой роты свое знамя, и в этой суматохе, наступая на роту и надвигаясь на нее, миновали боковые ворота, так что когда недоразумение разъяснилось, то подошли уже к главным воротам, где стояли дивизионный и полковой командиры, которые, разумеется, старались остановить полк. И как они не слушались увещаний итти прочь и не мешать движению, то Щепин нанес им раны, и полк прорвался чрез главные ворота, не думая, что уже много потерял времени и, получив известие (от кого, с точностью после доискаться не могли), что будто бы другие полки находятся уже на Сенатской площади, устремился туда, вместо того, чтобы итти в Семеновский и Егерский полки и присоединить и их к себе.

В это же время и в Лейб-Гренадерском полку, по нерешительности действия вследствие неявки главных распорядителей восстания, начальники уже успели привести полк к присяге Николаю и распустить по ротам, чрез что воз-

будить полк к восстанию стало уже несравненно труднее, нежели как когда он был в общем сборе. И если офицерам и удалось это, то только уж по частям, так что разрозненное действие неизбежно потеряло и единство цели и силу. Там тоже произошло столкновение с начальством, старавшимся удержать полк, отдельные части которого, вместо исполнения начальных распоряжений, поспешили также прямо на площадь из опасения, что уж опоздали.

Несмотря на все это, от действий этого полка мог бы все-таки быть большой успех, если бы хоть в эту минуту явились разумные распоряжения главных распорядителей восстания, чтобы воспользоваться движением. Сутгоф со своей ротой вошел беспрепятственно в крепость. Но вместо того, чтобы остаться в ней и дождаться, по крайней мере, хоть одного баталиона для прочного занятия крепости и тем приобрести важную опорную точку не только для успеха дела, но даже и на случай неудачи в начале, так как это давало возможность держаться в крепости до прибытия подкреплений из военных поселений, Сутгоф, не получив соответственно этому приказания, прошел только через крепость и поспешил на Сенатскую площадь; а когда явился вслед за ним Иванов с остальными солдатами полка, то комендант догадался уже запереть ворота, и полк не мог проникнуть в крепость.

Но несмотря однако же на то, и это движение все-таки могло сделаться очень важным, если бы главные распорядители были на лицо и сумели им воспользоваться, потому что Панов, обойдя крепость, перешел Неву и вступил беспрепятственно во дворец. Ни Саперный баталион, расположенный внутри на дворе, ни стоявший в тот день караул на главной гауптвахте не оказали ни малейшего сопротивления. Лейб-гренадеры, не встречая никакого препятствия, могли свободно подняться в жилые и парадные комнаты, где были тогда и Сенат, успевший перейти из своего здания во дворец, и государственный совет и почти все члены правительства, и, следовательно, могли захватить всех; но получив приказание спешить на Сенатскую площадь, вышли в другие ворота. Толпа, стоявшая перед дворцом, около но-

вого государя, расступилась, и лейб-гренадеры без всякой помехи соединились со своими товарищами: с Московским полком и Гвардейским экипажем, стоявшим на площади.

Между тем, гвардейская конная артиллерия, прождавши напрасно появления какого-нибудь себе прикрытия и не получая никакого пояснения о причинах замедления, сделала самостоятельную попытку к восстанию, но офицеров арестовали, а соладт заперли в казармы. В то же время и один баталион Финляндского полка вышел было из казармы, но также, не получая дальнейших приказаний, воротился в казармы.

Что же делали в это время люди, принявшие на себя или присвоившие себе главное руководство восстанием? К прискорбию надо сказать, что одни вели себя недостойным образом, другие поступали чисто по-ребячески: Трубецкой спрятался в доме своего зятя, австрийского посланника; Рылеев поехал его отыскивать вместо того, чтобы немедленно сделать назначение другого распорядителя военными действиями; где был Якубович — никто не знал, а Оболенский, чтобы успокоить графиню Коновницыну, уехал узнавать, что сделалось с ее сыном, одним из арестованных конно-артиллерийских офицеров. Приехав в конно-артиллерийские казармы, Оболенский нашел всех солдат безоружными и загнанными в одну казарму, а полковника — стоящего с обнаженной саблей у дверей. Полагая, что Оболенский привез приказание от корпусного командира, полковник сделал несколько шагов вперед, навстречу Оболенскому, а солдаты между тем, увидя его, стали подвигаться к дверям и знаками спрашивали его, что делать? Полковник, заметив, что внимание Оболенского обращено вовсе не на него и что он ему ничего не говорит, а, может быть, и услыша шум позади себя, быстро обернулся и, увидя солдат, почти уже подступивших к дверям, бросился на них с саблей. Оболенский же в это время сел в экипаж и ускакал.

Таким образом главные распорядители восстания не сумели присоединить к нему ни одну из частей войск, даже из наилучше расположенных принять в нем участие, и оно ограничилось поэтому Гвардейским экипажем, Московским

и Лейб-Гренадерским полками. Со всем тем истинное расположение гвардии все-таки чрезвычайно сильно выразилось в отрицательных, так сказать, действиях. Ни одного из пехотных полков, ни артиллерию гвардии не могли двинуть против восставших войск. Измайловский полк с большими усилиями довели до выхода на площадь, где он и остановился и не двигался с места; Финляндский полк был остановлен подпоручиком Розеном у Исаакиевского моста. Атака конно-гвардейского полка была сделана вяло, как бы по молчаливому условию с той и другой стороны не вредить друг другу. На стороне правительства не было артиллерии. Нерешительность была видна у руководителей как восстания, так и правительства; начали и тянулись бесплодные попытки переговоров и увещаний. В это время войска с обеих сторон стояли в бездействии и крепко зябли. Народ толпою в несколько десятков тысяч человек, видимо, принимал сторону восстания, смеялся и ругался над противною стороною и просил, чтобы вели его на арсенал и дали ему ружья. Во многих рассказах утверждали, что солдаты были пьяны, но это чистая клевета. Большая часть еще не успели и пообедать, и скорее можно было упрекнуть руководителей восстания именно в том, что, держа солдат столько времени на ногах, не позаботились подкрепить их пищею и водкою.

КОНЕЦ 1825 ГОДА НА ЮГЕ

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА [1]

Расскажу, что видел и что знаю о восстании в 1825 году Черниговского полка.

Осенью 1825 года получил отпуск князь Сергей Петрович Трубецкой, штаб-офицер при 4-м пехотном корпусе. Брат Сергей Иванович приехал в Киев просить от'езжающего в Петербург князя Трубецкого, чтобы он всеми силами воспрепятствовал там всякой попытке к восстанию, предвидя лишь напрасные жертвы.

В конце декабря Павел Иванович Пестель известил брата о кончине императора и о двух доносах, сделанных еще при его жизни.

В декабре 1825 года Михаил Павлович Бестужев-Рюмин узнал о смерти своей матери, нежно им любимой. Сочувствуя его горю, брат мой хотел попытаться выхлопотать ему отпуск. Бестужев бывший офицер старого Семеновского полка, как и все его сослуживцы, переведен был в армию вследствие Семеновской истории. Известно, что, по распоряжению высшего правительства, воспрещено было представлять их к повышению в следующий чин, и что они лишены были права проситься в отпуск и выходить в отставку.

[1] Из книги „М. И. Муравьев-Апостол. Воспомина ия письма". Ред. С. Я. Штрайха. Петр. 1922 г.

Второй батальон Черниговского пехотного полка, коим начальствовал Сергей Иванович и в коем он вывел из употребления телесные наказания, считался образцовым во всем 3-м пехотном корпусе. Генерал Рот, корпусный командир, до того благоволил к брату, что два раза представлял его в полковые командиры.

22 декабря 1825 года брат отправился в корпусную квартиру с целью выхлопотать отпуск Бестужеву. На последней станции, не доезжая до Житомира, мы получили (я сопутствовал брату) от сенатского курьера, развозившего присяжные листы, первое известие о деле 14-го декабря.

По приезде в Житомир, брат поспешил явиться к корпусному командиру, который подтвердил слышанное от курьера. Об отпуске Бестужеву нечего уже было хлопотать. Рот пригласил брата отобедать у него. Во время стола не было другого разговора, кроме как о Петербургском событии; поминали о смерти графа Михаила Александровича Милорадовича. Когда брат возвратился на квартиру, коляска была готова и мы поехали обратно в Васильков, через Бердичев. На пути заехали к Петру Александровичу Набокову, бывшему Семеновскому офицеру, назначенному до Семеновской истории, командиром полка 8-й пехотной дивизии. Мы не застали Набокова дома, он отлучился по делам службы. В Троянове заехали мы к Александру Захаровичу Муравьеву, а потом в Любаре к брату его Артамону Захаровичу. Ночью в Бердичеве переменили лошадей и поехали дальше.

Не доезжая до Василькова, мы остановились в Трилесье, месторасположении пятой мушкетерской роты, числившейся в братнином батальоне. Она не возвращалась еще из Василькова, куда ходила по случаю второй присяги. В Трилесье мы остановились на квартире А. Д. Кузьмина, командира 5-й роты.

Бестужев прискакал в Трилесье с уведомлением о том, что, во время отсутствия брата, жандармы приезжали из Петербурга и что, не найдя его в Василькове, забрали все его бумаги и поехали в Житомир. Мы узнали от Бестужева, что петербургские жандармы ждали брата, чтобы его задержать, и что в ту самую ночь, когда мы переменяли лошадей,

Бердичев был оцеплен войском, и на всех выездах стояли часовые.

В ночь с 28-го на 29-е декабря, командир Черниговского полка Гебель, с жандармским капитаном Лангом, гнавшиеся за братом от самого Житомира, настигли его в Трилесье.— После нескольких бессонных ночей, проведенных в дороге, раздевшись, брат лег спать. Гебель просил нас одеться, чтобы выслушать высочайшее повеление. Оно заключалось в том, чтобы нас арестовать и препроводить в Петербург.

Мы пригласили Гебеля напиться чаю, на что он охотно согласился. Пока мы сидели за чаем, наступил день. Кузьмин с своей второй ротой возвратился из Василькова. Вместе с ним прибыли все ротные командиры второго батальона Черниговского полка, чтобы наведаться о своем батальонном начальнике.—Гебель занялся расстановкою часовых вокруг хаты и поставил по два человека против каждого окошка хаты. Возвратившись в комнату и обращаясь к офицерам с тоном угрозы, он спросил их, что они тут делают.—Кузьмин отвечал ему, что он у себя на квартире.—«Как вы смели говорить с арестантом?» — Такая неуместная выходка Гебеля возбудила в офицерах взрыв негодования. Кузьмин подошел к нему и, грозя пальцем, напомнил, сколько раз Сергей Иванович выручал его из беды. Гебель не выдержал укоров, вышел из комнаты; офицеры пошли за ним. Вскоре послышались громкие возгласы, крики.

Пятая рота, узнав об освобождении из-под ареста своего батальонного командира, приветствовала его громким криком: ура. Брат приказал солдатам разойтись по своим квартирам, собрать свои пожитки и готовиться к походу.

Обстоятельства так сложились, что восстание, непредвидимое, не приготовленное, было уже совершившимся фактом, вследствие грубого, базрассудного обхождения Гебеля с офицерами, уважения которых не умел он снискать. Солдаты ненавидели его, сочувствовали своим офицерам, питали к ним полное доверие, а тем более к Сергею Ивановичу. Они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Офицеры, нарушившие закон военного повиновения, ожидали его решения. Покинуть их — значило бы отказаться разделить с ними горькую участь, их ожидав-

шую. Брат решился итти в поход для соединения с 8-ю пехотною дивизиею, расположенной за Житомиром. В 8-й пехотной дивизии находились многие члены Тайного союза и Общества Соединенных Славян. В числе первых считалось несколько полковых командиров, на содействие которых можно было положиться: несколько рот старого Семеновского полка переведены были в эту дивизию и вполне доверились брату. Офицеры пешей 8-й артиллерийской бригады, когда до них дошла весть о смерти государя, дали знать Сергею Ивановичу, что у них все готово к походу и лошади подкованы на зимние шипы. К тому же надежда, что восстание на юге, отвлекая внимание правительства от товарищей — северян, облегчит тяжесть грозившей им кары, как бы оправдывала в его глазах отчаянность его предприятия; наконец и то соображение, что, вследствие доносов Майбороды и Шервуда, нам не будет пощады, что казематы те же безмолвные могилы; все это, взятое вместе, посеяло в брате Сергее Ивановиче убеждение, что от предприятия, повидимому, безрассудного, нельзя было отказаться и что настало время искупительной жертвы. Рота выступила из Трилесья. Ночлег наш был в селе Спидинки. 30 декабря, около третьего часа пополудни, роты дошли до Василькова. Против нас была выставлена цепь стрелков. Когда рота подошла к ней на такое расстояние, что можно было разглядеть лица солдат, стрелки с криком: ура! соединились с своей пятой ротой и вместе с ней вступили в Васильков. По вступлении в город брат принял следующие меры: освободил из-под ареста М. А. Щепилу, барона Вениамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова, возвратившихся накануне из Трилесья; усилены были караулы у острога и у казначейства; наряжен был оберегательный караул к дому, занимаемому Гебелем; отдан был приказ на всех заставах никого не впускать в город и не выпускать из него, без ведома и разрешения брата. Ночь прошла спокойно. Несколько офицеров, ехавших в отпуск или возвращавшихся в свои полки, являлись к Сергею Ивановичу и без задержки отправлялись далее. Проезжий жандарм задержан был ночью. 31-го декабря, второй батальон Черниговского полка, в полном своем составе, рано утром соединился в Василькове; две

роты первого батальона присоединились тоже к нам. После продолжительного колебания полковой священник Черниговского полка согласился отслужить молебен и прочесть перед фронтом катехизис, составленный братом. В нем излагались обязанности воина в отношении к богу и отечеству.

Роты, помолившись, готовились выступить из Василькова; тут под'езжает почтовая тройка, и брат Ипполит бросается в наши об'ятья. Ипполит только что выдержал блестящий экзамен, был произведен в офицеры генер. штаба и определен во вторую армию. Напрасно мы его умоляли ехать далее в Тульчин, место его назначения: он остался с нами.

31-го декабря прибыли мы в с. Мотовиловку, где у нас была дневка, по случаю нового года.

2-го января 1826 года брат Сергей Иванович намеревался направиться на Бердичев, чтобы воспользоваться лесистою местностью. Узнав, что 18-й егерский полк, расположенный в Белой Церкви, выставлен против нас, он свернул в Житомир, кратчайщею дорогой, через Трилесье.

3-го января 1826 года, на привале мы узнали, что кавалерийский отряд с конно-артиллерийской ротою загораживает путь в Трилесье. Всеобщая радость: конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член тайного союза. В 1860 г., жительствуя в Твери, я только тогда узнал, что Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован. Мы снялись с привала, построились в ротные колонны и пошли далее. Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалериею. Отряд, пушки в виду. Мы подвигаемся вперед. Раздается пушечный выстрел, за ним второй, ядро пролетело над головами. Мы все шли вперед. Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало, одни убитыми, другие ранеными, в числе первых начальник шестой мушкетерской роты, штабс-капитан Михаил Алексеевич Щепила. Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти свою команду от неминуемой погибели и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинуясь ему, не понимали с каким намерением начальник остановил их на походе. Сергей Иванович им сказал, что виноват перед ними,

что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, пораженный картечью. Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета.

Нас рассадили в сани; пришлось нам проехать мимо наших солдат, которые с соболезнованием смотрели на брата. Ни у кого из них на лице не проявилось ни малейшего знака укора. После нашего от'езда, кавалерия обступила Черниговских солдат.

В Трилесье нас поместили в корчму, приставив к нам караул из белорусских гусар. У брата рана не была перевязана и нечем было перевязывать. Вещи наши, и белье, и прочее, расхищены гусарами.

Наступила ночь, подали огонь. Кузьмин, лежавший на соломе против меня, просил меня подойти к нему. Я ему указал на раненую голову брата, лежавшую на моем плече. Кузьмин с видимым напряжением подполз ко мне, передал рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своих, простился дружелюбно со мною, дополз до своей соломы, и тут же, лежа, застрелился из пистолета, спрятанного в сюртучном рукаве у него. Кузьмин скрыл от нас полученные им две картечные раны, одну в бок, другую в левую руку. От выстрела, сделанного Кузьминым, с братом повторился обморок, которому он уже несколько раз до того подвергался, вследствие потери крови из неперевязанной раны.

Утром 4 января 1826 г. рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь. Сначала начальник конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить нам проститься с братом нашим Ипполитом, потом повел нас к нежилой, довольно пространной хате. На полу лежали голые тела убитых, в числе их и брат наш Ипполит. Лицо его не было обезображено пистолетным выстрелом; на левой щеке под глазом заметна была небольшая опухоль, выражение лица было гордо-спокойное. Я помог раненому брату Сергею стать на колени; поглядели на нашего Ипполита, помолились богу и дали последний поцелуй нашему убитому брату.

Меня посадили в сани вместе с раненым братом. Дорогою мы утешали себя мыслью, что и в Сибири, где бы ни были брошены, мы будем неразлучно вместе. Молодой мариупольский гусарский офицер, который был посажен на передке наших саней, без вызова на разговор с нашей стороны, заговорил о своем и о своих сослуживцев сочувствии нам.

В Белой Церкви нас разместили по разным хатам и лишили меня тем последнего, как бы сказать, утешения — ухаживать за раненым братом Сергеем Ивановичем [1].

КАТЕХИЗИС И ВОЗЗВАНИЕ МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

Православный катехизис

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. Что значит веровать в бога?

Ответ. Бог наш Иисус христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веро-

[1] В обширной литературе воспоминаний и свидетельств современников о декабристах нет ни одного отрицательного отзыва С. И. Муравьеве-Апостоле. Все знавшие его, единодушно восхваляют его высокие нравственные качества, говорят о его любви к солдатам. Главным образом, благодаря ему были выведены из обихода солдатской жизни телесные наказания в Семеновском полку. Также благотворна и полна любовного участия к солдатам была деятельность С. И. Муравьева-Апостола после восстания Семеновского полка в 1820 году. С. В. Скалон, в своих воспоминаниях, оставила трогательную характеристику С. И. Муравьева-Апостола. Приведу из нее краткие выдержки: «С. И. был сослан (в Бобруйск после истории 1820 года) за излишнее стремление его к добру, за свои человеколюбивые поступки с солдатами... Я имела случай оценить и ум, и благородство, и возвышенные чувства этого редкого человека... После службы в гвардии, где умели ценить его достоинства, отдавая полную справедливость его уму и добрым качествам души его, он брошен был в Бобруйск, в страшную глушь, к необразованному и почти всегда пьяному полковому командиру... Матвей Иванович страстно любил своего брата, гордился им... Все его обожали... Он всегда все улаживал и всех примирял...» С. Ш.

вать в бога, значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без свободы нет счастия. Святый апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам.

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воли божией?

Ответ. Да, конечно, бог наш рек: болий в вас да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воли божией?

Ответ. Нет! Христос сказал: не можете богу работати и мамоне; от того-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос. Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и несчастия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли — Иисус христос.

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: блаженни алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, и низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос. Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. Стало быть, бог не любит царей?

Ответ. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый желающий знать суд божий о царях, книги царств главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей перед очима Самуиловыма, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но мене уничтожиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие будет правда царева: сыны ваша возьмет и дщери ваша возьмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему рабы и возопиете в день он от лица царя вашего, егоже избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя... И так избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус христос.

Вопрос. Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ. Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его, не призывая в суе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус христос изрек: аз же глаголю вам, не клянитеся всяко, и так всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащей ему единому.

Вопрос. От чего упоминают о царях в церквах?

Ответ. От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящии не меньше глаголят, якоже язычники.

Вопрос. Что же, наконец, подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо

на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

Воззвание

Бог умилосердился над Россиею, послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасенье. Братья! раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус христос.

Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. От ныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния, и без распрей междоусобных, установим правление народное, основанное на законе божием, глася-щем: да первый из вас послужит вам.

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет.—И так, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстанавливающих во всем блеске храмы господни.

ПЕСНЯ О ВОССТАНИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА [1]

Что ни ветер шумит во сыром бору—
Муравьев идет на кровавый пир.
С ним Черниговцы идут грудью стать,

[2] Составлена М. А. Бестужевым в 1829 году.

Сложить голову за Россию-мать!
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко—
Смерти ночь легла в поле бранное...
Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь мой, конь! скачи в святой Киев-град;
Там товарищи, там мой милый брат.
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не не мог купить кровью вольности!»

НИКОЛАЙ I и ДЕКАБРИСТЫ

ЦАРЬ-СЫЩИК [1]

Первые дни, первые месяцы своего царствования император всероссийский Николай Первый всю энергию, все способности своего духа употребил на розыски по делу декабристов. Всю жизнь в нем крепко и прочно сидел сыщик и следователь, вечно подозрительный и выслеживающий, вечно ищущий, кого бы предать суду и наказанию. Но в первые месяцы царствования эта основная сущность его души раскрылась с необычайной полнотой и зловещей яркостью. В это время в России не было царя-правителя: был лишь царь-сыщик, следователь и тюремщик. Вырвать признания, вывернуть душу, вызвать на оговоры и изветы — вот священная задача следователя; и эту задачу в конце 1825 и в 1826 годах исполнял русский император с необыкновенным рвением и искусством. Ни один из выбранных им следователей не мог и сравниться с ним. Действительно, Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им и только им на первых же допросах. Без отдыха, без сна он допрашивал в кабинете своего дворца арестованных, вынуждал признания, по горячим следам давал приказы о новых арестах, отправлял с собственноручными записками допрошенных в крепость и

[1] Из книги П. Е. Щеголева „П. Г. Каховский".

в этих записках тщательно намечал тот способ заключения, который применительно к данному лицу мог привести к обнаружениям, полезным для следственной комиссии. За ничтожнейшими исключениями, все декабристы перебывали в кабинете дворца, перед ясными очами своего царя и следователя. Первые сообщения по делу каждый из них делал ему или генералу, сидевшему перед кабинетом, снимавшему допросы и тотчас же докладывавшему их государю. Иногда государь слушал эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

Одного за другим свозили в Петербург со всех концов России замешанных в деле и доставляли в Зимний дворец. Напряженно волнуясь, ждал их в своем кабинете царь и подбирал маски, каждый раз новые для нового лица. Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, для других — таким же гражданином отечества, как и арестованный, стоявший перед ним; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для четвертых — монархом, готовым произнести конституционные заветы; для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страстно жаждущим исправления всех зол. А он на самом деле не был ни тем, ни другим, ни третьим: он просто боялся за свое существование и неутомимо искал всех нитей заговора с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться.

Внешними средствами, находившимися в его распоряжении, Николай Павлович воспользовался сообразно с обстоятельствами. Он знал, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать так, чтобы он говорил, почти не останавливаясь.

С величайшим любопытством следишь за изменениями в приемах Николая Павловича.

К наивному молодому офицеру, пажу ее величества Гангеблову, Николай Павлович подходил с ухватками ласковой кошки. «Что вы, батюшка, наделали?.. Что вы это только наделали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?»... — говорил он ему. И, взяв Гангеблова под руку, не сводя с глаз пристального взора, он водил его по зале: «Я с вами откровенен, платите и вы мне тем же» и т. д. И все эти обо-

роты для того, чтобы выудить признание в принадлежности к обществу.

С трепещущим от страха Ф. Н. Глинкой царь обошелся иначе. «После подробного вопрошения, сделанного им прозорливым испытателем в императорском дворце, государь с неиз'яснимым благоволением изволил сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоен: будь покоен». И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывал целые листы со всевозможными подробностями об обществе.

Николая Бестужева царь принял ласково и, заметив в нем чувства страстной любви к отечеству, сказал ему: «Вы знаете, что все в моих руках, что могу простить вам, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, готов простить вам».

Со Штейнгелем, отцом не малочисленного семейства, человеком не молодым, Николай обошелся иначе, да так, что он на всю жизнь не забыл подробностей своей встречи с царем. «Штейнгель, и ты тут?» — сказал государь. — «Я только был знаком с Рылеевым», — отвечал я. — «Как ты родня графу Штейнгелю?» — «Племянник его и ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах; и мог ли участвовать, имея детей!» — «Дети ничего не значат, —прервал государь, — твои дети будут мои дети! Так ты знал о их замыслах?» — «Знал, государь, от Рылеева». — «Знал и не сказал, не стыдно ли?» — «Государь, я не мог и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецом!» — «А теперь как тебя назовут?» — спросил государь саркастически, гневным тоном. Я нерешительно взглянул в глаза государя и потупил взор. «Ну, прошу не прогневаться, ты видишь, что и мое положение не завидно», сказал государь с ощутительною угрозою в голосе и повелел отвести в крепость. Одно воспоминание об этой минуте, чрез столько лет, приводит в трепет. «Твои дети будут мои дети» и это «прошу не прогневаться» казались мне смертным приговором. *С этой минуты я был уже не в нормальном положении*». В другом месте своих записок Штейнгель не без иронии пишет: «Гнев еще преобладал в государе: укоризны, сарказмы напоминали слова царя-пророка: «прошение царево подобно рыканию льва», и заставляли сожалеть о за-

бытии продолжения этих слов: «яко трава злаку, тако тихость есть».

— Говорите всю правду, — сказал Николай Павлович Басаргину перед допросом, — а если скроете что-нибудь, то пеняйте на себя.

Метод устрашения и стремительного нападения Николай Павлович применил к Лореру и Якушкину, осведомившись об их отказе назвать соучастников.

«Я, — вспоминал Лорер, — мысленно стал готовиться, чтобы суметь ответить государю прилично, но с чувством собственного достоинства... Оправдываться я не хотел, да и не для чего... Недолго продолжались мои приготовления, послышался шум, и Левашев, заглянув ко мне за ширмы, просил меня пожаловать. Из другого конца длинной залы шел государь в измайловском сюртуке, застегнутом на все крючки и пуговицы. Лицо его было бледно, волосы взъерошены. Никогда не удавалось мне его видеть таким. Я твердыми шагами пошел было ему навстречу, но он издали еще движением руки меня остановил, и сам тихо подходил ко мне, меряя меня глазами... Я почтительно поклонился.

«Знаете ли вы наши законы?»—начал он. «Знаю, ваше величество». — «Знаете ли, какая участь вас ожидает? Смерть!» и он показал, проведя рукой по своей шее. Я молчал.

«Чернышев вас долго убеждал сознаться во всем, что вы знаете и должны знать, а вы все финтили. У вас нет чести, милостивый государь». Тут я невольно вздрогнул, у меня захватило дыхание, и я невольно проговорил: «Я в первый раз слышу это слово, государь»... Государь сейчас опомнился и уж гораздо мягче продолжал: «Сами виноваты, сами... Ваш бывший полковой командир погиб; ему нет спасения... А вы должны мне все сказать... Вы пользовались его дружбой и должны мне все сказать, слышите ли... а не то погибнете, как и он»... «Ваше величество,—начал я,—я ничего более не могу прибавить к моим показаниям в ответных моих пунктах... Я никогда не был заговорщиком, якобинцем, всегда был противник республики, любил покойного государя императора и только желал для блага моего оте-

чества коренных правдивых законов. Может быть, и заблуждался, но мыслил и действовал по своему убеждению»...

Разговор его с Якушкиным тоже необычайно ярок и красочен. (См. ниже).

Собственноручная записка Николая Первого, при которой Якушкина препроводили из дворца в крепость, была следующего содержания: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея». Но Якушкин был одним из всех совсем немногих, на кого не подействовали ухищрения Николая. Правда, примененному здесь методу нельзя отказать в значительной доле грубости. Животный страх смерти, физических мук был чужд декабристам. Этим страхом, быть может, отмечен только один князь С. П. Трубецкой, в слезах целовавший руки Николая Павловича и молivший о жизни. «Жизни, государь, жизни!» Трубецкой вымолил себе жизнь ценой подробнейших признаний. Его избрание в диктаторы — удивительная насмешка судьбы над декабристами.

Декабристов, искренних и увлекающихся людей, энтузиастов, можно было поймать на благородство. Нужно было запрятать глубоко свою ненависть к ним, разыграть роль человека, заботящегося только о том, чтобы родина избавилась, наконец, от зол и бедствий. И Николай Павлович прекрасно разыгрывал эту роль. Он прикидывался почти их единомышленником.

И почти все они на первых же допросах спешили предупредить возможное возмущение и возможные действия со стороны остающихся на свободе. Они выдавали поголовно всех соучастников, казалось, забыв об участи, их ожидающей. Правда, Николай Павлович усыплял их беспокойство, представляя грядущее наказание незначительным. Каховский и Пестель, например, совершенно не ждали смертной казни.

Все письма декабристов из крепости, все показания переполнены восхвалениями милосердия государя, милосердия, не грядущего, а настоящего. Он умело возбуждал столь свойственное благородным людям чувство благодарности.

Тем, кто смертельно тосковал о судьбе жены, детей, он обещал свои царственные заботы и, действительно, заботился. Заканчивая свое признание, 16 декабря Рылеев писал царю: «Свою судьбу вручаю тебе, государь: я отец семейства» Так после этих слов Николай Павлович даже 2.000 рублей прислал жене Рылеева, и Рылеев стал его. «Молись богу за императорский дом, — писал Рылеев жене 28 декабря, — я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицей, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для них». Император Николай пригрел детей и повесил отца.

Тем, кто страдал об отце или матери, он разрешал писать или давал свидания. И он удивительно умел обставлять эти разрешения писем и свиданий: заключенным они казались результатом глубочайшего милосердия, а не обычным и должным выражением человеческого отношения. И опять размягчалось благодарное сердце, и развязывался язык. Но точно также, как актер, играющий короля, в действительности не имеет в своей душе ничего королевского, так и Николай Павлович, игравший роль благородного гражданина, был совершенно чужд истинному благородству. И милосердие оказалось только на словах. Взяв от своих жертв все, что было можно и нужно взять, он подверг их жесточайшим наказаниям. Он, так много выигравший от чувства благодарности, живущего в благородном сердце, отстранил от самого себя малейшие обязательства признательности и благодарности.

Итак, государь выдавал себя не за того, кем он был на самом деле: государь играл. В дни и месяцы сыска над декабристами Николай Павлович показал свое лицо в неожиданном, зловещем освещении. Царь-актер, искусно меняющий личины... Из этой его духовной сущности, открывшейся в начале царствования, мы должны исходить, если желаем понять его личность, его образ действия во всей последующей жизни. Он всегда умел провести наблюдателей, которые простодушно верили в его искренность, благородство, смелость, а, ведь, он только играл.

«ВЕЛИКОДУШИЕ» ЦАРЯ [1]

«Ввели меня в зало, где я нашел двух своих товарищей по полку: Александра Муравьева и Арцыбашева. Мы сошлись, чтобы поздороваться, но дежурный развел нас по углам и запретил говорить. В зале была толпа генералов и придворных. Все говорили о происшествиях 14 декабря, очень горячились, возмущались смелостью предприятия и громко порицали участников в этом деле, называя их злодеями, нисколько не стесняясь нашим присутствием; многие хвалились своими подвигами... Показался Николай Павлович с словами: «подите сюда». Я снова был поражен страшною бледностью его лица (выше Анненков рассказывает о действиях Николая I на Сенатской площади: «Государь был верхом, раз'езжал все время, был страшно расстроен и бледен, как полотно»). Я первый вошел в комнату, в которой был государь; он тотчас же запер дверь в зал, увлек меня в амбразуру окна и начал говорить: «И вы забыли милости покойного государя! Вас давно надо было уничтожить, но брат по своей доброте щадил и прощал вас». Государь говорил отрывисто, повелительно; я не мог не заметить в нем страшного волнения и гнева, с трудом сдерживаемого... Государь снова начал расспрашивать... «Если вы знали, что есть такое общество — отчего вы не донесли?» «Как было доносить... наконец, тяжело, нечестно доносить на своих товарищей». На эти слова государь страшно вспылил. «Вы не имеете понятия о чести! — крикнул он так грозно, что я невольно вздрогнул, — знаете ли вы, что заслуживаете?» «Смерть, государь». «Вы думаете, что вас расстреляют, что вы будете интересны, нет — я вас в крепости сгною». После этого государь отпустил меня, приказав послать моих товарищей. Я, выходя из комнаты государя, подошел к Муравьеву, чтобы сказать в полголоса: «Ступай, тебя зовет». Тогда все присутствующие в зале пришли в такой ужас, что бросились к нам и в смущении своем повторяли: «нельзя говорить»; с трудом я мог их успокоить и убедить, наконец, что исполняю волю государя.

[1] Из записок П. Е. Анненковой—рассказ ее мужа, декабриста И. А. Анненкова.

Тогда пошел Муравьев. Он был очень молод, застенчив и немного заикался. Государь сделал те же вопросы, как и мне. Муравьев, вероятно, сконфузившись, начал отвечать по французски; но едва он произнес: «Sir», как государь вышел из себя и резко остановил: «Когда ваш государь говорит с вами по русски, вы не должны сметь говорить на другом языке». Потом таким же порядком государь допрашивал и Арцыбашева... Через некоторое время опять отворилась дверь и государь, подозвав меня, сказал: «Позовите ваших товарищей». Мы все трое опять вошли в комнату, где он находился; тогда он приказал позвать графа Апраксина и обратился к нему со словами: «Полк распущен, офицеры ничего не делают». Помолчав немного, обратился снова к нам: «Вас всех давно надо было перевести в армию; судьбами народов хотели править, взводом командовать не умеете».

В эту минуту государь был гораздо покойнее, гнев его смягчился; со мною он обошелся даже милостиво, взял меня за пуговицы мундира, притянул к себе и снова упрекнул: «Забыли милости покойного государя — это неблагодарность». Тогда граф Апраксин подтолкнул меня сзади, шепнув: «целуйте же руку». Я сделал движение, но государь отдернул руку, говоря: «Вас за это всех надо продержать в крепости 6 месяцев, надеюсь, что после этого вы выкинете глупости из головы и будете заниматься службою». С этими словами он нас отпустил, прибавя, обращаясь к графу Апраксину: «Я вам поручаю их, генерал, а если кто смеет упрекнуть их прошлым, вы будете отвечать мне за них». В эту минуту мы, конечно, вообразили, что нам дарują свободу, и обрадованные направились к той двери, в которую вошли, но тут нас попросили в другую комнату, где каждого окружили солдаты с саблями на-голо, и повели на гауптвахту. Там рассадили порознь...»

НА ДОПРОСЕ У ЦАРЯ [1]

Меня позвали. Император пришел ко мне навстречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки против моего лба, сказал: «Что было в этой голове,

[1] Из записок декабриста С. П. Трубецкого.

когда вы с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дело? Гвардии полковник князь Трубецкой... Как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью, ваша участь будет ужасная», и, обратившись к генералу Толь, сказал: «прочтите». Толь выбрал из бумаг, лежащих на столе, один лист и прочел в нем показание, что бывшее происшествие есть дело тайного общества, которое, кроме членов в Петербурге, имеет еще большую отрасль в 4-м корпусе, и что дежурный штаб-офицер этого корпуса, лейб-гвардии Преображенского полка полковник князь Трубецкой, находящийся теперь в Петербурге, может дать полное сведение о помянутом обществе.

Император подал мне лист бумаги и сказал: «пишите показание» и, показав место на диване, на котором сидел и с которого встал теперь. Прежде нежели я сел, император начал опять разговор. — Какая фамилия, князь Трубецкой, гвардии полковник и в каком деле! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену. Есть у вас дети?

Я. Нет.

Император. Вы счастливы, что у вас нет детей. Ваша участь будет ужасная! Ужасная!

И, продолжав некоторое время в этом тоне, заключил: «пишите все, что знаете», и ушел в кабинет.

Несколько погодя, ген. Толь позвал меня в другой кабинет. Я едва переступил за дверь, император навстречу в сильном гневе: «Эк! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали», и, скорыми шагами отойдя к столу, взял на нем четверку листа, поспешно подошел ко мне и показав: «Это что? Это ваша рука?»

Я. Моя.

Император (крича). Вы знаете, что могу вас сейчас расстрелять?

Я (сложив руки и также громко). Расстреляйте, государь! Вы имеете право.

Император (также громко). Не хочу. Я хочу, чтоб судьба ваша была ужасная.

Выпихнув меня своим подходом в передний кабинет, повторял то же несколько раз, понижая голос. Отдал Толю бумаги и велел приложить к делу, а мне опять начал говорить

о моем роде, о достоинствах моей жены и ужасной судьбе, которая меня ожидает и уже все это жалобным голосом. Наконец, подведя меня к тому столу, на котором я писал и, подав мне лоскут бумаги, сказал: «пишите к вашей жене». Я сел, он стоял. Я начал писать: «друг мой, будь спокойна и молись богу...» Император прервал: «что тут много писать напишите только: «я буду жив и здоров». Я написал: «Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров». Я подал ему. Он прочел и сказал: «Я жив и здоров буду, припишите, буду вверху». Я исполнил. Он взял и велел итти мне за Толем. Толь, выведя меня, передал тому же князю Голицыну, который меня привез и который теперь взял конвой кавалергардов, отвез меня в Петропавловскую крепость и передал коменданту Сукину. Шубу мою во дворце украли, и мне саперный полковник дал свою шинель на вате доехать до крепости.

ЦАРЬ-ПАЛАЧ [1]

Затем последовало опять приглашение назвать членов Тайного Общества, и после отказа Левашев дал мне подписать его, не читая. Левашев пригласил меня выйти. Я вышел в ту залу, в которой висела картина Сальватора Розы «Блудный сын». При допросе Левашева мне было довольно легко, и я во все время допроса любовался «Святою фамилией» Доминикина; но когда я вышел в другую комнату, где ожидал меня фельд'егерь, и когда остался с ним вдвоем, то угрозы пытки в первый раз смутили меня. Минут через десять дверь отворилась, и Левашев сделал мне знак войти в залу, в которой был допрос. Возле ломберного стола стоял новый император. Он сказал мне, чтобы я подошел ближе, и начал таким образом:

— Вы нарушили вашу присягу.

— Виноват, государь.

— Что вас ожидает на том свете?—Проклятие! Мнение людей вы можете презирать, но что ожидает вас на том свете, должно вас ужаснуть. Впрочем, я не хочу вас

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

окончательно губить: я пришлю к вам священника. Что же вы мне ничего не отвечаете?

— Что вам угодно, государь, от меня?

— Я, кажется, говорю вам довольно ясно: если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы с вами обращались, как со свиньей, то вы должны во всем признаться.

— Я дал слово не называть никого; все же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству,—ответил я, указывая на Левашева, стоящего поодаль в почтительном положении.

— Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом!

— Назвать, государь, никого не могу.

Новый император отскочил три шага назад, протянул ко мне руку и сказал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог».

Во время этого второго допроса я был спокоен; я боялся сначала, что царь уничтожит меня, говоря умеренно и с участием, что он нападает на слабые и ребяческие стороны Общества, что он победит великодушием. Я был спокоен, потому что во время допроса был сильнее его; но когда по знаку Левашева я вышел к фельд'егерю и фельд'егерь повез меня в крепость, то мне еще более прежнего стала приходить мысль о пытке; я был уверен, что новый император не произнес слова «пытка» только потому, что считал это для себя непристойным.

Фельд'егерь привез меня к коменданту Сукину,—его и меня привели в небольшую комнату, в которой была устроена церковь. Воображение мое было сильно поражено; прислуга, по случаю траура одетая в черное, предвещала что-то недоброе. С фельд'егерем просидел я с полчаса, он по временам зевал, закрывая рот рукой, а я молил об одном, чтобы бог дал мне силы перенести пытку. Наконец, в ближних комнатах послышался звук железа и приближение многих людей. Впереди всех появился комендант с своей деревянной ногой; он подошел к свечке, поднес к ней листок почтовой бумаги и сказал с расстановкой: «Государь приказал заковать тебя». На меня кинулось несколько человек, посадили меня на стул и стали надевать ручные и ножные

железа. Радость моя была невыразима; я был убежден, что надо мной совершилось чудо: железа—еще не совсем пытка. Меня передали плац-ад'ютанту Трусову; он связал вместе два конца своего носового платка, надел его мне на голову и повез в Алексеевский равелин. Переезжая под'емный мост, я вспомнил знаменитый стих: «Оставьте всякую надежду вы, которые сюда входите». Про этот равелин говорили, что в него сажают только «забытых» и что из него никто никогда не выходил. Из саней меня вынули солдаты, принадлежащие к команде Алексеевского равелина, и ввели меня в 1-й нумер. Тут я увидел семидесятилетнего старика, главного начальника равелина, подчиненного непосредственно императору. С меня сняли железа, раздели, надели толстую рубашку в лохмотьях и такие же панталоны; потом комендант стал на колени, надел на меня снятые железа, обернул наручники тряпкой и надел их, спрашивая, могу ли я так писать. Я сказал, что могу. После этого комендант пожелал мне доброй ночи, сказав: «Божья милость всех нас спасет».

Комната, в которую посадили меня, была 6 шагов длины и 4 — ширины. Стены, после наводнения 1824 года, были покрыты пятнами; стекла были выкрашены белой краской, и внутри от них была вделана в окно крепкая железная решетка. Около окна в углу стояла кровать, на ней был тюфяк и гошпитальное бумажное одеяло. Возле кровати стоял маленький столик, на нем кружка с водою—на кружке были вырезаны буквы «А. Р.» В другом углу, против кровати, была печь. В третьем углу, против печи, стульчак. Кроме того, было еще два стула и на одном из них ночник. Когда я остался один, я был совершенно счастлив: пытка миновалась на этот раз, я имел время собраться с духом и даже спрашивал у себя, что они думали произвести надо мной надетыми на меня железами, которые, как я узнал после, весили 22 фунта.

В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ [1]

Петропавловская крепость — гнусный памятник самодержавия на фоне императорского дворца, как роковое

[1] Из записок декабриста А. М. Муравьева, ред. С. Я. Штрайха. П. 1922 г.

предостережение, что они не могут существовать один без другого.

Привычка видеть перед глазами темницу, где стонут жертвы самовластия, в конце-концов, непременно должна притуплять сочувствие к страданиям ближнего.

Нехватало казематов в виду множества жертв. Помещения, предназначенные для гарнизонных казарм, были обращены в тюрьму. Стекла окон, покрытые в проклейку слоем мела, не пропускали в эти логовища живительных лучей солнца. В длинных комнатах этих казарм были устроены из бревен клетки, размещенные так, чтобы сделать невозможным сообщение между ними. Арестованный не мог делать более трех или четырех шагов по диагонали своего каземата. Труба из кованного железа была проведена через некоторые из этих клеток; эти трубы были расположены настолько низко, что все время чувствовалась жара, и это было истинной пыткой для арестанта.

Мы прибыли, миновали крепостной под'емный мост и остановились у дверей квартиры коменданта. Фельд'егерь сдал меня на руки плац-майору, который, не разговаривая со мною, отвел меня в грязную, сырую, мрачную и тесную камеру.—Сломанный стол, скверная кровать и железная цепь, один конец которой был вделан в стену, составляли всю ее мебель. Совершив с чрезвычайной быстротой после четырехмесячного заключения переезд в 360 верст, я был изнурен усталостью и по уходе плац-майора бросился в одежде на ужасную кровать; я услышал, как запирали на запоры двойные двери моей камеры. И вот я один, отгороженный от всего живого. Я проводил лежа целые часы, думая о моей матери, о моем брате, который, я знал, был заключен в той же крепости. Слезы навернулись мне на глаза. Я молился богу и молитва меня облегчила. Чувство радости проникло в мою душу. Я гордился тем, что разделял судьбу моего прекрасного брата. Подбодрив себя, я встал и зашагал по камере. Вдруг я снова услышал шум засова у моих дверей.

Появился плац-майор, позвал меня и повел к коменданту Петропавловской крепости, генералу Сукину, старому

инвалиду, которого я знал еще будучи ребенком. Он меня принял сидя за своим столом, сделал вид, что не узнает меня, и спросил мое имя. Я ответил, что я—Муравьев, кавалергардский офицер; на это у него хватило учтивости сказать: «Я весьма скорблю о памяти вашего почтенного батюшки, который в вашем лице имеет презренного сына». Я задрожал от этого обращения, но жалость тотчас овладела мной при виде несчастного старика, отупевшего в пресмыкательстве до полного равнодушия к страданиям тех, кто не разделял его мнений. После свидания я вернулся в мою камеру, но в этот раз я был счастлив своим одиночеством. Я оставался в своей камере без движения, лишенный света, без пищи, почти восемь дней. По утрам тюремщик, сопровождаемый часовым, приносил мне хлеб и воду. Однажды утром двери мои отворились в необычный час. То был генерал Стуколов, которого я также знал прежде. Он вел себя, как порядочный человек, вздохнул, увидев меня, со слезами на глазах спросил о моем здоровьи после от'езда из Ревеля, имею ли я известия о матушке, и оставил меня. Император посылал раз в месяц одного из своих генерал-ад'ютантов посетить заключенных и сказать им, что он принимает живое участие в их судьбе. Под этим участием скрывался умысел выведать образ мыслей заключенных и в то же время отвести глаза нашим бедным родителям.

Пища была отвратительная, так как деньги, отпускавшиеся для нашего содержания, расхищались чиновниками во главе с их начальником, старым плац-майором. Часть заключенных находилась на хлебе и воде. Многие имели кандалы на ногах и руках. Сам император по докладу следственной комиссии, назначал пищевой режим и предписывал усилить тяжесть заключения. Были также испробованы нравственные пытки. Заключенные получали иногда душераздирательные письма от своих несчастных родителей, которые, будучи обмануты видимостью, воздавали слишком громкую хвалу великодушию того, кто никогда его не проявлял. Священнику поручено было приносить религиозное утешение, но, главным образом, вызывать на признания. Когда он ближе узнал нас всех, то сознался, что был введен

в заблуждение на наш счет. Многие из заключенных болели, многие потеряли рассудок, некоторые покушались на свою жизнь, полковник Булатов уморил себя голодом.

КОМЕДИЯ СУДА [1]

К 30 мая следственная комиссия закончила следствие по делу декабристов и представила свой доклад царю. 1 июля последовал высочайший указ о назначении верховного уголовного суда. В указе было сказано: «Мы единого от суда ожидаем и требуем: справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, на законе и силе доказательств утверждаемой». Верховный уголовный суд был составлен из членов государственного совета, правительствующего сената и святейшего синода и нескольких сановников. Председателем суда был назначен князь Лопухин, министр юстиции исполнял обязанности генерал-прокурора. Сам Николай I и современное правительство гордилось организацией суда, якобы совершенно независимого в своих действиях. На самом деле весь *верховный уголовный суд явился чистейшей комедией.* Со слов декабристов мы давно уже знали об этом, но и изучение архивного материала дает нам право с легкой совестью поддерживать это заключение.

Еще в начале мая, т.-е. задолго до окончания действий следственной комиссии, Николай Павлович занялся разработкой тщательной программы судопроизводства. Как и при следствии, так и в суде Николай был непосредственным руководителем и вдохновителем всех действующих в следственном и судебном процессе лиц. Прямым его помощником в работах по организации суда — тяжело и печально констатировать это — явился М. М. Сперанский. Это он разработал процессуальную сторону, он приготовил все доклады суда и комиссий, судом выбранных, он распределил по разрядам вины обвиняемых. О том, как идет дело в суде, он лично докладывал Николаю Павловичу. Николай Павлович вместе со Сперанским составил «обряд суда»; в «дополнительных

[1] Из книги П. Е. Щеголева „П. Г. Каховский".

степенях обряда» и в указаниях, которые были сделаны секретно председателю суда, были предусмотрены все действия суда. Можно положительно утверждать, что члены суда этими «обрядными» статьями, гласными и негласными, были лишены собственной мысли, воли и, конечно, инициативы.

То обстоятельство, что Сперанский был приглашен Николаем I к ближайшему участию в суде над декабристами, об'ясняется не столько тем, что у Николая I было немного людей, которые могли бы справиться с таким сложным делом, сколько своеобразным стремлением отмстить Сперанскому за его либерализм. Декабристы намечали, в случае успеха восстания, Сперанского одним из членов временного правительства. Комиссии было вменено в особенную задачу тщательно расследовать вопрос о прикосновенности Сперанского и некоторых других высоких сановников. Расследование не дало возможности установить никакой фактической связи, но выяснило некоторое совпадение и близость идейных стремлений Сперанского и декабристов. Не без злорадного чувства, надо полагать, Николай поручал Сперанскому судить и распределять наказание — от ссылки до казни — декабристов, среди которых у Сперанского были и личные знакомые. Хотя, по словам дочери, Сперанский волновался и плакал по ночам во время процесса, все-таки он перемогся и довел дело до конца.

9 июля доклад был подписан судом и подан царю. Оставив пятерых (Рылеева, Пестеля, Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьева-Апостола, Каховского) вне разряда, суд, согласно заключению разрядной комиссии, распределил остальных на 11 разрядов. Пяти, стоявшим вне разряда, суд определил смертную казнь четвертованием. Для 3 человек, принадлежащих к первому разряду, суд назначил смертную казнь; для 11 разряда — лишение чинов и сдачу в солдаты с выслугой. В докладе суд, между прочим, писал: «Хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления, столь высокие и с общею безопасностию государства столь слитные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны». 10 июля Николай Пав-

лович утвердил приговор и, заменив первому разряду смертную казнь каторгой, сделал некоторые изменения в приговоре отнюдь не в сторону облегчения участи подсудимых.

А участь поставленных вне разряда предоставил решению суда «и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится».

В делах государственного архива имеются данные, не оставляющие никакого сомнения в том, что вся инициатива решения суда лежит на Николае Павловиче, и только на нем. Расставаясь с «преступниками», Николай Павлович не мог не разыграть *комедию милосердия*. Он в указе по поводу доклада суда явился милосердным: смягчил наказания почти всем, а судьбу поставленных вне разрядов он предоставил решению суда. Казалось бы, если суд все же присудил их к смерти, то в смерти их винить должны мы суд, а не Николая I. В действительности же было как раз обратное.

Сохранилась записка, написанная 10 июля 1826 года— в день представления доклада председателем верховного суда кн. П. В. Лопухиным, следующего содержания: «Государь изволил отозваться, что доклад и все приложения просмотрит и даст по оному свое повеление, но тут же присовокупил, что если *неизбежная смертная казнь* кому подлежать будет, *государь ее сам не утвердит,* а уполномочит верховный уголовный суд окончательно самому разрешить тот предмет».

Получив указ государя о предоставлении судьбы пяти поставленных вне разрядов на окончательное рассмотрение суда, кн. Лопухин одновременно же 10 июля 1826 года получил от начальника штаба барона Дибича следующее примечательное доношение:

«Милостивый государь,
князь Петр Васильевич!

В высочайшем указе о государственных преступниках на доклад верховного уголовного суда, в сей день состоявшемся, между прочим, в статье 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не включены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению

верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится.

На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную».

После этой бумаги Дибича нет места сомнениям в инициативе Николая Павловича.

КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ

I[1]

На кронверке стояло несколько десятков лиц — большею частью это были лица, принадлежавшие к иностранным посольствам; они были, говорят, удивлены, что люди, которые через полчаса будут лишены всего, чем обыкновенно так дорожат в жизни, шли без малейшего раздумья, с торжеством и весело говоря между собою. Перед воротами всех нас (кроме носивших гвардейские и флотские мундиры) выстроили покоем спиной к крепости, прочли общую сентенцию; военным велели снять мундиры и поставили нас на колени. Я стоял на правом фланге, и с меня началась экзекуция. Шпага, которую должны были переломить надо мной, была плохо подпилена; фурлейт ударил меня ею со всего маху по голове, но она не переломилась: я упал. «Ежели ты повторишь еще раз такой удар, — сказал я фурлейту, — так ты убьешь меня до смерти». В эту минуту я взглянул на Кутузова, который был на лошади в нескольких шагах от меня, и видел, что он смеялся.

Все военные мундиры и ордена были отнесены шагов на 100 вперед и были брошены в разведенные для этого костры.

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

Экзекуция кончилась так рано, что ее никто не видал; вообще, перед крепостью не было народа. После экзекуции нас опять отвели в крепость и меня опять в I-й нумер равелина.

После приговора Пестель, Сергей Муравьев, Рылеев, Михайло Бестужев и Каховский были отведены в особые казематы. Сестра Сергея Муравьева Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что брат ее приговорен к смертной казни, поскакала в Царское Село и просила через Дибича о дозволении иметь свидание с братом. Ей дозволено увидеться с ним на один час. Свидание их происходило в доме коменданта Сукина и в его присутствии.

Сергей Муравьев был очень покоен и просил сестру не оставлять попечениями их брата Матвея. Разлука их навсегда, по словам самого Сукина, была ужасна. Когда Сергей Муравьев возвратился в каземат, к нему вошел с печальным видом плац-майор Подушкин. Сергей Муравьев предупредил его: «Вы, конечно, пришли надеть на меня оковы». Подушкин позвал людей; на ноги ему надели железа. То же было сделано и с 4-мя товарищами Сергея Муравьева. Все смотрели совершенно покойно на приготовление казни, кроме Михайлы Бестужева: он был очень молод, и ему не хотелось умирать. Ночью пришел к ним священник Мысловский с дарами. Кроме Пестеля, который был лютеранин, все они причастились.

Когда после экзекуции нас ввели в казематы — их вывели перед собор. Был 2-ой час ночи. Бестужев насилу мог итти, и священник Мысловский вел его под руку. Сергей Муравьев, увидя его, просил у него прощения в том, что погубил его.

Прощаясь в последний раз, они все пожали друг другу руки. На них надели белые рубашки, колпаки на лицо и завязали им руки.

Наконец, их поставили на помост и каждому накинули петлю. В это время священник, сошедши по ступеням с помоста, обернулся и с ужасом увидел висевших Бестужева и Пестеля и троих, которые оборвались и упали на помост. Сергей Муравьев жестоко разбился: он переломил ногу и

мог только выговорить: «Бедная Россия, и повесить-то порядочно у нас не умеют». Каховский выругался по русски. Рылеев не сказал ни слова. Неудача казни произошла оттого, что за полчаса перед тем шел небольшой дождь, веревки намокли, палач не притянул довольно петлю, и когда он опустил доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули с их шеи. Генерал Чернышев бывший распорядитель казни, не потерял голову; он велел тотчас же поднять трех упавших и вновь их повесить. Казненные оставались недолго в виселице; их сняли и отнесли в какой-то погреб, куда едва пропустили Мысловского; он непременно хотел прочесть над ними молитвы.

II [1]

Настала полночь, священник со святыми дарами вышел от Кондратия Феодоровича; вышел и от С. И. Муравьева-Апостола, вышел и от Петра Каховского, и от Михаила Бестужева-Рюмина. Пастор напутствовал Павла Ивановича Пестеля. Я не спал; нам велено было одеваться; я слышал шаги, слышал шопот, но не понимал их значения. Прошло несколько времени, — я слышу звук цепей. Дверь отворилась на противоположной стороне коридора; цепи тяжело зазвенели. Слышу протяжный голос друга неизменного Кондратия Феодоровича Рылеева: «Простите, простите, братья», и мерные шаги удалились к концу коридора; я бросился к окошку; начало светать... Вижу всех пятерых, окруженных гренадерами с примкнутыми штыками. Знак подан, и они удалились. И нам сказано было выходить. И нас повели те же гренадеры, и мы пришли на эспланаду перед крепостью. Все гренадерские полки были в строю. Вдали я видел пять виселиц; видел пятерых избранников, медленно приближавшихся к роковому месту... Избранные жертвы были готовы. Священник Петр Николаевич был с ними. Он подходит к Кондратию Феодоровичу и говорит слово увещательное. Рылеев взял его руку, поднес к сердцу

[1] Из записок декабриста Е. П. Оболенского.

и говорит: «слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего». Все пятеро взошли на место казни, и казнь совершилась...

III [1]

Приведение приговора в исполнение на обширном поле, простирающемся позади Петропавловской крепости, назначено было на 13-е июля 1826 года, на рассвете. При этом должны были присутствовать отряды из всех войск гвардии. В городе никто или почти никто не знал ни о времени, ни о месте экзекуции. Я узнал об этом случайно и с товарищем моим отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкого моста, далее стража нас не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска уже были на своих местах: посторонних зрителей было очень немного: не более 150 — 200 человек...

Был уже пятый час утра, когда приступили к казни главных преступников. Их поставили на скамейку в ряд, в расстоянии друг от друга на какие-нибудь поларшина. На голову надели колпаки, которые насунули на лица, закрыв их совсем, начиная с шеи, и во всю длину ног надели белые фартуки и сзади завязали их вверху и внизу так, что руки и ноги были фартуком спеленуты. Наконец, наложили на шеи петли, которые должны были затянуться и удержать казненных на воздухе, когда из-под их ног оттянута будет скамейка. Но тут и последовал известный потрясающий эпизод. Веревки были новы и туги: когда оттолкнули скамейку, то головы двух средних в ряду осужденных просунулись вниз сквозь незатянувшиеся петли, и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Падение это произвело потрясающее впечатление. Все приготовились видеть пять человек, заслуживших смертную казнь повешенными, но никто не предвидел случившегося так неожиданно и продолжившего предсмертную агонию двух несчастных. Это были Рылеев и

[1] Из воспоминаний ген. Пржецлавского, „Русская Старина“ 1874, № 12.

Бестужев. Говорят, что, упавши, Рылеев воскликнул: «Нам во всем неудача!» Прошло около четверти часа, пока их снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тем повисшие до того вертелись на веревках в предсмертных конвульсиях. Стража окружила виселицу, но, по прошествии получаса, стали всех пускать, и толпа любопытных нахлынула. Казненые висели уже неподвижно. Прошло еще полчаса — мертвецов сняли и отнесли в крепость.

IV[1]

Руки и ноги были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие только шаги. Кандалов не было, только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули друг другу руки и крепко пожали. Некоторые поцеловались. Рылеев глазами и головой показал на небо... Они были совершенно спокойны, точно будто шли не на смерть, а выходили вот в другую комнату закурить трубку...

Иной, кто не знал, что тут делается (на месте казни), подумал бы, что тут очень весело. На кронверке во все время играла музыка Павловского полка. Они пятеро сидели все время на траве и тихо между собой разговаривали. Когда пришла их очередь, к ним подошел Мысловский, говорил с ними, напутствовал их еще раз к отдыху и дал приложиться к кресту. Они на коленях молча помолились богу, смотря на небо. Потом на них надели мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса; на шеи им на веревках надели аспидные доски, с именами и виной их... Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело. Мешки им очень не понравились, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: «господи, к чему это!» Палачи им стянули руки покрепче, один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им

[1] Из рассказа квартального надзирателя, бывшего при казни.

было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи. Схоронили их на Смоленском кладбище, за немецким и армянским, в конце переулка на взморье.

V [1]

По дальности расстояния, зрителям было трудно распознать их в лицо; виднелись только серые шинели с поднятыми верхами, которыми закрывались их головы. Они всходили один за другим на помост и на скамейки, поставленные рядом под виселицею, в порядке, как было назначено в приговоре. Пестель был крайним с правой, Каховский с левой стороны. Каждому обматывали шею веревкою; палач сошел с помоста, и в ту же минуту помост рухнул вниз. Пестель и Каховский повисли; но трое тех, которые были промежду них, были пощажены смертью. Ужасное зрелище представилось зрителям. Плохо затянутые веревки соскользнули по верху шинелей, и несчастные попадали вниз в разверстую дыру, ударяясь о лестницы и скамейки. Так как государь находился в Царском Селе и никто не посмел отдать приказ об отсрочке казни, то им пришлось, кроме страшных ушибов, два раза испытать предсмертные муки. Помост немедленно поправили и взвели на него упавших. Рылеев, несмотря на падение, шел твердо, но не мог удержаться от горестного восклицания: «Итак, скажут, что мне ничего не удавалось, даже и умереть!» Другие уверяют, будто он, кроме того, воскликнул: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!». Слова эти приписываются также Сергею Муравьеву-Апостолу, который так же, как и Рылеев, бодро всходил на помост.

До произнесения смертного приговора они не были скованы, но потом были обременены самыми тяжелыми кандалами. Кандалы и были причиною падения с виселицы троих.

Трупы сложили в большую телегу, но хоронить не повезли, ибо было уже совершенно светло и народу собралось вокруг тьма-тьмущая. Поэтому телега была отвезена в

[1] Н. Шницлер—**О казни декабристов. „Рус. Арх.“ 1881 г. № 6**

запустелое здание училища торгового мореплавания, лошадь отпряжена и извозчику наказано прибыть с лошадью в следующую ночь. В следующую ночь извозчик явился с лошадью в крепость и оттуда повез трупы по направлению к Васильевскому Острову, но когда он довез их до Тучкова моста, из будки вышли вооруженные солдаты и, овладев вожжами, посадили извозчика в будку. Через несколько часов спустя, телега возвратилась к тому же месту; извозчик был заплачен и поехал домой. О месте, которое приняло в себя трупы казненных, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что их зарыли на острове Голодае, другие уверяли, что тела были отвезены на взморье и там брошены с привязанными к ним камнями в глубину вод.

VI

Генерал-ад'ютант Голенищев-Кутузов, наблюдавший 13 июля 1826 года за исполнением казни над декабристами, в тот же день подал императору Николаю Павловичу следующее донесение:

«Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу».

П. И. ПЕСТЕЛЬ В ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ

ИЗ ПОКАЗАНИЙ

В конце 1816 года или в начале 1817 я узнал о тайном обществе от г. Новикова, правителя канцелярии князя Репнина, и им был в оное общество принят. Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего — убедить дворянство сему содействовать и от всего сословия нижайше об оном просить императора. В 1817 и 1818 году, во время пребывания двора в Москве, общество сие приняло новое устройство и правилом были приняты — правила Тугенд-бунда. В 1820 или 1821 году оное общество по несостоянию членов разошлось. Я был тогда в Тульчине, и получа сие известие, со многими членами положили, что московское общество имело, конечно, право преобразования, но не уничтожения общества, и потому решились оное продолжать в том же значении. Тогда же общество Южное взяло свое начало и сошлось с петербургским.

Южная управа была предводима г. Юшневским и мною, а третьего избрали мы Никиту Муравьева, члена общества Северного, дабы с оным быть в прямом сообщении. Северной же думы члены были Никита Муравьев, Лунин, Н. Тургенев, а вскоре вместо оного князь Оболенский, а вместо Лунина князь Трубецкой. С польским обществом, коего директория была в Дрездене, в сношении были мы через Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева; Бестужев же был в

сношении с гр. Олизаром, тр. Хоткевичем, Гродецким; сверх того, в обществе Варшавском и Дрезденском были Княжевич, на руках коего были все бумаги, генерал Тарновский, Проскура, который, кажется, был ими по неудовольствию удален, и генерал Хлопицкий, все четыре были члены директории. В 1825 году я сам был в сношении с князем Яблонским (живет в Варшаве, росту небольшого и во время пребывания его в Киеве, 1825 года, имел дуэль за карты) и Гродецким, коих видал в Киеве. Оные мне говорили, что общество их в сношении с обществом прусским, венгерским, итальянским и даже в сношении с английским правительством, от коего получали деньги.

В Южном обществе членами были: полковник Аврамов, князь Волконский, Канчиалов, кн. Барятинский, В. Давыдов, Сергей Муравьев, полковник Швейковский, полковник Тизенгаузен, Артамон Муравьев, полковник Враницкий, обер-квартирмейстер 3 корпуса, полковник Фролов, конно-артиллерийской роты 3 гусарской дивизии, полковник Янтальцов, артил. 3 драгунской дивизии, артил. Пыхачев, ад'ютант главного штаба 2 армии Басаргин, двое Крюковых, полковник Леман, майор Поджио и брат его, отставной, живущий близ Каменки, Черкасов свитский, г. Витгенштейна ад'ютант Ивашев, свитские офицеры Заикин и Абрамов, старший ад'ютант Фаленберг, полковник Граббе, Матвей Муравьев, Белорусского гусарского полка ротмистр Жуков, Лихарев — свитский офицер, находящийся при графе Витте. Мой округ был в Тульчине, коему принадлежали названные чиновники главного штаба. Другой же округ в сообщении с оным был в Василькове, под распоряжением Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина.

В Северном обществе знал я членами Трубецкого, Н. Тургенева, Оболенского, Рылеева, Краснокутского, Митькова, Бригена, Нарышкина; думаю, что принадлежит кн. Лопухин и кн. Илья Долгорукий, но не утверждаю; генерал Орлов со мною прекратил все сношения с 1821 года, почему об нем ничего не знаю. Кривцов и кн. Голицын артил. О последнем наверное сказать не могу, слышал, что есть еще многие другие; но теперь не упомню, а многих и не

знаю. Я никогда не слыхал, чтоб намерения общества были разделяемы вышними лицами; может быть, что сие новое сношение началось после моего от'езда из Петербурга. Положительного о приведении цели нашей в исполнение не было, но говорено было, что при смотре 3-го корпуса государем сделать сие было бы удобно, потому что в сем корпусе много людей из бывшего Семеновского полка, которые неудовольствие лично свое разделяли с полками и тем приготовили оные ко всем предприятиям.

Намерение общества было введение в государство конституции, которой полной написано не было. Многие были предлагаемы от разных лиц, а именно от Новикова, Никиты Муравьева, я с Сергеем Муравьевым писал одну; но все не получили общего согласия и одобрения.

Имея 3-й корпус за себя, полагали итти с оным в Москву, где 2 и 1 корпуса по одним причинам с 3-м к нам пристанут, и тогда Сенат заставить провозгласить предложенную конституцию и соединить великий Собор.

Царствующую фамилию хотели посадить, всю без из'ятия, на корабли и отправить в чужие краи, куда сами пожелают. Сие в том предположении, что избран будет образ республиканского правления; если же предпочтен монархический представительный, тогда оставить великого князя Александра Николаевича, об'явить его императором и установить регенцию. Мысль сия была принята, потому что мы имели надежду на флот здешний, с чиновниками коего был в сношении Рылеев.

С корпусом генерала Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; но слышал я, что у них есть общество, даже некоторых членов оного называли, а именно: Якубовича, ад'ютанта генерала Ермолова, Воейкова и Тимковского, который теперь губернатором в Бессарабии. Мне также сказывали, что общество сие хотело край, вверенный Ермолову, от России отделить и начать новую династию Ермоловым; но сие токмо в случае неудачи общей революции. Все сии подробности извлек кн. Волконский от Якубовича, который, несколько выпив, был откровенен.

Вот все, что в теперешнее время припомню и могу показать; но желая государю доказать мое искреннее чистосердечие и признание, буде угодно узнать от меня, что может я запомнил, то готов о всем сказать, что видел и знаю.

В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице, под управлением Александра Муравьева, решилась покуситься на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийцу из членов и оный пал на Якушкина (служил некогда в Семеновском полку, вышел в армию и теперь живет в отставке). В то время дали знать членам в Петербурге, дабы получить их согласие, главнейше от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли, а дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла. Все, что теперь припомнил, показал по истине.

Слышал я от поляков, с коими разговор имел об обществе и коих уже именовал, что такое существует многочисленное в Малороссии, с коим они будто бы в союзе находятся, что сие общество желает независимости Малороссии и готово на сей конец принять покровительство Польши, когда сия успеет приобресть для себя независимость. Из членов сего малороссийского общества никто не был мне назван.

Сказывал мне Бестужев-Рюмин, что он слышал о существовании тайного общества под названием *Соединенные Славяне*. В сем обществе принимались, будто бы, как русские, так и поляки. Средоточие оного неизвестно, или не было об'яснено, но должно, кажется, быть в Петербурге. Сношения с сим обществом, как и со всеми вышеназванными, *Союз Благоденствия*, то-есть наше общество ни в чем не имело, сколько мне известно, и в достоверности всего вышесказанного сам утверждать не могу, но об'являю об оном все то, что слыхал. Существование Соединенных Славян считаю однако же верным, ибо из сего общества перешли в наше некоторые члены, между прочим некоторые

артиллерийские офицеры третьего корпуса, коих имена я не любопытствовал узнавать, но кажется, что некто из них назывался *Борисов* и что он в Петербурге был принят в Соединенные Славяне, а потом прочих принял.

ПОКАЯННЫЕ ПИСЬМА П. И. ПЕСТЕЛЯ[1]

1. Генералу В. В. Левашеву

Генерал! Я не могу дать лучшего доказательства моей полной и совершенной искренности, как представив вам прилагаемую бумату. Ни один из членов тайного общества не сумеет ничего против нее возразить, если только захочет быть правдивым. Возможно, что эта бумага окажется бесполезной комитету; в таком случае благоволите представить ее только его величеству императору, — в ней содержится самая строгая и точная истина. Впрочем, мне уже нет никакой надобности или интереса что-либо скрывать. Все связи и планы, соединявшие меня с тайным обществом, порваны навсегда. Буду я жив или мертв, — я отделен от него на веки. Если я умру, все кончено, и один лишь господь будет знать, что я не был таким, каким меня, быть может, представили. Если же я, наоборот, останусь жив, то буду обязан жизнью лишь его величеству императору; после амнистии мое существование будет даром его великодушия и, следовательно, должно будет состоять только из верности, усердия и полной и исключительной преданности личности и семейству его величества. Это математически верно. Не так обстояло дело с покойным государем. Об этом я мог бы сказать не-мало, но здесь не место и не время, да и вообще об этом не следует говорить. Простите меня за откровенность,—я нахожусь в несчастии, и в этом мое оправдание. Примите, генерал, уверение глубокого уважения, с каким я имею честь быть покорнейшим слугою вашего превосходительства. *Пестель.*

12-го января 1826 г.

[1] Из статьи О. Я. Штрайха „П. И. Пестель, новые материалы к биографии", „Былое" № 20.

...Настоящее письмо и прилагаемая бумага были написаны до моего вызова в комитет сегодня вечером.

2. Генералу А. А. Чернышеву

31-го января 1826 года.

Генерал! Восемнадцать дней прошло с того времени, как я имел честь видеть вас в последний раз, и пятьдесят дней со времени моего ареста. Это время было для меня вечностью. Я считал часы и считал минуты. Вы не можете себе представить, как ужасно томиться в тюрьме, как страшна неизвестность о своей судьбе. Его величество император пожелал, чтобы я высказал все с полной откровенностью: я сделал это с исчерпывающей полнотой. Я ничего не утаил, совершенно ничего. Я не только отвечал на все вопросы вполне точно и правдиво, но, кроме того, высказал все, что только мог вспомнить. Вследствие этого я смею надеяться, что император остался доволен мною в этом отношении. Этим я хотел доказать его величеству всю искренность моих чувств в настоящее время. Это было единственное средство, которым я мог доказать ему, как горячо и глубоко я сожалею о том, что принадлежал к тайному обществу. Поверьте, генерал, что это раскаяние заставляет меня испытать непрестанные страдания и мучения, хотя я счастлив тем, что, по крайней мере, не принимал участия ни в каких действиях.

К этому еще присоединяется постоянное воспоминание о моих несчастных родителях. Они стары и болезненны, и на те немногие дни, которые им, вероятно, осталось прожить, вся надежда, все их существование заключалось в их детях. Богу известно, что я охотно отдал бы за них свою жизнь, а теперь я сам толкаю их в могилу. Все, что эти слова заключают в себе ужасного и невыносимого для моего сердца, не может быть выражено и не может быть постигнуто никаким воображением. Признаюсь, что мои слезы о них не иссякают ни днем, ни ночью и что, действительно, в глубине души, я дошел до крайних пределов отчаяния. Да соблаговолит государь бросить на них и на меня взгляд жалости и милосердия.

Я не могу оправдаться перед его величеством; поэтому я и не стараюсь оправдываться; я прошу лишь милости. Да соблаговолит он воспользоваться в отношении меня прекраснейшим правом короны, и бог мне свидетель, что он никогда не раскается в том, что дал себя убедить. Каждая минута моего существования будет посвящена безграничной благодарности и привязанности к его священной особе и к его августейшему семейству. Я хорошо понимаю, что не могу оставаться на службе, но если бы мне только вернули свободу! Я слишком виновен перед его величеством, чтобы посметь обратиться непосредственно к нему с этим изложением моих чувств и страданий, но вы, генерал, не откажите в доброжелательности: повергните мои мольбы и мое раскаяние к стопам его величества и согласитесь способствовать с вашей стороны, по мере возможности, освобождению несчастного, который сохранит к вам за это вечную признательность; если бы я смел, я испросил бы у вас еще одно благодеяние; а именно, если его величество был бы тронут моими просьбами, передайте мне несколько слов надежды и утешения, чтобы хоть немного облегчить ту страшную тяжесть, которая в настоящее время повисла надо мной и которая совершенно меня подавляет; или, по крайней мере, сообщите мне что-либо, чтобы вывести меня из угнетающей неизвестности, которая, клянусь вам, в тысячу раз хуже смерти, так как я совершенно ничего не знаю о ходе нашего дела, а это до бесконечности усиливает тревогу, вытекающую из моего несчастного положения. Прошу вас также не забыть ходатайство, изложенне в письме, которое я имел честь послать вам 19 января, если судьба пожелает, чтобы эта просьба была признана уместной. Быть может, господь, в своем бесконечном милосердии, сумеет склонить в мою пользу государя.

Примите, генерал, выражение глубокого уважения, с которым я имею честь быть вашим покорнейшим слугою. *Пестель.*

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ

I[1]

Вступил Пущин в тайное общество потому, что считал себя обязанным работать для освобождения родного народа от рабства физического и духовного. Вспомнив беседы с Пушкиным, он немедленно по вступлении в тайное общество хотел посвятить в это дело товарища-поэта: «Он (Пушкин) всегда согласно со мною мыслил о деле общем, по своему проповедывал в нашем смысле — и изустно, и письменно, стихами и прозою». Уверенность Пущина в том, что Пушкин не только сочувственно относится к идеям общества, но способен также всецело отдаться борьбе за их осуществление, была настолько велика, что он не сомневался в присоединении поэта к движению, если бы тот знал о существовании кружка.

Скоро Пушкин приехал в столицу и, конечно, увиделся с первым своим другом, а немного спустя, он заболел, и Пущин почти ежедневно навещал его. В долгих задушевных беседах они затрагивали так волновавшие их в лицейские годы вопросы, и Пушкин, подозревавший, что друг его знает что-то особенное, просил посвятить его в тайну общества. Но Пущин уже тогда решил не привлекать своего лицейского товарища к активной деятельности: «Я, как

[1] Из статьи С. Я. Штрайха „И. И. Пущин". М. 1925 г.

умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели»...

Вопрос об отношении к Пушкину членов тайного общества обсуждался в верховных думах северного и южного отделений его. Как свидетельствует член общества соединенных славян И. И. Горбачевский, будущим декабристам было прямо запрещено посвящать Пушкина в дела общества из опасения, что поэт может проговориться своим светским и придворным знакомым и, таким образом, выдать тайну общества правительству. Это подтверждает и член северного общества М. А. Бестужев, у которо находим также любопытное сообщение об отношений главарей общества к исключительным по дружбе взаимоотношениям их сочлена Пущина и столь легкомысленного в их глазах Пушкина. Зная нежную любовь И. И. к его другу-поэту, руководители общества стеснялись прямо сказать Пущину о запрете делиться сведениями о заговоре с Пушкиным, предоставляя это дело природному такту Пушкина. Как видно из записок последнего, он и сам не хотел, правда, по причинам другого порядка, посвящать своего лицейского товарища в дела общества.

Декабрист И. И. Горбачевский в письме к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. говорит: «Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал,—сочинение нашего Ив. Ив. Пущина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пущин,—он того не знает, что нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Ал. Серг. Пушкиным, когда он жил на юге;—и почему? Прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества. И теперь я в этом совершенно убежден. И он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: «скажи ему, если бы не это, я бы был весь его». М. А. Бестужев сделал к этому месту письма примечание: «совестно было ему (Пущину) об этом сказать,—но знаю, он догадался,—я часто с ним говорил о Пушкине, сидевши вместе в 3-м отделении Петровского каземата» (в 1826 г., в Шлиссельбургской кре-

пости). Суровый революционер, ригорист до самой смерти, Горбачевский судил о Пушкине с своей точки зрения, при неверном свете, получавшемся от неправильной передачи Жуковским в его известном письме к С. Л. Пушкину последних слов великого поэта. Да Горбачевскому и вообще трудно было понять Пушкина, как понял его более близкий ему по духу лицеист Пущин, который пишет в своих записках: «Чтобы полюбить Пушкина настоящим образом, надобно было взглянуть на него с тем простым благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище...»

Когда Пущин, в сознании своего гражданского долга, перешел из военной службы в гражданскую, заняв должность надворного судьи, шокировавшую его светских друзей и знакомых, Пушкин по достоинству оценил побуждения своего лицейского товарища. Позднее, в первоначальной редакции «19 октября» 1825 года, он говорил, вспоминая юность и обращаясь к Пущину:

И все прошло—проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан...

В рукописи, вторая, перечеркнутая, строка этой строфы, читалась так: «смирен, суров тобой избранный сан». Но Пушкин хотел выдвинуть на первое место не должность Пущина, которую он также ценил, а высокие нравственные качества его друга, освящавшие эту должность. Много говорили они об этом в январе 1825 года, когда Пущин посетил Пушкина в его изгнании, в селе Михайловском.

Не только значение нравственной поддержки имел для Пушкина приезд его лицейского товарища. Как всегда, гражданский пафос «рыцаря правды»—так называл Пущина князь С. Г. Волконский—повлиял на творчество поэта, и первое произведение Пушкина, после от'езда И. И. из Михайловского, отразило содержание их бесед 11 января 1825 года: Пушкин, несомненно, под влиянием этого, написал пьесу «Андрей Шенье», которой он сам придавал значение

предзнаменования. В первой половине декабря 1825 года он писал П. А. Плетневу: «Душа! я пророк, ей богу, пророк. Я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя от. и Сы. и т. д.» В середине лета он по тому же поводу писал П. А. Вяземскому: «Читал ты моего «А. Шенье в темнице»? Суди об нем, как иезуит—по намерению».

Отклик бесед с Пущиным слышен в словах Шенье, в них же — удивительное пророчество поэта о поведении декабристов, особенно его друга, ровно через год:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ...

Душевное стремление Пушкина высказалось в стихах, в которых он желает движению, руководимому его лицейским товарищем, успеха. Ему кажется, что он и сам примет участие в восстании:

Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли...
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: „блаженство“...

И снова горькое пророчество об участи друзей, болезненный стон, повторенный потом в словах о Пущине из приведенного уже выше письма:

О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор...

Но истинное настроение Пушкина, подлинные его политические верования те же, что и у Пущина. Оба они почерпали их у Куницына, который учил царскосельских лицеистов любить и уважать свободу. Поэт высказал это устами Шенье:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нет не виновна ты:

В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешан пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщением и славой...
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...

Ряд других свидетельств влияния Пущина на поэта имеется в литературе. Интересно примечание П. А. Вяземского к записке М. А. Корфа о Пушкине, где черствый бюрократ и благонамеренный служака ставит своему лицейскому товарищу в упрек, что в то время, как «после классных часов прочие бывали или у директора или в других смежных домах,—Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами (гусарами) на распашку». Вяземский в выноске пишет: «В гусарском полку Пушкин не пировал только на распашку, но сблизился и с Чаадаевым... А дружба его с Пущиным?»

Провал декабрьского движения болью отозвался в сердце Пушкина. В этом отношении характерен отрывок из его письма к А. А. Дельвигу, где он с сокрушением говорит о судьбе друзей, участвоваших в движении. В августе 1826 года он писал кн. П. А. Вяземскому: «Еще таки я надеюсь на коронацию. Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Еще когда Пущин сидел в Шлиссельбургской крепости, Пушкин написал и переслал Пущину в Сибирь посвященное ему стихотворение:

Мой первый друг, мой друг бесценный.
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней.

В первоначальном наброске этого стихотворения, после слов: «твой колокольчик огласил»,—читаем:

Забытый кров, шалаш опальный
Ты с утешеньем посетил,
Ты день отрадный и печальный
С изгнанным другом разделил...

В записках своих Пущин описывает радость и душевное облегчение, полученные им в Чите в начале 1828 года, когда в день прибытия на каторгу, он получил через А. Г. Муравьеву это стихотворение Пушкина. Сердце поэта болело за участь всех привлеченных к делу о 14 декабря друзей его, но тягостнее всего были ему думы о Пущине. В феврале 1826 года он писал Дельвигу: «...Но что Ив. Пущин? Мне сказывали, что 20-го, т.-е. сегодня, участь их должна решиться, сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую...»

Пущин был в Сибири, на каторге, за много тысяч верст от Москвы, где Пушкин упивался успехами творчества, где его на руках носили почитатели таланта, но страждущего друга своего поэт не забывал, как и других борцов за свободу народа. В стихотворении «Арион»—отражение чувств поэта к его сосланным друзьям:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Вглубь мощны веслы. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Декабристов-товарищей утешал он, посылая им следующие стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа.

Когда это стихотворение достигло каторги, декабрист А. И. Одоевский написал следующий стихотворный ответ Пушкину:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грянем на царей
И радостно вздохнут народы.

Печально было лицеистам-первокурсникам собираться 19 октября 1827 года без товарищей-декабристов, без Пущина и Кюхельбекера. Пушкину было это особенно чувствительно: он любил обоих нежно и трогательно. Поэт посвятил друзьям-мученикам свой лучший дар—стихотворение на день лицейской годовщины:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви.
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,

В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли.

Пушкину памятны и дороги были побуждения руководителей декабрьского восстания, он с грустью наблюдал отношение к декабристам тех представителей общества, которые пристрастно-несправедливыми отзывами старались оттолкнуть от себя подозрение в сочувствии мятежу. И сосланным было легче от сознания, что сердце поэта с ними. Они в Сибири радовались развитию его творчества. Пущин пишет по поводу доставленных ему разными путями посланий Пушкина: «в своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет»...

II [1]

Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе.

Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла душу мою; я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значущею, но входящею в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное свое действие. Первая моя мысль была открыться Пушкину; он всегда согласно со мною мыслил о деле общем, по своему проповедывал в нашем смы-

[1] Из записок Пущина о Пушкине, под ред. С. Я. Штрайха. М. 1925 г.

сле—и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, к счастью ли его, или несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня. К тому же в 1818 году, когда часть гвардии была в Москве по случаю приезда прусского короля, столько было опрометчивых действий одного члена общества, что признали необходимым делать выбор со всею строгостью, и даже, несколько лет спустя, об'явлено было об уничтожении общества, чтобы тем удалить неудачно принятых членов. На этом основании я присоединил к союзу одного Рылеева, несмотря на то, что всегда был окружен многими разделяющими со мной мой образ мыслей.

Естественно, что Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, видаясь чаще обыкновенного, он затруднял меня спросами и расспросами, от которых я, как умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвеженок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвеженок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае, не обинуясь, говорил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!» Таким

же образом он во всеуслышанье в театре кричал: «Теперь самое безопасное время—по Неве идет лед». В переводе: нечего опасаться крепости. Конечно, болтовня это—вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее свое развитие; следовательно, и тут даже некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно содействовал.

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собрались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле», шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; подали чай, мы закурили сигаретки и сели в уголок.

«Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!»

Мне и на этот раз легко было без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание общества. Глядя на него, я долго думал: не должен ли я, в самом деле, предложить ему соединиться с нами? От него зависело принять или отвергнуть мое предложение. Между тем, тут же невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об нем? Значит, их останавливало то же, что меня пугало: образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия.

Преследуемый мыслью, что у меня есть тайна от Пушкина и что, может быть, этим самым я лишаю общество полезного деятеля, почти решался броситься к нему и все высказать, зажмуря глаза на последствия. Я страдал за него,

и подчас мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но видно, не пришла еще пора кипучей его природе угомониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не в праве действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения, в деле, ответственном перед целью самого союза.

Незаметно коснулись опять подозрений на счет общества (в приезд Пущина к Пушкину в село Михайловское). Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою,—по многим моим глупостям».

III [1]

Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми об'ятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревностный член Тайного Общества, узнавши, кто я, от Орлова, принял меня более, чем радостно.

В общежитии Пушкин был до чрезвычайности неловок и при своей раздражительности легко обижался каким-нибудь словом, в котором решительно не было для него ничего обидного. Иногда он корчил лихача, вероятно, вспоминая Каверина и других своих приятелей — гусаров в Царском

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

Селе; при этом он рассказывал про себя самые отчаянные анекдоты, и все вместе выходило как-то очень пошло. Зато заходил ли разговор о чем-нибудь дельном, Пушкин тотчас просветлялся. О произведениях словесности он судил верно и с особенным каким-то достоинством. Не говоря почти никогда о собственных своих сочинениях, он любил разбирать произведения современных поэтов, и не только отдавал каждому из них справедливость, но в каждом из них умел отыскать красоты, каких другие не заметили. Я ему прочел его «Noel», «Ура, в Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю, а между тем, все его ненапечатанные сочинения: *«Деревня»*, *«Кинжал»*, четырехстишье *«К Аракчееву»*, *«Послание к Петру Чаадаеву»* и много других были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения, Со всеми его недостатками и со всеми добродетелями. И вот, может быть, почему он был поэт истинно народный, каких не бывало прежде в России.

Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича, и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны.

В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России. Сам он высказал все, что можно было бы сказать за и против Тайного Общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного Общества, которое могло бы быть хоть насколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное Общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал: «Мне не трудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы, наверно,

к нему не присоединились бы». «Напротив, наверное бы присоединился»,—отвечал он. «В таком случае, давайте руку»,— сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: — Разумеется все это только одна шутка.

Другие также смеялись, кроме А. Л., «рогоносца величавого», который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное Общество или существовало или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен. В 27 году, когда он пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу Никите, он сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое Общество, я не стоил этой чести».

ОТПРАВЛЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРЬ

I[1]

21 июля 1826 года, вечером, мне принесли в мой номер Кронверкской куртины серую куртку и такие же панталоны из самого грубого солдатского сукна и возвестили, что мы должны готовиться к отправлению в путь. Накануне этого дня я имел свидание с младшими братьями—пажами и, простившись с ними, просил их прислать мне необходимое платье и белье. Они исполнили мое желание: вероятно, нашли готовый сюртук с брюками, и вместе с бельем уложили в небольшой чемодан и отправили ко мне; все это я получил и, удивляясь новому наряду, который мне принесли, спросил у плац-майора: «Зачем же мне послали партикулярное платье, если хотят, чтобы я носил серую куртку?» Ответ мне был, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казенным платьем, если этого сам пожелаю. Но так как мне приказано было приготовиться к дороге, то я, пораздумав, что у меня не было ни одной копейки в кармане, и что в дальней стороне и в дальнюю дорогу единственный мой сюртук потерпит совершенное истребление, я решился надеть казенную аммуницию, которая хотя на вид не хороша, но весьма была покойна по ширине ее размеров, и стал дожидаться времени отправления.

[1] Из записок декабриста Е. П. Оболенского.

Вскоре после полуночи меня повели в комендантский дом: взойдя в комнату, вижу Александра Ивановича Якубовича, в таком же наряде, как и я.—Вслед за ним вошел Артамон Захарович Муравьев — бывший командир Ахтырского гусарского полка, и Василий Львович Давыдов, отставной лейб-гусар. Артамон Захарович был одет щегольски: в длинном сюртуке и со всем изяществом, которое доставляет искусство портного, щедро награжденного. Его добрая жена, Вера Алексеевна, заботилась о нем. Василия Львовича я видел тогда в первый раз; не велик ростом, но довольно тучный, с глазами живыми и выразительными; в саркастической его улыбке заметно было и направление его ума и, вместе с тем, некоторое добродушие, которое невольно располагало к нему тех, кто ближе с ним был знаком. На Василии Львовиче был надет фрак Буту, первого портного; остальной наряд соответствовал изящной отделке лучшего портного. Мы молча пожали друг другу руки. Якубович не мог удержаться от восклицания, когда увидел меня с отросшей бородой и в странном моем наряде. «Ну, Оболенский,—сказал он, подводя меня к зеркалу, — если я похож на Стеньку Разина, то неминуемо ты должен быть похож на Ваньку Каина». Вскоре дверь распахнулась, и комендант крепости, генерал-от-инфантерии Сукин громко сказал: «по высочайшему повелению вас велено отправить в Сибирь закованными».

II [1]

Это происходило в декабре месяце, 9 числа, 1826 года... По Неве шел страшный лед... Часовой не хотел пустить в крепость, потому что было уже 11 часов ночи... Один из офицеров крепостного гарнизона отправился за Иваном Александровичем Анненковым... Вскоре привели узника... Мы простились... Ив. Ал. прибавил, что их, вероятно, скоро увезут в Сибирь... Через несколько минут я была на квартире, которая была в двух шагах от крепости; но едва я взошла к себе и присела к столу, приготовившись писать Ивану Александровичу, вдруг страшный шум поразил меня.

[1] Из записок П. Е. Анненковой.

я услыхала звон колокольчиков и свист ямщиков... Я узнала, что не успела я выйти из крепости, как приехало несколько повозок с фельд'егерем и жандармами; потом вывели узников, закованных в цепи, в числе которых был Ив. Ал., посадили их в повозки и помчались. Это были первые из осужденных второй категории декабристов, которых увозили в Сибирь...

По первому зимнему пути были отправлены: Никита и Александр Муравьевы, К. П. Торсон и Ив. Ал. Анненков... Тогда носились слухи, что Муравьевых и Анненкова не без причины поспешили отправить, а именно потому, что мать Муравьевых, Екатерина Федоровна, которая безумно любила сыновей своих, потом жена одного из них, Никиты, Александра Григорьевна, рожденная графиня Чернышева, и, наконец, я, были самые беспокойные, самые смелые: мы всем из властей в Петербурге решительно надоели и от нас не знали как отделаться... Мы тотчас поскакали на первую станцию, но никого уже там не застали. В почтовой книге была записана только фамилия фельд'егеря Желдыбина... Фельд'егерь Желдыбин был ужасный человек: он обходился жестоко с теми, кого вез, не давал им ни есть, ни отдохнуть, бил ямщиков и загонял несколько лошадей. И все это для того, чтобы успеть доскакать с одними до места назначения, кажется, до Иркутска, и вернуться за другими: так соблазнительны были для этого изверга прогоны и разные сбережения от сданных ему арестантов... Мало того, что этот зверь Желдыбин заставлял беспощадно мчаться первые жертвы свои, но он еще чуть не заморозил всех. Никто из них не имел шубы. Морозы стояли жестокие.

Муравьевым, которых ждали на первой станции мать их, Екатерина Федоровна, и жена Никиты, Александра Григорьевна, было передано много денег и они при первой возможности, как только можно было запастись теплым платьем и всем необходимым, делились с своими товарищами. Екатерина Федоровна задарила также Желдыбина, но и это не помогло: он до самого Томска мчался, не обращая внимания на то, что его упрашивали остановиться где-нибудь, чтобы купить еще теплого платья; только в Томске удалось им это сделать.

III [1]

Путевые впечатления совершенно изгладились из моей памяти; быстрая и беспокойная езда, новость положения, все вместе не дозволяло обращать внимания на внешние предметы. Мы останавливались в гостиницах; Артамон Захарович был общим казначеем и щедро платил за наше угощение; посторонних лиц до нас не допускали; наша отрада состояла в беседе друг с другом. Из путевых впечатлений наиболее в памяти сохранился в'езд в Нижний, который совершился во время открытия ярмарки; тысяча народа толпилась на площади, когда мы медленно проезжали через площадь к гостинице. Общее чувство к нам выразилось единственно безмолвным созерцанием наших колесниц с жандармами, нашего наряда с ножными украшениями. В Нижнем я купил необходимую для меня шинель и некоторые другие вещи мне нужные, и из 150 рублей, полученных мною от Подушкина, немного оставалось у меня в наличности; мы продолжали путь по большому сибирскому тракту и в конце августа были уже в Иркутске.

IV [2]

Мы едем довольно спокойно — фельд'егерь добрый человек. С нетерпением жду известий об вас. Аннета, надеюсь, что ты будешь аккуратна по-прежнему, однако, будь осторожна с л и м о н о м (способ переписываться помимо власти), ибо Муханов (декабрист) мне сегодня сказал, что уже эта хитрость открыта, и я боюсь, чтобы она нам не повредила. Пиши смело о делах семейных и об друзьях.

Об Муханове уведоми как нибудь сестру его. Она живет в Москве на Пречистенке и замужем за Шаховским, зовут ее Лизавета Александрова. Скажи ей, что брат ее привезен был из Выборга для присоединения к нам двум и, слава богу, мы все здоровы.—Первые трое суток мы ехали на телеге, что было довольно беспокойно; теперь сели на сани, и я

[1] Из записок Е. П. Оболенского.

[2] Из письма И. И. Пущина к родным в конце 1827 г.—из книги „И. И. Пущин". Ред. С. Я. Штрайха, М. 1925 г.

очень счастлив. Не знаю, как будет далее, а говорят—худа дорога, сделалось очень тепло. Заметь, в какое время нас отправили, но слава богу, что разделались с Шлисс(ельбургом), где истинная тюрьма. Впрочем, благодаря вашим попечениям и Плуталову, я имел бездну пред другими выгод; собственным опытом убедился, что в человеческой душе на всякие случаи есть силы, которые надо уметь сыскать.

Вы не можете себе представить, с каким затруднением я наполняю эти страницы в виду спящего фельд'егеря в каком-нибудь чулане. Он мне обещает через несколько времени побывать у батюшки, прошу, чтобы это осталось тайною, он видел Михаила два раза, расспросите его об нем. Не знаю, где вообразить себе Николю, умел ли он что-нибудь сделать. Я не делаю вопросов, ибо на это нет ни места, ни времени. Из Шлисс(ельбурга) не было возможности никак сладить, ибо солдаты в ужасной строгости и почти не сходят с острова. Мне дано на дорогу сверх порционов 50 рублей, а остальные слишком тысячу генерал обещал переслать по почте к иркутскому губернатору. Прошу вас ничего мне не присылать, ибо у нас всего множество; я не хочу, чтобы вы обо мне много хлопотали. Пишите только чаще, этого я жду как нельзя более.

Завтра две недели, что мы путешествуем. Я имел дорогой две прелестные минуты, о коих я должен с вами побеседовать и коими я насладился со всею полнотою моего сердца. В Ярославле Якушкина с матерью имела свидание с мужем, который ехал перед нами. Мы приезжаем туда вечером пить чай, вдруг является к нам (слово неразбор.) и спрашивает, не имеем ли мы в чем-нибудь надобности— мы набрали табаку и прочих вещей для дороги.—Это был человек Уваровой, сестры Лунина, которая ждала своего брата Лунина. Она пришла в дом и вызвала фельд'егеря; от него узнала, что здесь Муханов, которого она знает, и какими-то судьбами его пустили к ней. Вслед за сим приходят те две и вызывают меня, но как наш командир перепугался и я не хотел, чтобы из этого вышла им какая-нибудь неприятность, то и не пошел в коридор, начал между тем ходить вдоль комнаты и добрая Якушкина в дверь меня подозвала и начала говорить, спрося, не имею ли в чем-нибудь

надобности и не хочу ли вам писать. Меня это так восхитило, что я бросился целовать руки у этой милой женщины.

Сегодня мы нагнали Якушкина, и он просил, чтобы вы им при случае сказали по получении сего письма, что он здоров, с помощью божьей спокоен. Вообрази, что они, несмотря на все неприятные встречи, живут в Ярославле и снабжают всем, что нужно. Я истинно ее руку расцеловал чрез двери—я видел в ней сестру, и это впечатление надолго оставило во мне сладостное воспоминание—благодарите их.

Второе—в Вятке я узнал, что тут некоторое время жил Горсткин (декабрист) под надзором губернатора, и у него была вся семья, и вот уже несколько времени, что он отправился в деревню.

Последнее наше свидание в Питере было так скоро и бестолково, что я не умел выйти из ужасной борьбы, которая во мне происходила от радости вас видеть не в крепости и горести расстаться, может быть, навеки. Я думаю, вы заметили, что я был очень смешон, хотя и жалок.—Хорошо, впрочем, что так удалось свидеться. Якушкин мне говорил, что он видел в Ярославле семью свою в продолжении 17 часов и также все-таки не успел половины сказать и спросить.

Сегодня в 8 часов утра мы переехали Иртыш и увидели на горе Тобольск. День превосходный, зимний, и мы опять в санях.—Ясно утро—ясна душа моя. Остановились прямо у губернатора, который восхитил меня своим ласковым и добрым приемом, говорил с нами очень долго и с чувством. Между прочим, сказал, что Евгений Оболенский (декабрист) давно спрашивал обо мне. Он обещал сказать ему обо мне сегодня же и сообщить мне от него, что он знает об вас. С нетерпением жду этого, хотя эти известия будут не очень свежи. Губернатор велел истопить нам баню, и мы здесь проведем дня два, чтобы немного отдохнуть и собраться с силами на дальнюю дорогу. Фельд'егерь едет назад с одним жандармом, а другие двое с частным приставом на обывательских лошадях везут нас до Иркутска, где с нас снимут цепи. Мы теперь живем на квартире и доброй полициймейстер нас угощает, как доброй и попечительной человек. Бог их всех наградит — я только умею быть истинно благодарным и радоваться в душе, что встречаю таких людей. Побла-

годарите губернатора чрез архиерея, я у него в несколько минут душу отвел после беспрестанных сцен в дороге с извозчиками, вроде той, которая была при нашем свидании. Долго буду помнить я эту лестницу!

Теперь надобно вам сообщить то, что я слышал об нашей участи; может быть, оно неверно, но, по крайней мере, как говорят, мы все будем в местечке Читинская (найдите на карте). Это между Иркутском и Нерчинском. Будем жить четверо в одной комнате и ходить на какую-то работу, но без принуждения большого. Работе всякой я рад, ибо говорят, не дадут нам ни бумаги, ни пера. Книги, надеюсь, у нас не возьмут, это ужасно, если лишить сего утешения. Насчет нашей переписки говорят разно и потому я не знаю, что думать—утешаюсь надеждой. Буду всячески стараться и законно, и беззаконно к вам писать.

Шесть тысяч верст между нами, но я при всех малых ожиданиях на помощь правительства не теряю терпения и иногда даже питаю какие-то надежды. Нас везут к исполнению приговора; сверх того, как кажется, нам будет какая-то работа, соединенная с заключением в остроге,—следовательно, состояние гораздо худшее простых каторжных, которые, хотя и бывают под землей, но имеют случай пользоваться некоторыми обеспечениями за доброе поведение и сверх того, помощью добрых людей устроить себе состояние довольно сносное. Между тем, как нас правительство не хочет предать каждого своей судьбе и с некоторыми почестями пред другими несчастными (как их здесь довольно справедливо называют) кажется намеренно сделать более несчастными. Например, ужасно то, что сделали с нашими женами, как теперь уже достоверно мы знаем (желал бы, чтобы это была неправда!) Им позволено и законами и природными всеми правами быть вместе с мужьями. После приговора им царь позволил ехать в Иркутск, их остановили и потом потребовали необходимым условием быть с мужьями, отречение от дворянства, что, конечно, не остановило сих несчастных женщин; теперь держат их розно с мужьями и позволяют видеться только два раза в неделю на несколько часов, и то при офицере. Признаюсь, что я не беру на себя говорить об этом, а еще более судить, будет, что богу угодно.

Мы выехали из Тобольска 1 ноября на обывательских лошадях с жандармами и частным приставом, который так добр, что на ночь позволяет нам снимать цепи; что мы делаем с осторожностью, ибо за этими людьми присматривают и всякое добро может им сделать неприятность.

V [1]

В Красноярске губернатор, тоже Степанов, угостил нас с искренним радушием. Во всех почти городах, где мы останавливались, чиновники приходили к нам; сначала не смели к нам приступить, заговорить с нами, но всегда кончали предложением услуг и из'явлением участия. На станциях являлись обыкновенно этапные офицеры с подобными же предложениями, а простой народ толпился около повозок и хотя, видимо, боялся жандармов, но нередко те, которые были посмелее, подходили к нам и бросали нам в повозку медные деньги. Я до сих пор храню, как драгоценность, медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько мелких монет, сказала: «Вот все, что у меня есть: возьмите, батюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне». Мы прослезились, и я выбрал у нее одну самую старую монету, положил себе в карман и благодарил ее от искреннего сердца.

VI [2]

Из боязни привлечь внимание населения, политических ссыльных отправляли в Сибирь в разные сроки и различными путями. Наш путь пролегал через Ярославль, Кострому, Вятку, Екатеринбург, Омск. Никому не позволяли приблизиться к нам. С цепями на ногах мы сделали эти 6.050 верст в 24 дня. Была предписана чрезвычайная скорость, причем не было принято во внимание плачевное состояние нашего здоровья. Мы были без гроша.

[1] Из записок декабриста Н. В. Басаргина.
[2] Из записок декабриста А. М. Муравьева. Ред. С. Я. Штрайха. П. 1922 г.

Публика догадывалась о причине, по которой мы пострадали: несмотря на оковы, нас всюду встречали с живейшим радушием. С позволения фельд'егеря нас кормили, отказываясь получать вознаграждение от представителя власти. В Тихвине, недалеко от Петербурга, несмотря на побои фельд'егеря, народ с непокрытыми головами желал нам счастливого пути. То же произошло в Ярославле. В Костроме, пока перепрягали лошадей, один молодой человек, оттолкнув наших стражей, ворвался в комнату, где мы находились, и сказал нам: «Господа, мужайтесь, вы страждете за самое прекрасное, самое благородное дело! Даже в Сибири вы встретите сочувствие». Слова эти были нам приятны.

Мы сделали почти 600 верст в почтовой повозке, а затем, когда установилась зимняя дорога,—в санях. Недалеко от Омска мороз стал жестоким (40 гр. ниже нуля по Реомюру). Наш товарищ Анненков сильно страдал, так как он был без шубы. В Омске ему купили шубу.

Из всех неприятностей, которые мы переносили в пути, особенно было тягостно быть свидетелями варварства, учинявшегося фельд'егерем. Он нещадно колотил ямщика и хвастался, что вырвал ему бороду. Особенно, когда ему приходилось платить прогоны, мы были свидетелями печального зрелища его жестокости. Верный обычаям наших чиновников, он стремился присвоить деньги, отпущенные ему на прогоны: расходы на 12 лошадей от Петербурга до Иркутска составляли довольно крупную сумму. Бедные лошади околевали от усталости. В продолжение всего пути мы отдыхали всего два раза по нескольку часов: в первый раз по случаю тяжкой болезни Анненкова; во второй раз, по прибытии на станцию, приключился обморок с моим братом. Нередко сани опрокидывались, и мы волочились по снегу с цепями на ногах. Это чистое счастье, что мы не были ранены при такой гонке. Нужен был известный навык, чтобы, имея на себе цепи, не поранить себя. По прошествии некоторого времени мы носили их даже с щегольством. Мы прибыли в Иркутск изнуренные усталостью и больные.

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ

I[1]

За преступниками могли последовать их жены, не знающие ни местных обстоятельств, ни существующих о ссыльно-каторжных постановлений и не предвидящие, какой, по принятым в Сибири правилам, подвергнут они себя участи, соединяясь с мужьями в теперешнем их состоянии.

Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностию, с каким пожертвованием сопрягается таковое их преднамерение, и стараться сколько возможно от оного предотвратить.

Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск, как через Иркутск, я возлагаю на особенное попечение вашего превосходительства употребить все возможные внушения и убеждения к остановлению их в сем городе и к обратному от'езду в Россию.

Внушения могут состоять в том:

1) Что, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то-есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-

[1] Из официальной бумаги о женах декабристов, следующих за своими мужьями.

каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне.

2) Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных взять им с собою, коль скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может: ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности их, как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно, могущих подвергнуться при провозе с собою денег и вещей опасным происшествиям.

3) Что с отбытием их в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей, с ними прибывших

С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время через Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безнадежность таковых, у торгующих людей состоящих, и прочие тому подобные учтивые отклонения.

При исполнении сего с надлежащею точностью, если и затем окажутся в числе сих жен некоторые непреклонные в своих намерениях: в таком разе, не препятствуя им в выезде из Иркутска в Нерчинский край, переменить совершенно ваше с ними обращение, принять в отношении к ним, как к женам ссыльно-каторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности, и исполнить на самом деле то, что сперва сказано будет в предостережение и вразумление, а именно:

Все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи, серебро и прочее, по надлежащим описаниям лично при них и по утверждении описи собственноручно подписанием тех, кому сие имущество принадлежать будет, отобрать от тех и, опечатав, отдать к хранению в иркутское губернское казначейство. Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных их денег.

Указав с моей стороны средства, на законных постановлениях основанные, которые служат руководством в действиях по сему предмету, и ожидая от вашего превосходительства исполнения оных в совершенной точности, я

надеюсь, что вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всех возможных способов к достижению собственно той цели, чтобы последовавших за осужденными преступниками жен решительно отвратить от исполнения их намерения, происшедшего от незнания местных обстоятельств Сибири и постановлений, о сем крае существующих.

Наконец, если бы которая-либо из них проехала Иркутск прежде, нежели вы сие получите, в таком разе прошу ваше превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ее в губернский город или приказать остановить в Верхнеудинске, ибо пример оной может побудить и других к домогательствам о равномерном пропуске их в Нерчинск.

II [1]

Губернатор, видя мою решимость ехать, сказал мне: «Подумайте же, какие условия вы должны подписать».—«Я их подпишу, не читая». — «Я должен велеть обыскать все ваши вещи, вам запрещено иметь малейшие ценности». С этими словами он ушел и прислал ко мне целую ватагу чиновников. Им пришлось переписывать очень мало: немного белья, три платья, семейные портреты и дорожную аптечку; затем они открыли ящики с посылками. Я им сказала, что все это предназначается для моего мужа; тогда мне пред'явили к подписи пресловутую подписку, причем они мне сказали, чтобы я сохранила с нее копию, дабы хорошенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человек, прочитавший ее, сказал мне со слезами на глазах: «Княгиня, что вы сделали, прочтите же, что они от вас требуют». — «Мне все равно, уложимся скорее и поедем».

Я узнала, чтой мой муж находится в 12-ти верстах, в Благодатском руднике. Каташа, выдав вторую подписку, отправилась вперед, чтобы известить Сергея о моем приезде. По выполнении различных несносных формальностей,

[1] Из записок жены декабриста кн. М. Н. Волконской.

Бурнашев, начальник рудников, дал мне подписать бумагу, по которой я соглашалась видеться с мужем только два раза в неделю в присутствии офицера и унтер-офицера, никогда не приносить ему ни вина, ни пива, никогда не выходить из деревни без разрешения заведующего тюрьмой, — и еще какие-то другие условия. И это после того, как я покинула своих родителей, своего ребенка, свою родину, после того, как проехала шесть тысяч верст и дала подписку, по которой отказывалась от всего и даже от защиты закона, — мне заявляют, что я и на защиту своего мужа не могу более расчитывать. И так, государственные преступники должны подчиняться всем строгостям закона, как простые каторжники, но не имеют права на семейную жизнь, даруемую величайшим преступникам и злодеям. Я видала, как последние возвращались к себе по окончании работ, занимались собственными делами, выходили из тюрьмы. Лишь после вторичного преступления на них надевали кандалы и заключали в тюрьму, тогда как наши мужья были заключены и в кандалах со дня своего приезда. Бурнашев, пораженный моим оцепенением, предложил мне ехать в Благодатск на другой же день, рано утром.

III [1]

Мы подошли к ней и узнали, что там находится Надежда Николаевна Шереметева, теща одного из наших товарищей, Якушкина, ожидавшая тут со своей дочерью, а его женою (Анастасия Васильевна), проезда зятя своего. Мы обменялись с нею несколькими словами, а когда выходили садиться в повозки, то встретили ее вместе с дочерью, державшей на руках грудного ребенка, в коридоре, посреди толпы собравшихся любопытных. Они обняли, благословили нас и все время не осушали глаз. Жена Якушкина была тогда 18-ти летняя молодая женщина, замечательной красоты. Нам было тяжко, грустно смотреть на это юное, прекрасное создание, так рано испытывающее бедствие

[1] Из записок декабриста Н. В. Басаргина, П. 1916 г.

этого мира и, может быть, обреченное своей обязанностью, своею привязанностью к мужу, на вечную жизнь в сибирских рудниках, на разлуку с обществом, родными, детьми, со всем, что так дорого юности, образованию и сердцу.

IV [1]

На другой день по приезде в Благодатск, я встала на рассвете и пошла по деревне, спрашивая о месте, где работает муж. Я увидала дверь, ведущую как бы в подвал, под землю, и рядом вооруженного часового. Мне сказали, что отсюда наши спускаются в рудники. Я спросила, нельзя ли их видеть за работой. Этот славный парень поспешил дать мне свечу, нечто вроде факела, и я, в сопровождении другого, старшего, решила спуститься в этот мрачный лабиринт. Там было довольно тепло, но спертый воздух стеснял грудь. Я шла быстро и услышала за собой голос, кричавший мне, чтобы я остановилась. Я поняла, что это был офицер, не хотевший допустить, чтобы я говорила с узниками. Я потушила факел и бросилась бежать, ибо вдали видела светящиеся точки. То были они, работавшие на небольшом возвышении, они спустили мне лестницу, я влезла, ее втащили за мной. Таким образом я могла видеть товарищей моего мужа, сообщить им известия из России и передать имевшиеся для них письма. Моего мужа здесь не было, не было ни Оболенского, ни Якубовича, ни Трубецкого. Я видела Давыдова, обоих Борисовых и Артамона Муравьева. Они были из числа первых 8-ми высланных из России и единственных попавших на Нерчинские заводы. Тем временем внизу офицер терял терпение: он звал меня; наконец, я спустилась. С тех пор было строго запрещено впускать нас, дам, в шахты. Артамон Муравьев назвал эту сцену моим «сошествием в ад».

Приезд наш — мой и Каташи — принес много блага заключенным. Не имея разрешения писать, они были лишены известий о своих семьях, а также всякой денежной

[1] Из записок жены декабриста М. Н. Волконской.

помощи. Мы писали за них, и с тех пор они стали получать письма и посылки. Между тем, у нас не хватало денег: я привезла лишь семьсот рублей ассигнациями, остальные же деньги находились в руках губернатора. У Каташи не оставалось больше ничего. Мы ограничили себя в пище: суп и каша стали нашим обычным столом, ужины мы отменили. Каташа, привыкшая к изысканному столу отцовского дома, с'едала кусок черного хлеба и запивала его квасом. За таким ужином однажды застал ее один из тюремных сторожей и рассказал об этом ее мужу. Мы имели обыкновение посылать узникам обеды. Необходимо было чинить их белье. Я как сейчас вижу Каташу, с поваренной книгой в руке, приготовляющую им кушанье и соусы. Когда заключенные узнали о нашем стесненном положении они отказались от наших обедов: тюремные солдаты, все добрые люди, взяли на себя заботу о их питании. Мы остались без служанок, я мела, прибирала комнаты, причесывала Каташу, и уверяю вас, что все в нашем хозяйстве пошло лучше.

V[1]

Время свидания могло продлиться час. Первая пришла Катерина Ивановна (Трубецкая); мы вошли с Волконским к соседям товарищам, свидание кончилось сменою Марии Николаевны (Волконская), которая в том же номере беседовала с мужем определенное время. Прибытие этих двух высоких женщин, русских по сердцу, высоких по характеру, благодетельно подействовало на нас всех; с их прибытием у нас составилась семья. Общие чувства обратились к ним, и их первою заботою были мы же; своими руками шили они нам то, что им казалось необходимым для каждого из нас; остальное покупалось ими в лавках; одним словом, то, что сердце женское угадывает по инстинкту любви, этого источника всего высокого, было ими угадано и исполнено; с их прибытием и связь наша с родными, с близкими сердцу, получила то начало, которое потом уже не

[1] Из записок декабриста Е. П. Оболенского.

прекращалось по их родственной попечительности доставлять и родным нашим те известия, которые могли их утешать при совершенной неизвестности об нашей участи.

Но как исчислить все то, чем мы им обязаны в продолжение стольких лет, которые ими посвящены были попечению о своих мужьях, — а вместе с ними и об нас. Как не вспомнить и импровизированные блюда, которые приносили нам в нашу казарму Благодаского рудника — плоды трудов княгинь Трубецкой и Волконской, в которых их теоретическое знание кухонного искусства было подчинено совершенному неведению применения теории к практике. Но мы были в восторге и нам все казалось так вкусным, что едва ли хлеб, недопеченный рукою княгини Трубецкой, не показался бы нам вкуснее лучшего произведения первого петербургского булочника. Как не вспомнить и ежедневных их посещений нашей казармы в первом или во втором часу, в те дни, в которые не позволено было иметь личного свидания с мужьями. Издали мы видели их приближение; им выносили два стула; они садились против единственного окна нашего чулана — и тут проводили час и более в немой беседе с мужьями. Иногда они приходили вместе; иногда каждая назначала себе час свидания и приходила отдельно. Мороз доходил до 20 градусов: закутанные в шубах, они сидели, доколе мороз не леденил их членов.

VI [1]

Был край, слезам и скорби посвященный
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кровь светлый докучал,
И весь обзор обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывал.

[1] Стихотворение А. И. Одоевского, написанное на день рождения М. Н. Волконской, 25-го декабря 1829 года.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные, земные пелены.

И вестники благие провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;

В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

VII[1]

Дамы наши также, частью по внушению коменданта, нисколько не стеснялись в письмах своих описывать ужасное свое положение в темных казематах, в которых они помещались со своими мужьями. По прибытии в Петровский, комендант об'явил дамам, что мужья их не будут отпускаться к ним на свидание, а что они сами могут жить с ними в казематах, вследствие чего не имевшие тогда детей: кн. Волконская, Юшневская, Фонвизина, Нарышкина и Розен перешли на житье в номера к своим супругам; прочие же, у которых были дети: кн. Трубецкая, Муравьева, Анненкова и Давыдова ночевали дома, а днем приходили навещать мужей своих. Так как строго запрещалось пропускать к ним кого-нибудь из посторонних, то дамы, жившие в казематах, не имели при себе женской прислуги и всякое утро, какая бы ни была погода, отправлялись в свои дома, чтобы освежиться и привести все нужное в порядок.

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

Больно было видеть их, когда они, в непогодь или трескучие морозы отправлялись домой или возвращались в казематы. Без посторонней помощи они не могли всходить по обледенелому булыжнику на скаты насыпи; но впоследствии им было дозволено на этих скатах устроить деревянные ступеньки на свой счет. При таком сложном существовании строгие предписания из Петербурга не всегда с точностью могли быть исполнены. Нарышкина, жившая в каземате со своим мужем, занемогла простудной горячкой, и Вольф отправился к коменданту и об'яснил ему, что для Нарышкиной необходимо иметь женскую прислугу. Комендант долго колебался, но, наконец, решился дозволить, чтобы во время болезни Нарышкиной ее горничная девушка находилась при ней. Скоро потом Никита Муравьев занемог гнилой горячкой; бедная его жена и день и ночь была неотлучно при нем, предоставив на произвол судьбы маленькую свою дочку Нонушку, которую она страшно любила и за жизнь которой беспрестанно опасалась. В этом случае Вольф опять отправился к коменданту и об'яснил ему, что Муравьев, оставаясь в каземате, не может выздороветь и может распространить болезнь свою на других. Комендант и тут, после некоторого сопротивления, решился позволить Муравьеву, на время его болезни, перейти из каземата в дом жены его.

VIII [1]

Но время теперь коснуться замечательной личности, каковою была Катерина Ивановна, рожденная графиня Лаваль. Ее отец со времени французской революции поселился у нас, женившись на Александре Григорьевне Козицкой, получив вместе с ее рукою богатое наследство, которое придавало его дому тот блеск, в котором роскошь служит только украшением и необходимою принадлежностью высокого образования и изящного вкуса. Воспитанная среди роскоши, Катерина Ивановна с малолетства видела себя

[1] Из записок Е. П. Оболенского.

предметом внимания и попечения как отца, который нежно ее любил, так и матери и прочих родных. Кажется, в 1820 году она находилась в Париже, с матерью, когда князь Сергей Петрович Трубецкой приехал туда же, провожая больную свою двоюродную сестру, княжну Куракину; познакомившись с графиней Лаваль, он скоро сблизился с Катериной Ивановной, предложил ей руку и сердце и, таким образом, устроилась их судьба, которая, впоследствии, так резко очертила высокий характер Екатерины Ивановны и среди всех превратностей судьбы устроила их семейное счастье на таких прочных основаниях, которых ничто не могло поколебать впоследствии. По сношениям общества я был близок с князем Сергей Петровичем. В 1821 году я в первый раз увидел Катерину Ивановну и с того времени дружба к ней и глубокое уважение не изменились, но с каждым годом все более развиваясь, приняли тот характер, который теперь, когда ее нет уже между нами, когда она уже приняла высшую награду от единого истинного ценителя всей нашей жизни, остались начертанные чертами неизгладимыми там, где все лучшее переходит с нами в иной мир.

События 14 декабря и отправление в Сибирь князя Сергея Петровича служили только поводом к развитию тех сил души, коими одарена была Катерина Ивановна и которые она так прекрасно умела употребить для достижения высокой цели исполнения супружеского долга, в отношении к тому, с коим соединена была узами вечной, ничем не разрушимыми; она просила, как высшей милости, следовать за мужем и разделять его участь, получила высочайшее дозволение и, вопреки настоянию матери, которая не хотела ее отпускать, отправилась в дальний путь в сопровождении секретаря графа Лаваля, француза Воше; не доезжая ста или более верст до Красноярска, карета ее сломалась, починить ее было невозможно; княгиня не долго думала, села в перекладную телегу и, таким образом, доехала до Красноярска, откуда она послала тарантас, ею купленный, за своим спутником, который не мог выдерживать тележной езды и остановился на станции. Соединив-

шись, наконец, с мужем в Николаевском заводе, она с того времени никогда не покидала нас и была, во все время нашей общей жизни, нашим ангелом-хранителем. Трудно выразить то, чем были для нас дамы, спутницы своих мужей; по справедливости их можно назвать сестрами милосердия, которые имели о нас попечение, как близкие родные, коих присутствие везде и всегда вливало в нас бодрость, душевные силы; а утешение, коим мы обязаны им, словами из'яснить невозможно. Вслед за княгиней Трубецкой приехала и княгиня Мария Николаевна Волконская, дочь знаменитого в отечественных войнах Николая Николаевича Раевского.

IX.[1]

Раз я начала говорить о своих подругах, то должна сказать вам, что Александрину Муравьеву я любила больше всех. У нее было любящее сердце, благородство сказывалось во всех ее поступках, восторгаясь своим мужем, она боготворила его и хотела, чтобы и мы относились к нему так же. Муравьев был холоден, серьезен, это был скорее кабинетный ученый, чем человек действия. Глубоко уважая его, мы не разделяли ее восторга. Нарышкина была маленькая, очень полная женщина не без жеманства, но в сущности очень милая, надо было привыкнуть к ее гордому виду и тогда трудно было не полюбить ее. Фон-Визина приехала скоро после того, как мы устроились, у нее было совсем русское лицо, белое и свежее, с голубыми глазами на выкате, она была маленькая, кругленькая и очень болезненная, ее бессоницы сопровождались видениями, она кричала по ночам так, что было слышно на улице. По приезде в Сибирь все это у нее прошло, но осталась манера уставиться взглядом и предсказывать судьбу, но и эта причуда скоро прошла у нее. Возвратившись в Россию, она потеряла мужа и в 53 года вышла вторично замуж за Пущина, крестного отца моего сына.

Анненкова приехала к нам, еще нося имя Поль. Это была красивая молодая француженка лет 30-ти, она кипела

[1] Из записок М. Н. Волконской.

жизнью и весельем и прекрасно высмеивала окружающих. Сразу по ее приезде комендант сказал ей, что имеет приказ его величества относительно ее свадьбы. С Анненкова, согласно закона, сняли кандалы, чтобы итти в церковь, потом снова одели. Дамы сопровождали Поль в церковь. Она не понимала по-русски и все время пересмеивалась с шаферами — Свистуновым и Александром Муравьевым. Под этой кажущейся беспечностью скрывалось чувство глубокой любви к Анненкову, ради которого она отказалась от родины и независимой жизни. Когда она подавала его величеству прошение о разрешении ей ехать в Сибирь, государь стоял на крыльце; садясь в коляску, он спросил ее: «Вы замужем?» — «Нет, ваше величество, но я хочу разделить участь ссыльного». Она осталась преданной супругой и нежной матерью: она работала с утра до вечера, сохраняя при том свое изящество и свой обычный говор.

На следующий год приехала Давыдова, она привезла с собой мою горничную Машу, упросившую моих родителей позволить ей ехать ко мне. Позже прибыли еще дамы (всего десять).

X[1]

У нее было нежное сердце, благородство выражалось во всех ее поступках, — пишет М. Н. Волконская про жену декабриста Никиты Мурваьева — Александру Григорьевну, рожденную графиню Чернышеву. «Это была чрезвычайно милая женщина, молодая, красивая, симпатичная, но ужасно раздражительная» — так характеризует ее в своих записках П. Е. Анненкова. «Ее красота внешняя равнялась ее красоте душевной» — говорит декабрист А. Е. Розен. Восторженные отзывы об А. Г. Муравьевеой находим и в других записках и письмах декабристов и их жен. К этому надо добавить, что Муравьева была дочь знатного вельможи, владельца огромного майората. Она обладала странностями, присущими всей семье Чернышевых и, повидимому, связанными с упомянутой раздражительностью.

[1] Из статьи С. Я. Штрайха „Из быта декабристов в Сибири“ „Русское Прошлое“ 1923 г. № 1.

Теперь надо представить себе эту изящную и раздражительную женщину — на портрете Чернышевой, работы П. Ф. Соколова, лежит печать тяжелой грусти и глубоких душевных страданий — в далекой пограничной с Китаем Чите, где отбывал каторжные работы боготворимый ею муж — автор демократической конституции и виднейший участник заговора декабристов. Надо вспомнить, что пережили и выстрадали жены других декабристов, М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая, в борьбе за осуществление своего желания разделить участь мужей-каторжан, и надо знать, что Муравьева претерпела те же мытарства, — чтобы оживить в своем воображении предлагаемый ниже рассказ жандармского офицера о том, как встретили декабристы первую Пасху в Сибири, Пасху 1827 года.

В декабре 1827 года заведена была III отделением переписка по поводу того, что «девки» Авдотья Пугачева и Прасковья Иванова и крестьянин Андрей Леляков были в Чите у жен государственных преступников Трубецкой, Волконской и Муравьевой, но вскоре вернулись в Иркутск, не желая оставаться у них в услужении, и были отправлены в Москву. В переписку эту были втянуты многие высшие государственные учреждения. Есть, например, бумаги за подписью начальника главного штаба Дибича, предлагавшего петербургскому и московскому генерал-губернаторам установить строгий надзор за названными выше людьми. Власти стали надзирать, и вскоре московский жандармский генерал Волков послал Бенкендорфу следующий доклад, в котором бесхитростный рассказ крестьянина переплетен с фарисейскими рассуждениями жандармов:

«Андрей Леляков прошлого 1827 года, января 2-го выехал из Москвы с Александрой Григорьевной Муравьевой и, доехав до Иркутска, они отправились в место, так называемое Четенский острог, ибо через генерал-губернатора Лавинского она была извещена, что муж ее Никита Муравьев находится там. Приехав, она наняла для себя избу; ей позволяется видеть мужа через два дни в третий, и таковое свидание, всегда в присутствии дежурного офицера бываемое, иногда продолжается часа по два. Государствен-

ные преступники содержатся в нарочно построенных деревянных казармах, по 12 человек в каждой комнате; а всех их во время его там бытности находилось числом 60 человек. С них не скидаются оковы ни день, ни ночь, выключая только тех случаев, когда им дозволяется быть в бане и в церкви. Их пищу составляют: жидкая овсяная кашица, крутая гречневая каша, хлеб, вода, а квасу нет и нет при них никакого лекаря. Им не дозволяется иметь ни чернил, ни бумаги и никакого железного орудия. На работу ежедневно выгоняются, исключая высокоторжественных дней, при весьма строгом карауле; а как они должны проходить мимо окон Александры Григорьевны, то с нею делаются в то время обмороки, иногда продолжающиеся до двух часов. Когда наступил день воскресения Христова, она изготовила Пасху и к окнам ее были подведены преступники. Пасха раздавалась им через караульного унтер-офицера, и в то время, когда благословенный хлеб, доходил по очереди до рук А. Г. Муравьевой, то оный наперед орошался слезами и слезы делались уже всеобщим знамением торжества религии. Муравьева в сие время была долго без чувств. Преступники, узнав о разрешении от бремени государыни императрицы Александры Феодоровны, ожидали, что с них будут сняты оковы.

Андрей Леляков, мастерством кухмистр, находившийся при Муравьевой девять месяцев и стряпавший для нее кушанье, по убедительной ее просьбе учил ее своему ремеслу, в коем она довольно успела. Туда же прибыли (осенью 1827 года из Нерчинска) Волконская, Ентальцева и Нарышкина и поселились вместе с Муравьевой. При них есть один крепостной человек и одна девушка; а как Андрей Леляков не пожелал там долее оставаться, то Александра Григорьевна наняла себе для услуг двух женщин, из коих одна жидовка, а другая русская стряпуха, рекомендованная и отысканная для нее генерал-губернатором Лавинским. Лелякову в награду выдана отпускная на волю».

ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ

В ЧИТЕ.

I[1]

В малом каземате (в Чите) мы обедали все вместе и поочередно дежурили; обязанность дежурного состояла в том, чтобы приготовить все к обеду и к ужину и потом все прибрать. К обеду приносил сторож огромную латку артельных щей и в другой латке накрошенную говядину; хлеб приносили в ломтях; нам не давали ни ножей, ни вилок; всякий имел свою ложку костяную, оловяную или деревянную; недостаток тарелок заменяли чайными деревянными китайскими чашками. После каждой трапезы наступало для дежурного отвратительное положение: ему приходилось мыть посуду и приводить все в порядок, а для исполнения этой обязанности недоставало средств: не было ни стирок, ни часто даже теплой воды для мытья посуды. Чай мы пили также все вместе, и тот, кто постоянно его разливал, избавлялся от обязанности поочередно дежурить с другими.

Мы жили в такой тесноте, что ничем пристально заниматься не было возможности. Игра в шахматы и взаимные рассказы были главным нашим занятием и развлечением. В будни наряжались из всех казематов 16 человек на работы, куда мы отправлялись за конвоем вооруженных солдат.

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

В небольшом домике были поставлены четыре ручные мельницы, которые помещались в одной комнате; работа продолжалась три часа поутру и три—после обеда. В это время мы должны были все вместе перемолоть четыре пуда ржи, из числа которых приходилось по десяти фунтов на каждого человека; а так как у каждой из четырех мельниц не могли работать более двух человек, то мы в продолжение работы сменялись несколько раз. Работа, конечно, была не тяжелая; но некоторые, не имея сил исполнить сами свой урок, нанимали сторожа, который молол их пай. Мука нашего изделия была, вообще, не отличного достоинства. Те, которые не работали, в другой комнате курили, играли в шахматы или занимались чтением и разговором.

Меня и некоторых других перевели из малого каземата в большой. В комнате, в которой меня поместили, нас было четырнадцать человек. По всем стенам стояли кровати; посреди комнаты стоял стол, за которым мы обедали; по одну сторону его стояла скамейка, а по другую сторону стола оставалось не более простора, сколько необходимо пройти одному вдоль комнаты, и потому по необходимости приходилось почти целый день сидеть, когда нельзя было гулять по двору. Большой каземат был невообразимо дурно построен; окна с железными решетками были вставлены прямо в стену без колод, и стекла были всегда зимой покрыты толстым льдом. В комнате нашей, вообще, было и холодно и темно. Всякий старался пристроиться на своей кровати так, чтобы ему можно было читать или заниматься чем-нибудь другим. Все, с малым исключением, учились сами или учили других, и такие постоянные занятия в нашем положении были примирительными средствами и истинным для нас спасением.

II [1]

Помещение наше в Чите было чрезвычайно тесно. В первой комнате, аршин осьми длины и пяти ширины, жило человек 16, во второй, почти того же размера, тоже 16, а

[1] Из записок декабриста Н. В. Басаргина.

в третьей маленькой — 4 человека. В другом домике было, кажется еще теснее. На нарах каждому из нас приходилось по три четверти аршина для постели, так что, переворачиваясь ночью на другой бок, надобно было непременно толкнуть одного из соседей своих, особенно имея на ногах цепи, которых на ночь не снимали и которые при всяком неосторожном движении производили необыкновенный шум и чувствительную боль. Но к чему не может привыкнуть, чего не может перенести молодость. Мы все спали так же хорошо, как на роскошных постелях и мягких пуховиках.

Теснота эта была еще оглушительнее днем. Пространства для движения было так мало, что всем нам не было никакой возможности сходить с нар, при том шум от желез был так силен, что надо было очень громко говорить, чтобы слышать друг друга. Сначала нам позволяли гулять только по двору, но потом не воспрещено выходить днем, когда вздумается. При такой тесноте, это дозволение почти было необходимо: в противном случа, без воздуха и движения, могли открыться повальные болезни. Двор был небольшой, обнесенный высоким тыном, около которого на каждой стороне находился часовой, а в воротах два; следовательно, опасаться было нечего.

При посещении дамами мужей своих, выводили всех тех, кто помещался в комнате, назначенной для свидания. Разумеется, в хорошую погоду мы уходили сидеть или гулять по двору, но в худую—собирались все в другую, и тогда решительно помещались в ней, как сельди в боченках.

Нам назначены были дни работы. Каждый день, исключая праздников, нас выводили за конвоем, на три часа поутру и на два после обеда, засыпать какой-то ров на конце селения. Мы были очень рады этим работам, потому что они позволяли нам видеться с товарищами нашими из другого каземата. Работать же нас не принуждали: свезя несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом, или читали взятую с собой книгу и, таким образом, проходило время работы... Ров этот, не знаю, кто-то из нас назвал Чортовой могилой, и, говорят, что он до сих пор носит это название. Впоследствии придумали нам другую работу: устроили ручную мельницу в несколько жер-

новов и водили туда молоть хлеб. Но и там мы почти ничего не делали, толковали, читали, играли в шахматы, и только для виду подходили минут на десять к жерновам и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась. Должно отдать в этом случае справедливость коменданту, который по доброте своей смотрел на все это сквозь пальцы и поступал с нами вообще очень снисходительно и человеколюбиво.

ПЕРЕХОД В ПЕТРОВСКОЕ [1]

Долго старик Лепарский (начальник тюрьмы декабристов) обдумывал порядок нашего шествия и, вспомнив былое, распорядился нами по примеру того, как во время конфедератской войны он конвоировал партии пленных поляков. Впереди шел авангард, состоявший из солдат в полном вооружении, потом шли государственные преступники, за ними тянулись подводы с поклажей, за которыми следовал арьергард. По бокам и вдоль дороги шли буряты, вооруженные луками и стрелами. Офицеры верхом наблюдали за порядком всего шествия. Сам комендант иногда отставал от первой партии затем, чтобы собственным глазом взглянуть на вторую партию.

Нарышкина, Фонвизина и княгиня Волконская, не имевшие детей, следовали за нами в собственных экипажах и видались со своими мужьями, когда мы останавливались ночевать, а во время дневок были с нами целые дни вместе. Другие же дамы: княгиня Трубецкая, Муравьева, Давыдова и Анненкова, у которых были дети, чтобы не подвергать их случайностям долговременного пути, отправились из Читы на почтовых прямо в Петровский завод. Вообще путешествие это, при довольно благоприятной погоде, было для нас благоприятной прогулкой. Во время всего нашего странствования, продолжавшегося около полутора месяца, было перехода три в 35 верст, остальные переходы были гораздо меньше и никак не утомительны; впрочем, кто не мог или не хотел итти пешком, мог ехать на повозке: подвод для

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

нас и под нашу поклажу, на каждом ночлеге заготовлялось многое множество. Поутру, услышав барабан, мы выходили на сборное место и часов в семь, определенным порядком, пускались в ход. Буряты были к нашим услугам и везли наши шинели, трубки и пр.

Пройдя верст 10 или несколько более, мы останавливались на привале, часа на два; тут у женатых всегда был припасен завтрак, которым продовольствовались и неженатые. Обыкновенно мы приходили еще довольно рано на место ночлега, где нас встречали квартирьеры и мы размещались в приготовленных для нас избах. Исправляющий при партии должность хозяина отправлялся с квартирьерами и изготовлял для нас всегда довольно сытный обед, и вообще продовольствие наше во время обеда было гораздо лучше, нежели в Чите. Проводить большую часть дня на чистом воздухе и ночевать не в запертом душном каземате, по сравнению, было уже для нас наслаждением. На переходе мы ничем не стеснялись, и всякий шел, как ему было угодно; хорошие пешеходы уходили иногда версты две вперед авангарда, и только тогда под'езжал к ним офицер и просил обождать отставшую партию. На переправах генерал Лепарский всегда сам присутствовал и с каждым из нас, подходившим к нему, был как нельзя более любезен; в этих случаях можно было подумать, что он воображал себя командиром Северского полка.

На Братской степи, где не было довольно больших селений, чтобы мы могли все в них поместиться, на каждом ночлеге для нас были поставлены бурятские юрты, все в один ряд, и на ровном расстоянии одна от другой; крайние из них занимались командою, а в прочих помещались мы. Юрты эти круглые, имеют основу деревянную, переплетенную узкими драночками, и все обтянуты войлоком; наверху оставлено отверстие для исхода дыма; когда надо было согреть чайник, огонь раскладывали посреди юрты. Когда было тихо, дым свободно подымался в отверстие; но при ветре он клубится и окончательно стелется по земле. При каждой юрте был бурят для служения нам. Буряты эти при первой встрече с нами прикидывались обыкновенно, как будто ничего не понимают по-русски; но потом, когда их кормили,

поили чаем, давали им табаку, они становились говорливы. Исправник, давая им наставление, уверял их, что мы народ опасный, и что каждый из нас кудесник, способный творить всякого рода чудеса. Юрты для нас доставлялись из кочевьев, отстоявших иногда верст за сто от большой дороги, и за месяц до нашего прихода они были уже на месте. Такие распоряжения были, без сомнения, разорительны для края, и многие из бурят, чтобы не подвергнуться такому наряду, откочевывали в даль.

В ПЕТРОВСКОМ

I[1]

По приближении к Петровскому бывшие там наши дамы выехали навстречу к своим мужьям; рассказы их о приготовленных для нас казематах были очень неутешительны: для каждого из нас была особая комната без окон с крепким наружным запором.

В начале октября мы вступили торжественно в Петровский завод, селение, в котором считалось 3 тысячи жителей, большею частью ссыльных, очень небогатых, занимавшихся заводскими работами. Казематы, составлявшие полуказарму, были расположены покоем; открытые стороны полуказармы были загорожены высоким частоколом, и огромный двор полуказармы был разделен таким же высоким частоколом на три отделения; в среднем из них, на противоположной стороне воротам полуказармы, было поставлено строение, заключавшее в себе поварню, разные службы и очень большую комнату, назначенную для совершения богослужений и для общих каких-нибудь наших занятий. При входе в полуказарму была гауптвахта; рядом с ней крытые ворота, против которых находились крыльцо и дверь в теплую караульню, состоявшую из двух комнат; в одной из них помещались рядовые, а другую занимал караульный офицер. Рядом с караульней были ворота, через которые входили на средний двор; примыкающее к ней место, такой же величины, какое она сама занимала, было обнесено частоколом и назначалось под сад, но который никогда не был посажен. Вдоль всех ка-

[1] Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

зематов тянулся коридор, перерезанный только караульней и воротами; коридор этот, шириной в три аршина и с окнами во двор, был разделен поперечными стенами, в которых были двери, замкнутые на замок и отворявшиеся только в необыкновенных случаях.

В каждом из отделений коридора было пять или шесть номеров, а посредине наружная дверь, перед которой вместо крыльца была насыпь с откосами, покрытая булыжником. Казематы были без наружных окон, и каждый из них слабо освещался небольшим с железной решеткой окном над дверью в коридор. В длину каждый каземат имел 7 арш., а ширина 6 арш., в одном углу была печь, топившаяся из коридора, а в другом стояла койка. По прибытии нашем в Петровск, меня поместили в 11 нумер. Новое жилье мое было очень темно, но я вступил в него с радостным чувством: тут я имел возможность быть наедине с самим собой, чего не случалось в течение последних трех лет. На другой день нашего прихода комендант обошел все казематы: вошедши в мой нумер, он запер дверь, вынул бумагу и, посмотрев на нее, сказал: здесь очень темно. Я было стал уверять его, что мне прекрасно; но он опять сказал, что у меня очень темно, и вышел. То же повторялось и во всех прочих нумерах. Комендант очень знал и прежде, что для нас строили казематы без окон, но тогда он не имел возможности противиться такому распоряжению высшего начальства и только теперь решился действовать в нашу пользу, когда по своему разумению имел на это законную причину. Он представил в Петербург, что, заметив, как мы вообще наклонны к помешательству, он опасается, что многие из нас, оставаясь в темноте, могут сойти с ума, и потому просит разрешения прорубить окна в казематах.

Казематы наши были выстроены на скорую руку и так неудачно, что в них беспрестанно были поправки; не раз загорались стены, ничем не отделенные от печей; стены коридора выпучило наружу, и пришлось утвердить их стойками и болтами. В нумерах было не очень тепло, а в коридоре иногда и очень холодно, так что не всегда было возможно отворять дверь в коридор, чтобы иметь сколько-нибудь света, и приходилось сидеть днем со свечей.

II [1]

Итак, дорогой батюшка, все, что я предвидела, все, чего я опасалась, все-таки случилось, несмотря на все красивые фразы, которые нам говорили. Мы—в Петровском и в условиях в тысячу раз худших, нежели в Чите. Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых, здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не дает тепла; и это в сентябре; в-четвертых, здесь темно: искусственный свет необходим днем и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты.

Нам, слава богу, разрешено быть там вместе с нашими мужьями, но, как я вам уже сообщала, без детей, так что я целый день бегаю из острога домой и из дому в острог, будучи на седьмом месяце беременности. У меня душа болит за ребенка, который остается дома один, с другой стороны, я страдаю за Никиту (мужа) и ни за что на свете не соглашусь видеть его только три раза в неделю, хотя бы это даже ухудшило наше положение, что вряд ли возможно. Вот уж два дня, что я его не вижу, потому что я серьезно больна и не могу выходить из дому; даже пишу тебе в постели, так как простудилась, но не в тюрьме, а еще раньше; *я себя перемогала дни три, пока сил не стало,* так что я лежу, не выходя из дому, чтобы не свалиться на всю зиму.

Если бы даже нам дали детей в тюрьму, все же не было бы возможности их там поместить: одна маленькая комнатка, сырая и темная и такая холодная, что мы все мерзнем в теплых сапогах, в ватных капотах и в колпаках. Наконец, моя девочка кричала бы весь день, как орленок, в этой темноте, тем более, что у нее прорезаются зубки, и очень мучительно, как вы знаете.

Прошу тебя не показывать этого письма ни младшим сестрицам, ни даже сестрам. Зачем их огорчать? Я сообщаю это тебе, потому что я не могу выносить, *что тебя под старости этак обманывают.* Я нахожу, что это жестоко и из-за

[1] Из письма А. Г. Муравьевой к отцу из Петровского завода. (из статьи С. Я. Штрайха „Декабристы на каторге и в ссылке" Сб. об-ва политкаторжан, М. 1925). Письмо — французское, набранное здесь курсивом—написано порусски.

девочки, и из-за второго, которого я жду через некоторое время; что касается меня, то я никогда не стану жаловаться за себя лично. Нужно сознаться, *что я себе не на радость детей нарожала.*

НА КАТОРГЕ [1]

Скоро мы прибыли к месту нашего назначения—в Благодатский рудник—и тройки наши остановились у казармы, приготовленной для нашего жилища. Это было строение 7-ми сажен длины; в нем были две избы, первая со входа назначалась для караульных солдат, вторая—для нас; в нашей избе, со входа по левую сторону находилась огромная русская печь; направо вдоль всей избы устроены были три чулана, отделенные друг от друга досчатыми перегородками, к противоположной стене от двери устроена была третья комната, наскоро сколоченная из досок. К трем первым чуланам вели две ступеньки и у каждого чулана навешена дверь.

Размер первых двух чуланов был: с первой стороны—3 аршина с небольшим длины и аршина два ширины. Размер последнего чулана — длина та же, но ширина аршина четыре. Скоро мы разместились. Давыдов и Якубович заняли каждый по особому чулану. Трубецкой и я поместились вместе в третьем чулане. Трубецкой имел свою досчатую кровать в длину; моя кровать устроена была так, что половина моего туловища находилась под кроватью Трубецкого, а другая примыкала к двери; Волконский занял противоположную сторону, против Трубецкого. Муравьев и двое Борисовых поместились подобным образом в своей досчатой комнате. Караул наш состоял из горного унтер-офицера и трех рядовых, которые бессменно сторожили нас во все время нашего пребывания в Благодатном руднике. Караул был внутренний; те же караульные готовили нам кушанье, ставили самовар, служили нам и скоро полюбили нас и были нам полезнейшими помощниками. Нас принял управляющий рудником, горный офицер, которого фамилию я запомнил.

Нам дали отдохнуть дня три: отобрали бывшие при нас

[1] Из записок декабриста Е. П. Оболенского.

деньги и распорядились таким образом, чтобы мы из выдаваемых нам денег могли закупать всю нужную нам провизию, а в издержанных деньгах отдавали бы отчет. Денег оказалось весьма мало: всякий отдавал из своих денег, что хотел, и никто не требовал большего против того, что было нами показано. В течение этих трех дней приехал и начальник Нерчинских заводов—берг-гауптман Тимофей Степанович Бурнашев — взглянуть на нас; на словах он был довольно груб, но в его распоряжениях видно было желание облегчить наше положение, не обременяя нас излишнею тягостью.

Скоро настало время начала наших работ: накануне нам было об'явлено, чтобы мы приготовились с ранним утром к предстоящему труду; на другой день в 5 часов пришли к нашим казармам штегер с рабочими, назначенными нам в товарищи...

Но конец подземной работе был положен и мы вышли на новый труд, нам назначенный. Работа была урочная; рудоразборщики, обыкновенно подростки горных служителей, разбивали руду и отделяли годную к плавке от негодной, мы могли заняться этим трудом, который требовал большого навыка в умении различать и сортировать руду по ее большей или меньшей годности. Итак, нам дали, каждой паре, по носилкам и ручная наша работа состояла в том, что мы должны были перенести 30 носилок, по пяти пудов в каждой, с места рудоразбора в другое, общее складочное место.

ПОПЫТКА БЕЖАТЬ С КАТОРГИ [1]

Помню, что в первое время нашего пребывания в Чите, мы очень много толковали о возможности освободиться из нашего заключения, и вспоминаю об этом потому более, что в настоящее время предположение наше плыть по Амуру до Сахалина вполне оправдалось. Дело состояло в том, чтобы обезоружить караул и всю команду, находившуюся в Чите, задержать на время коменданта и офицеров и потом, присоединив к себе тех, которые согласятся пристать к нам и

[1] Из записок декабриста Н. В. Басаргина.

запасясь провиантом, оружием, снарядами, построить наскоро барку или судно, спуститься реками Аргуном и Шилкою в Амур и плыть им до самого устья его, а там уже действовать и поступать по обстоятельствам. Этот план, я уверен, очень мог бы быть исполнен. Нас было 70 человек, молодых, здоровых, решительных людей. Обезоружить караул и выйти из каземата не представляло никакого затруднения, тем более, что большая часть солдат приняла бы сейчас нашу сторону. Вся команда состояла из ста с небольшим человек, и можно наверное предположить, что половина присоединилась бы к нам. Пока дошло бы сведение о действиях наших в Иркутск, и пока приняли бы меры против нас, мы легко могли построить судно, нагрузиться и уплыть в Амур, следовательно, быть вне преследования. В Чите мы нашли бы необходимое: провиант, снаряды, и оружие, в достаточном количестве для нашего путешествия. Плавание по Амуру, как оказалось это впоследствии экспедицией генерал-губернатора Муравьева, совершилось бы без особенных препятствий. Одним словом, вероятности в успехе было много, более, чем нужно при каждом смелом предприятии. Но, с другой стороны, представлялись и затруднения: неожиданное сопротивление со стороны команды, следовательно, необходимость прибегнуть к силе оружия, погубить, может быть, несколько невинных жертв, одним словом, взять на совесть пролитие крови единственно для своего только освобождения. Потом непредвидимые случайности, например, нечаянное, преждевременное открытие нашего намерения комендантом или офицерами, недостаток решимости в комлибо из нас в последнюю минуту. Наконец, вопрос, как поступить с дамами; оставить их (на что, вероятно, они бы не согласились) в руках раздраженного правительства или, взявши с собой, подвергнуть всем лишениям, всем опасностям нашего дерзкого, неверного предприятия. Обстоятельно размыслив обо всем этом и находя возражения некоторых, более осторожных наших товарищей основательными, пылкая молодежь должна была согласиться с нами и перестала думать и толковать об освобождении своем.

ДЕКАБРИСТЫ В ПОТОМСТВЕ

А. И. ГЕРЦЕН О ДЕКАБРИСТАХ

Вскоре после войны в общественном мнении совершилась большая перемена. Офицеры гвардии и армейских полков стали менее покорны, менее сговорчивы, чем прежде, после того как храбро подставляли грудь неприятельским пулям.

Энергичные и серьезные люди постарались воспользоваться им иным способом. Они задумали тайное общество, которое должно было заняться политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и разработать сложный вопрос радикальной и полной реформы русского правительства. Далеко не ограничиваясь одной только теорией, они в то же время организовались так, чтобы воспользоваться первым удобным случаем для потрясения царской власти. Все, что было отличного в русской молодежи, — молодые военные, как Пестель, Фон-Визин, Нарышкин, Юшневский, Муравьев, Орлов; самые любимые литераторы, как Рылеев и Бестужев; потомки самых знаменитых фамилий, как князья Оболенский, Трубецкой, Одоевский, Волконский, граф Чернышев, — поспешили войти в ряды этой первой фаланги русского освобождения. Это общество приняло сначала название *Союза Благоденствия.*

Десят лет, протекшие со времени возвращения войск и до 1825 года, составляют апогей петербургского периода.

Россия Петра I чувствовала себя сильною, юною, полною надежды. Она думала, что свобода способна привиться с такой же легкостью, как и цивилизация, и забыла, что цивилизация не проникла еще дальше поверхности и принадлежала только очень незначительному меньшинству. Это меньшинство, действительно, было настолько развито, что не могло оставаться при временных условиях императорского строя.

Это была первая оппозиция, поистине революционная, которая образовалась в России. Оппозиция, которую встретила цивилизация в начале XVIII века, была консервативна. Даже та, которую проявляли некоторые большие сановники, например, граф Панин в царствование Екатерины II, не выходила из круга идей строго-монархических; она отличалась иногда энергиею, но всегда оставалась покорною и почтительною. Настроение, охватившее умы после 1812 года, было уже совершенно иное.

Столкновение между покровительствующим деспотизмом и покровительствуемой цивилизацией стало неминуемым. Первый бой между ними произошел 14 декабря. Победителем вышел абсолютизм; он показал тогда, какою силою зла он обладает.

Время для тайного политического сообщества было выбрано во всех отношениях прекрасно. Литературная пропаганда шла очень деятельно; душою ее был знаменитый Рылеев; он и его друзья придали ей энергию и увлекательность, которой она никогда не имела ни раньше, ни позже. То были не только слова, но и действия. Чувствовалось определенно принятое решение, сознательная цель; не обманывались насчет опасности, шли твердым шагом, с высоко поднятой головой к бесповоротно установленному исходу.

Революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи.

Заговор быстро распространялся в Петербурге, Москве, в Малороссии между офицерами гвардии и 2-й армии. Русские ленивы, пока не наталкиваются на импульс, легко под-

даются увлечению. Раз увлеченые они идут до крайних выводов, не ища сделок.

Когда полковник Пестель посетил Северное общество, он поставил вопрос на другую почву. Он полагал, что провозглашение республики ни к чему не приведет, если не вовлечь в революцию и земельную собственность. Не забудем, что дело идет о событиях между 1817 и 1825 годами. Социальные вопросы никого еще не занимали в Европе. Гракх Бабеф, «сумасшедший, дикий», был уже забыт. Сен-Симон писал свои трактаты, но их никто не читал; с Фурье было то же самое; опыты Оуэна интересовали не более. Самые большие либералы того времени, вроде Бенжамена Констана и Поля-Луи-Курье, испустили бы крики негодования, если бы услышали предложения Пестеля, — предложения, которые провозглашались не в каком-нибудь клубе, состоявшем из пролетариев, но перед большим союзом, в который входили исключительно лица из самого богатого дворянства. Пестель предлагал им добиться, хоть ценою своей жизни, экспроприации их же имений. С ним соглашались, его убеждения слишком колебали те принципы политической экономии, которые тогда только что были усвоены. Но Пестеля не обвиняли в том, что он хотел грабежа и резни; он тем не менее оставался истинным вождем Южного общества и более чем вероятно, что, в случае успеха, он стал бы диктатором, — он, который был социалистом раньше, чем появился социализм.

Пестель не был ни мечтателем, ни утопистом; совсем напротив, он ни на шаг не отходил от действительности, он знал дух своей нации. Если оставить землю дворянству, то получилась бы олигархия, народ даже не понял бы своего освобождения, так как русский крестьянин хочет быть свободным только с землей.

Тогда же Пестель первый подумал, каким образом привлечь народ к участию в революции. Он соглашался с друзьями, что восстание не могло удасться без поддержки армии, но он хотел еще увлечь, во что бы то ни стало, и сектантов, — глубокомысленный проект, основательность и важность которого докажет время.

14 декабря, действительно, открыло новую базу нашему политическому воспитанию, и — что может показаться странным — громадное влияние, которое имело это дело и которое сильнее действовало, чем пропаганда и теории, оказало самое восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, во время суда, в кандалах, в присутствии императора Николая, в рудниках, в Сибири. Не либеральных стремлений или сознания злоупотреблений недоставало русским, а прецедента, который дал бы им смелость инициативы. Убеждения внушают теорию, поведение же образуется примером.

Нигде подобный пример до такой степени не необходим, чем там, где человек не привык осуществлять свою волю, выставлять себя на вид, рассчитывать на самого себя и оценивать свои силы, где, напротив, он всегда оставался несовершеннолетним, без голоса и мнений, укрытый за общиною, как за непроходимой оградой, поглощенный государством, в котором он являлся как бы затерявшимся. Вместе с цивилизацией неизбежно развились идеи свободы, но бездеятельное недовольство слишком вошло в привычки: все желали избавиться от деспотизма, но никто не хотел приступить к этому первым.

И вот первые нашлись, и с таким величием души, с такой силой характера, что правительство в своем официальном донесении не посмело ни унизить, ни бесчестить их; Николай ограничился тем, что жестоко наказал их. Безмолвие, немая пассивность были нарушены; с высоты своих виселиц эти люди разбудили душу у нового поколения, — повязка спала с его глаз.

Г. В. ПЛЕХАНОВ О 14-м ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА [1]

Четырнадцатого декабря 1825 года в Петербурге произошло событие, глубоко поразившее современников и заслуживающее полного внимания потомства.

[1] Из речи, произнесенной на русском собрании в Женеве 14—27 декабря 1900 года.

А. И. Герцен, в своей брошюре «Русский заговор 1825 года», говорит, что в царствование Александра I «дворянство составляло, так сказать, активный народ, под которым внизу был народ, остававшийся неподвижным, и над которым вверху стояло правительство, отказывавшееся идти вперед».

Народ, т.-е. собственно крестьянство и немногочисленные тогда рабочие — не был совершенно неподвижен и в то время. Он глухо волновался, и его неудовольствие то здесь, то там прорывалось в виде так называемых у нас *бунтов,* но Герцен все-таки прав в том смысле, что движение, которое мы имеем теперь в виду, происходило исключительно в *дворянской* среде.

Дворянство было высшим, *привилегированным* сословием. Оно *эксплуатировало* крестьян. По экономической неразвитости тогдашнеей России эксплоатация крестьян дворянством совершалась в самой грубой форме — *в форме крепостной зависимости.* Крепостное право определяло собою все отношения помещиков к крестьянам и налагало свою печать на весь социально-политический строй России.

«То что называлось высшим образованным обществом, — говорит декабрист И. Д. Якушкин, — большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, занимавших нас, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего». Огромное большинство дворянства и думать не хотело об уничтожении крепостного права.

Огромнейшее большинство дворян того времени было «*активным*» разве лишь *во вред народу*. От этого большинства нельзя было ждать бескорыстных гражданских подвигов.

Но к чести нашей страны, в этой среде, мертвой для всякой живой мысли и для всякого благородного порыва, стали появляться люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения русского народа. Такие люди встречаются у нас уже в восемнадцатом столетии. Это были идеологи,

которые (выражаясь словами коммунистического манифеста) возвысились до теоретического понимания хода исторического движения. Они ненавидели крепостное право и стремились к гражданской свободе. При этом они очень ясно сознавали, что гражданская свобода невозможна там, где не существует границ царскому произволу.

Когда у людей возникают *такие* чувства, тогда действие становится для них *психологической необходимостью.* И мы видим, что уже в 1816 году являются попытки организации *тайных обществ.* Самым замечательным из этих обществ был «*Союз Спасения или истинных и верных сынов отечества*».

В истории этого общества, скоро переименованного в «*Союз Благоденствия*», необходимо прежде всего отметить, как эпоху кризиса, московский с'езд в феврале 1821 года, на котором решено было прекратить антиправительственную деятельность и положить конец существованию самого общества. На самом деле общество не было распущено, а только *преобразовано,* и самое постановление о прекращении его действия принято было, чтобы удалить из него некоторые ненадежные и нерешительные элементы. Тут же на с'езде выработан был новый устав, который разделился на две части: в первой, которая предназначалась для *вступающих,* говорилось, что общество преследует филантропические цели; во второй, предназначенной для *посвященных,* указывалась действительная цель общества: ограничение самодержавия в России.

Все были совершено согласны в том, что необходимо положить конец существованию *самодержавия и крепостного права.* Успех заговорщиков знаменовал бы собою торжество гражданской и политической свободы в России. Весь вопрос в том, *возможен* ли был успех. А по этому поводу надо заметить, что в нем сомневались нередко и сами члены Союза Благоденствия. И это обстоятельство, — сомнение заговорщиков в успехе собственного дела, — раскрывает перед нами в высшей степени замечательную черту их психологии. Сомневаясь, по крайней мере, по временам в возможности успеха, члены тайного общества не переставали тем

не менее стремиться к борьбе и к открытому восстанию. Они считали, что их гибель даст благодетельный толчек развитию русской политической мысли, и готовы были пожертвовать собою для блага родины.

Утром четырнадцатого декабря, когда войскам, находившимся в Петербурге, приказано было присягать Николаю, заговорщики увлекли за собою лейб-гвардейский Московский полк и привели его на Сенатскую площадь. Спустя некоторое время туда же пришли лейб-гренадеры и моряки гвардейского экипажа с офицерами.

Отбив кавалерийскую атаку конно-гвардейцев, «мятежники» продолжали твердо стоять, не поддаваясь никаким «увещеваниям», и были рассеяны только *картечью*. Покинув Сенатскую площадь, они попытались было выстроиться на льду Невы, но пушки продолжали делать свое кровавое дело, уничтожая всякую возможность серьезного сопротивления. Восстание было подавлено. Начались массовые аресты.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что благодаря своим ошибкам заговорщики лишились возможности нанести своим врагам жестокие и страшные удары. И невольно переспрашиваешь себя: Да неужели же в самом деле не хватило находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших смотреть в глаза смерти без малейшей боязни? Нет, такое предположение решительно несообразно с тем, что мы знаем о декабристах.

Я думаю что на этот вопрос можно правильно ответить лишь указанием на то, что они *сознательно* шли *на мученичество*. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания; это показывают собственные признания многих из них.

Если мы допустим, что таково было настроение членов тайного общества, то их действия на Сенатской площади представятся в совершено новом свете. Смотря на события 14-го декабря, как на *сражение* между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть *непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков.*

Если же мы взглянем на эти события, как на *военную манифестацию,* предпринятую людьми, не успевшими и приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий *очень просто об'яснится нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв.* «Эти люди хотели всенародно заявить мысль руской свободы, — справедливо говорит Герцен, — зная, что они погибнут, но что раз всенародно заявленная эта мысль уже никогда не погибнет». При таком настроении вопрос о том, удастся или нет захватить пушки или занять Петропавловскую крепость, мог иметь в их глазах лишь второстепенное или третьестепенное значение.

Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута *ли была главная цель* восставших, то мы не колеблясь ответим *утвердительно,* потому что, — как это очень хорошо сказал тот же Герцен, — *пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение.*

Прошло 75 лет, и много других казней видело наше несчастное отечество, много других жертв принесено было делу русской свободы! Но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления. Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по своему преследуя ту самую цель, к которой они стремились всем сердцем и всем помышлением. Но именно потому, что мы чтим в этих людях своих предшественников и хотим продолжать их дело, мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помешало их *непосредственному успеху.* Это обстоятельство было указано еще Герценом: *у них не было* поддержки со стороны народа, «и судьба их дела решена». Я уже сказал, что сословие, к которому принадлежали люди четырнадцатого декабря, было консер-

вативно по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов. Это необходимо знать и помнить, потому что вся дальнейшая история русской революционной мысли — за самыми малыми исключениями — может быть формулирована как ряд попыток найти такую программу действия, которая обеспечила бы революционерам сочувствие и поддержку со стороны народной массы. Мы социал-демократы, убеждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы *трудящейся массы* и прежде всего ее наиболее передовой части: *пролетариата*— мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризировать в ней идею *борьбы за политическую свободу*. В этом заключается наша месть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами.

В. И. ЛЕНИН О ДЕКАБРИСТАХ

Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря это — движение самих масс. Пролетариат — единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр

Предисловие — С. Я. Штрайх 3

Декабристам — А. С. Пушкин и др. 15

Нужно ли праздновать юбилей декабристов — М. Н. Покровский, С. И. Мицкевич 19

После Отечественной войны — С. Г. Волконский, И. Д. Якушкин 35

Развитие вольных идей в России — С. Я. Штрайх, И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, М. А. Фонвизин, А. А. Бестужев, В. И. Штейнгель и др. 39

Правительственный либерализм — Александр I, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев. 62

Экономические причины заговора — М. Н. Покровский, И. Д. Якушкин, проф. Шторх, А. И. Якубович, К. Ф. Рылеев 69

Военные поселения 88

Солдатская жизнь — С. Я. Штрайх 94

Восстание Семеновского полка — С. Я. Штрайх . . 104

«О мерзавцах» — С. Я. Штрайх, К. Ф. Рылеев . 133

Тайные общества — М. Н. Покровский, И. Д. Якушкин, И. И. Горбачевский. 136

Конституции декабристов — П. И. Пестель, С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев 152

14 декабря в Петербурге — В. И. Штейнгель, Нникола́й I, Д. И. Завалишин и др. . . . 169

Конец 1825 года на юге — М. И. Муравьев-Апостол, С. И. Муравьев-Апостол, М. А. Бестужев. 188

Николай I и декабристы — П. Е. Щеголев, П. Е. Анненкова, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, А. М. Муравьев 199

Казнь декабристов — И. Д. Якушкин, Е. П. Оболенский, ген. Пржецлавский и др. . . . 217

П. И. Пестель в тайном обществе 224

Пушкин и декабристы — С. Я. Штрайх, И. И. Пущин, И. Д. Якушкин 231

Отправление декабристов в Сибирь — Е. П. Оболенский, П. Е. Анненкова, И. И. Пущин, Н. В. Басаргин, А. М. Муравьев 244

Жены декабристов — М. Н. Волконская, А. И. Одоевский, Н. В. Басаргин, Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин, С. Я. Штрайх. 253

Декабристы в Сибири — И. Д. Якушкин, Н. В. Басаргин, А. Г. Муравьев, Е. П. Оболенский 267

Декабристы в потомстве — А. И. Герцен, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин 278

Иллюстрации: А. Н. Муравьев — 17, П. И. Пестель — 33, К. Ф. Рылеев — 49, С. И. Муравьев-Апостол — 65, М. П. Бестужев-Рюмин — 81, П. Г. Каховский — 97, «14 декабря 1825 г. на Сенатской площади» — с рис. Н. Кольмана — 113, «Заседание Следственной Комиссии по делу декабристов» — с зарисовки участника процесса — 129, «Декабристы на работе в Чите» — с карт. худ. А. В. Моравова — 145, «Камера декабристов в Читинском остроге» — с соврем. рис. — 161.

054

Цена 1 р. 40 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ
в Торговый отдел Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Москва, Новая пл., Б. Черкасский пер., д. 7.
Магазины: Комсомольский—Неглинный проезд, д. № 8.
Пионерский—Тверская, д. 37.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, д. 54.